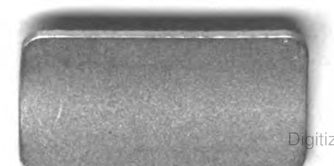

SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS

СКАЗАНІЕ

О ХОЖДЕНІИ ВЪ ТИБЕТСКУЮ СТРАНУ

МАЛО-ДÖРБÖТСКАГО БÂЗА-БАКШИ.

КАЛМЫЦКІЙ ТЕКСТЪ, СЪ ПЕРЕВОДОМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ,

СОСТАВЛЕННЫМИ

А. ПОЗДНѢЕВЫМЪ,

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ПОЧЕТНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ КОРОЛЕВСКАГО НИДЕРЛАНДСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

ИЗДАНІЕ ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА КО ДНЮ ОТКРЫТІЯ XI МЕЖДУНАРОДНАГО СЪѢЗДА ОРІЕНТАЛИСТОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1897.

СКАЗАНІЕ

О ХОЖДЕНІИ ВЪ ТИБЕТСКУЮ СТРАНУ

МАЛО-ДÖРБÖТСКАГО БАЗА-БАКШИ

КАЛМЫЦКІЙ ТЕКСТЪ, СЪ ПЕРЕВОДОМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ,

СОСТАВЛЕННЫМИ

А. ПОЗДНѢЕВЫМЪ,

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ПОЧЕТНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ КОРОЛЕВСКАГО НИДЕРЛАНДСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

ИЗДАНІЕ ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА КО ДНЮ ОТКРЫТІЯ XI МЕЖДУНАРОДНАГО СЪѢЗДА ОРІЕНТАЛИСТОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1897.

Напечатано по опредѣленію Факультета Восточныхъ языковъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Деканъ Баронъ *В. Розенъ.*

ОДИНАДЦАТОМУ

МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪѢЗДУ ОРІЕНТАЛИСТОВЪ

ВЪ ПАРИЖѢ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ФАКУЛЬТЕТЪ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ всѣхъ странъ Восточной Азіи Внутренній Тибетъ за послѣднюю четверть вѣка является истинно «запретною страною» для европейцевъ. Покойный Н. М. Пржевальскій еще въ пору своего перваго путешествія въ Центральную Азію 1870—1871 гг. уже намѣревался проникнуть въ эту страну; впослѣдствіи онъ пытался осуществить сказанное намѣреніе при своемъ третьемъ путешествіи 1879—1881 гг., равно какъ и при четвертомъ 1883—1885 гг., но въ оба раза безуспѣшно. Послѣ его смерти на изслѣдованіе Внутренняго Тибета двигались въ 1889 г. французскій путешественникъ Бонвало со своимъ именитымъ спутникомъ, герцогомъ шартскимъ, въ 1890 г. капитанъ бенгальской кавалеріи Бауеръ (Henry Bower), въ 1891 г. американецъ Вильямъ Рокхиль, въ 1892 г. французы Дютрейль де Ренсъ и Фердинандъ Гренаръ; но энергія всѣхъ этихъ изслѣдователей была почти напрасной, такъ какъ всѣ они, подобно Пржевальскому, прослѣдовавъ по тибетскимъ окраинамъ, не могли проникнуть во внутренность этой страны. Произошло это по единственной причинѣ, — нежеланію мѣстныхъ жителей впускать къ себѣ европейцевъ. В. Рокхиль, болѣе другихъ доставившій намъ свѣдѣній по этому вопросу, свидѣтельствуетъ,

что хласа'ское правительство не только разставило самые бдительные военные караулы по всей тибетской границѣ, но еще отдало приказаніе рѣшительно всѣмъ пограничнымъ жителямъ, подъ страхомъ жесточайшихъ наказаній, немедленно доносить ближайшему начальству о проходѣ каждаго подозрительно выглядывающаго путешественника. По чьей именно инициативѣ составляются подобныя опредѣленія и предписанія, сказать трудно. Рокхиль, на переговоры съ которымъ относительно пропуска въ Тибетъ явились тибетскіе чиновники, разказываетъ, что послѣдніе всю вину запрещенія сваливали на китайцевъ, когда же онъ заявилъ отказывавшимъ ему въ пропускѣ тибетцамъ, что никто не можетъ контролировать его движеній и что онъ пойдетъ за разрѣшеніемъ къ китайскому амбаню, то тибетцы явно испугались и рѣшительно начали противодѣйствовать этому: «они опасались», говоритъ Рокхиль, «что это дѣло попадетъ въ руки китайцевъ» и замкнутость ихъ страны будетъ нарушена. (см. W. W. Rockhill, Journey through Mongolia and Tibet, p. 233—238). Такимъ образомъ, по разказамъ Рокхиля, можно было предполагать, что основную препону для пропуска поставляютъ тибетцы и относительно разрѣшенія проникнуть въ Тибетъ было бы, вѣроятно, гораздо удобнѣе сговориться съ китайцами. Но недавно во французскомъ «Journal des Débats» были напечатаны новыя данныя по тому же предмету, доставленныя посмертными записками г. Дютрейль-де Ренса, одинаково добивавшагося проѣхать въ Хласу: ему пришлось вести переговоры особливо съ китайцемъ, помощникомъ хласа'скаго амбаня и результатомъ этихъ переговоровъ былъ опять таки отказъ уже со стороны китайцевъ. «Мы, китайцы, не хозяева въ Тибетѣ», говорилъ Дютрейль де Ренсу помощникъ амбаня, «мы только совѣтники тибетскихъ правителей, тибетцы же на столько дики и упрямы, что ихъ трудно заставить что либо понять». Не довольствуясь такими разсужденіями, г. Дютрейль де Ренсъ предлагалъ китайскому чиновнику отправить въ Хласу за разрѣшеніемъ своего посланца китайца же, но предложеніе его было положи-

тельно отклонено. Эти примѣры съ очевидностью доказываютъ, что въ дѣлѣ отказовъ въ пропускѣ въ Тибетъ китайцы и тибетцы дѣйствуютъ за одно и пока дѣйствуютъ вполнѣ успѣшно, такъ какъ со временъ Гюка и Габе ни одному европейцу не удалось еще проникнуть въ страну Далай ламы и Баньчэня. Стремясь удовлетворить пытливости своихъ знаній, англичане давно уже начали до извѣстной степени обходить эту препону. Они обучаютъ топографическимъ съемкамъ и откомандировываютъ въ Тибетъ со стороны Индіи своихъ азіятскихъ подданныхъ, ученыхъ браминовъ, которые, владѣя тибетскимъ языкомъ и знаніемъ мѣстныхъ обычаевъ, путешествуютъ по Тибету съ большею свободою и иногда доставляютъ весьма цѣнныя свѣдѣнія объ этой странѣ, какъ можно судить о томъ по опубликованнымъ трудамъ Наинъ-синга, Кришны, Ламы-Уджайна и др. Россія никогда не предпринимала ничего подобнаго, но она также точно имѣетъ въ составѣ своего населенія отдѣльныя монгольскія поколѣнія, родственныя Тибету если не по языку и быту, то по исповѣдуемой ими религіи и эта религіозная связь издавна порождала у нихъ взаимныя сношенія съ Тибетомъ. По слухамъ, мы знаемъ, что и теперь буряты цѣлыми десятками ежегодно уходятъ въ Тибетъ для поклоненія тамошнимъ святынямъ, принятія посвященій и усовершенствованія въ наукахъ; но какъ они ходятъ и живутъ тамъ, что видятъ и какія извѣстія приносятъ къ себѣ на родину, объ этомъ у насъ нѣтъ ровно никакихъ свѣдѣній. Весьма вѣроятно, что бурятскіе ламы, предпринимая поѣздки въ Тибетъ, составляютъ и свои описанія этихъ поѣздокъ, и свои замѣтки о странѣ, хотя подобными рукописями еще не интересуются въ нашей далекой Сибири и онѣ неизвѣстны вовсе, за исключеніемъ краткой замѣтки о путешествіи въ Тибетъ хамбо-ламы Заяева, написанной еще по требованію Императрицы Екатерины II *). Но вотъ на поѣздку въ Тибетъ подвигнулись и

*) Бурятскій текстъ этого путешествія въ Тибетъ имѣетъ появиться въ непродолжительномъ времени въ издаваемой мною «Монгольской Хрестоматіи».

другіе русскіе подданные монгольскаго поколѣнія, калмыки. Въ 1891 году съ цѣлью поклоненія Далай̀ ламѣ изъ калмыцкихъ степей астраханской губерніи выѣхалъ Бāза-гэлӯнгъ съ двумя своими сотоварищами и совершилъ свою поѣздку въ Тибетъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Объ отправленіи его въ свою пору у насъ рѣшительно никому не было извѣстно и только уже по возвращеніи его изъ предѣловъ Китая въ газетахъ появилась коротенькая замѣтка о счастливомъ окончаніи этого путешествія. Въ минувшемъ 1896 году посѣтивъ астраханскія калмыцкія степи, я узналъ, что Бāза гэлӯнгъ не только побывалъ въ Тибетѣ, но еще и составилъ записки о своей поѣздкѣ. Эта единственная въ своемъ родѣ работа и представляется теперь мною въ текстѣ и переводѣ.

Бāза гэлӯнгъ родился въ 1846 году въ Малодӧрбӧтскомъ улусѣ и былъ сыномъ калмыка-простолюдина дундӯ-хурӯлова рода. Полное свѣтское имя его было Бадмà, въ семьѣ же родители и родственники обычно звали его въ дѣтствѣ уменьшительно-ласкательнымъ Бāза, и съ тѣхъ поръ это прозвище утвердилось за нимъ на всю жизнь до такой степени, что въ настоящую пору дѣйствительное, т. е. монашеское имя Бāзы, Лобсàнъ-шарàбъ, почти не извѣстно въ народѣ. Отецъ Бāза гэлӯнга, имѣвшій семью въ десять человѣкъ дѣтей отъ двухъ женъ, не отличался особеннымъ достаткомъ: въ его хозяйствѣ всегда бывало приблизительно по полусотнѣ лошадей и рогатаго скота, до 150 овецъ и отъ 15 до 20 верблюдовъ; по калмыцки, это человѣкъ собственно малодостаточный; но фамилія его постоянно пользовалась большимъ уваженіемъ не только у сородичей, но и у всѣхъ малодӧрбӧтовъ особливо въ силу того, что изъ нея уже болѣе ста лѣтъ непрерывно выходили лучшія и почтеннѣйшія лица малодӧрбӧтскаго хурӯльнаго духовенства. Дѣдъ Бāза гэлӯнга, Чжалцàнъ-бакшù, былъ чуть ни боготворимымъ теперь у малодӧрбӧтовъ настоятелемъ Дундӯ-хурулà, а дядя его, Бальчùръ-бакшù, умершій въ 1891 году, 77 лѣтъ отъ роду, настолько славился своею ученостью, что слушать его объясненія и лекціи пріѣзжали даже

хуварàки другихъ улу̀совъ. Какъ старшій сынъ у своего отца, Бā̀за гэлу̀нъ уже на седьмомъ году былъ опредѣленъ въ родовой Дунду̀-хуру̀льскій монастырь и тогда же, конечно, получилъ посвященіе въ первую монашескую степень, мàньчжи, послѣ чего остался на попеченіи у своего ученаго дяди. Подъ его руководствомъ смѣтливый и пытливый отрокъ не только успѣлъ пріобрѣсти возможныя знанія, но съ теченіемъ времени даже и развить въ себѣ жажду знаній. Не довольствуясь лекціями ламайской догматики и изученіемъ ламайскихъ обрядовъ, онъ занялся еще тибетской медициной, основы которой ему преподалъ также извѣстный у малодо̀рбо̀товъ эмчѝ, Чжамцò-гэлу̀нгъ. Въ тоже время родственныя отношенія ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ Дунду̀-хурулà открывали для Бā̀за-гэлу̀нга самыя сокровенныя тайны дунду̀-хуру̀льской библіотеки, которыя онъ, по разказамъ очевидцевъ, поглощалъ съ жадностью: прочиталъ всѣ хранящіеся здѣсь историческіе памятники, граматы, письма, записи, словомъ весь монастырскій архивъ и такимъ образомъ еще въ молодости ознакомился съ исторіею развитія ламаизма въ астраханскихъ степяхъ. Когда именно посвященъ былъ Бā̀за гэлу̀нгъ въ высшія степени гэцу̀ля и гэлу̀нга, намъ не извѣстно въ точности. Оффиціально онъ получилъ свидѣтельство на званіе мàньчжи въ 1879-мъ году; въ 1886 году былъ утвержденъ гэцу̀лемъ, а въ 1895-мъ гэлу̀нгомъ и бакшèю Дунду̀-хурулà; но это, конечно, только оффиціально. Посѣтивъ калмыцкія степи въ 1880 году, мы сами видѣли тогда Бā̀за гэлу̀нга исполнявшимъ обязанности гэбку̀я, т. е. втораго лица по настоятелѣ монастыря и прохожденіе такой должности, обыкновенно замѣщаемой въ калмыцкихъ хурулàхъ по выбору, ручалось, что уже въ ту пору Бā̀за гэлу̀нгъ не только имѣлъ всѣ высшія посвященія, но и признавался лицемъ, выдающимся въ монастырѣ какъ по своимъ познаніямъ ламайскихъ каноновъ, такъ и по нравственной чистотѣ своей жизни. Частнымъ образомъ мы знаемъ, что Бā̀за-гэлу̀нгъ и дѣйствительно былъ всегда самымъ ревностнымъ и безупречнымъ ламаитомъ. Посвятивъ свою жизнь на служеніе буддѣ, онъ

останется памятенъ малодöрбöтамъ особенно какъ строитель Дундӯ-хурулà, каковое дѣло было исполнено имъ вмѣстѣ съ нынѣ уже умершимъ троюроднымъ братомъ его, Балдàръ-гэлӯнгомъ. Окончивъ эту постройку, Бāза-гэлӯнгъ, для довершенія своихъ добродѣтелей, задумалъ поѣздку въ Тибетъ, но о томъ какъ возникла у него мысль объ этой поѣздкѣ и совершилась самая поѣздка, онъ разказываетъ уже самъ въ своемъ повѣствованіи.

Первымъ и интереснѣйшимъ вопросомъ являются при этомъ тѣ письменные и устные памятники старинныхъ сношеній калмыковъ съ Тибетомъ, которые, по собственному признанію Бāза-гэлӯнга, послужили основными факторами, возбудившими въ немъ желаніе предпринять путешествіе въ Тибетъ. Въ числѣ такихъ памятниковъ онъ называетъ прежде всего далàй лàмскую грамату, выданную калмыкамъ еще въ періодъ посольства Галдàнъ-цэрэ̀на въ 1756 г. Мы ознакомились съ этою граматою, хранящеюся нынѣ въ монастырской библіотекѣ Дундӯ-хурулà: она представляетъ собою свитокъ тибетскаго пергамента, шириною въ 14 вершковъ, а длиною въ 2 арш. и 1 вершокъ, на которомъ, отъ имени далàй лàмы, начертано собственно посланіе Дэмӯ хутухты. Такъ какъ тибетская скоропись, которою начертана эта грамата, всегда была малоизвѣстна калмыкамъ, то текстъ ея, для удобнѣйшаго распространенія въ народѣ, тогда же былъ переведенъ на калмыцкій языкъ, каковой переводъ и прилагается здѣсь нами въ подстрочномъ примѣчаніи **). По содержанію сво-

---

**) [illegible]

ему эта грамата имѣетъ значеніе лишь для выясненія исторіи

развитія ламаизма среди калмыковъ. Она сообщаетъ совершенно

[illegible]

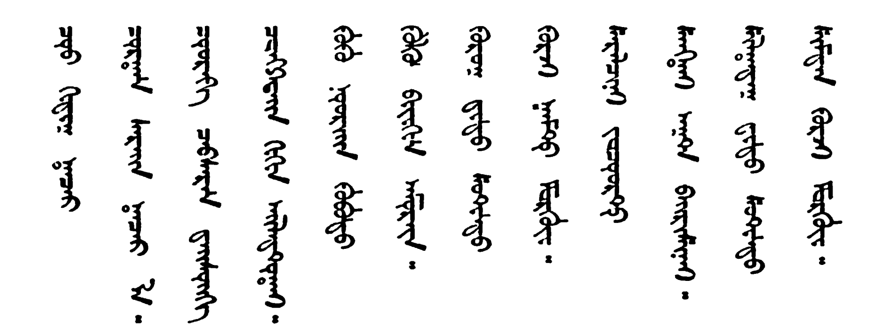
новый для насъ фактъ перваго сооруженія существующихъ нынѣ

[illegible]

въ Малодöрбöтскомъ улусѣ главныхъ хурулòвъ еще во времена Мöнкö тэмӯра; трактуетъ объ обезпеченіи содержанія этихъ хурулòвъ путемъ причисленія къ нимъ шабинàровъ, о пожалованіи хурулàмъ почетныхъ наименованій; излагаетъ предписанія относительно введенія въ калмыцкихъ хурулàхъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, молитвенныхъ чтеній и проч. и проч.; собственно же дѣла внѣшней обстановки сношеній она не выяс-

няетъ вовсе и узнать по ней, какимъ образомъ ходили калмыки встарину въ Тибетъ, Бāза-гэлӯнгъ рѣшительно не могъ. Такою же краткостью указаній на совершеніе поѣздокъ въ Тибетъ отличаются и памятники калмыцкой народной литературы. Въ малодöрбöтскомъ улусѣ еще до настоящей поры распѣвается пѣсня, по преданію, составленная Галда̀нъ-цэрэ̀номъ-Чжичжэ̄тэнъ, по поводу предпринимавшагося именно въ 1756 году путешествія калмыковъ въ Тибетъ; но эта пѣсня почти чужда дѣйствительности, фактовъ бытовой жизни, изложенія самыхъ обстоятельствъ поѣздки. Какъ и большинство монголо-калмыцкихъ пѣсенныхъ произведеній, она прекрасна своею рифмою, изяществомъ и мѣрностью своего языка; но по содержанію ея даже нельзя и догадаться когда, откуда, кѣмъ и почему предпринимается поѣздка въ Тибетъ. Единственныя, встрѣчающіяся въ ней указанія выясняютъ, что Тибетъ отстоитъ отъ мѣстожительства паломниковъ на шесть мѣсяцевъ ѣзды, что отдыхъ путешественниковъ предполагается въ Кӯкӯ-нӯрѣ, а путь ихъ пролегаетъ черезъ земли, отведенныя подъ пастьбища казенныхъ табуновъ ***); но кому же не извѣстно, что все это совершенно одинаково могли относить къ себѣ какъ всѣ чжунгары такъ и монголы, обитаю-

***) Вотъ текстъ этого небольшаго, но изящнѣйшаго стихотворенія:

щіе на громадныхъ пространствахъ отъ Алта̀я до Хинга̀на? Ясно посему, что и изъ сохранившихся памятниковъ устной литературы Ба̄за-гэлӯнгъ не могъ вывести многаго относительно поѣздки въ Тибетъ; они могли только удостовѣрить его, что подобныя поѣздки бывали и навести его на мысль, что, «пожалуй, можно поѣхать и въ настоящую пору». Бо̀льшую подготовку едва ли и имѣлъ Ба̄за гэлӯнгъ при своемъ отправленіи.

Особенное достоинство записокъ Ба̄за гэлӯнга составляютъ простота и несомнѣнная искренность и правдивость ихъ разказа. Въ существѣ дѣла записки эти нельзя назвать богатыми своимъ содержаніемъ. Какъ человѣкъ не особенно развитой и мало знакомый съ интересами гражданской жизни и дѣятельности, Ба̄за гэлӯнгъ проходилъ громадныя пространства какъ бы съ закрытыми глазами и не даетъ о нихъ никакихъ свѣдѣній, помимо простой номенклатуры урочищъ. Въ описаніи своего пути онъ дѣлаетъ замѣтки по большей части лишь о пунктахъ, поражавшихъ его своими особенностями, общій же характеръ пройденныхъ мѣстностей, подчасъ верстъ на 500,600, онъ обходитъ полнымъ молчаніемъ, такъ какъ онѣ, не представляли собою, по его мнѣнію, ничего выдающагося и сказать о нихъ было нечего. Объ описаніи внѣшняго вида городовъ, степени ихъ населенности, промышленности и торговаго значенія, равно какъ объ экономическомъ бытѣ и соціальныхъ отношеніяхъ видѣнныхъ имъ кочевыхъ общинъ также нѣтъ почти никакой рѣчи. Какъ благочестиваго паломника, на̀шего путешественника интересуютъ лишь буддійскіе монастыри и кумирни, хотя и здѣсь онъ является въ высшей степени краткимъ, въ большинствѣ случаевъ не описывая, а лишь отмѣчая по названію то, что находилъ онъ достопримѣчательнаго въ посѣщенныхъ имъ монастыряхъ. И за всѣмъ тѣмъ записки Ба̄за гэлӯнга представляютъ собою высокій интересъ, не только потому что описываютъ невѣдомыя намъ страны Внутренняго Тибета, но и потому что живописуютъ передъ нами истинный типъ не менѣе малоизвѣстнаго для насъ калмыка. Какъ живой стоитъ теперь передъ нами этотъ кал-

мыкъ съ его безконечною вѣрою въ будду и ламайскія святыни, съ его поразительнымъ благоговѣніемъ передъ хутухтами и подчиненіемъ всякаго рода гэгэнамъ, доходящимъ до полнаго отреченія отъ всѣхъ своихъ даже самыхъ завѣтныхъ желаній, съ его безграничнымъ суевѣріемъ, которое побуждаетъ его чуть ни на каждомъ шагу и притомъ съ одинаковымъ страхомъ гадать о своемъ счастьи и у тибетскаго хутухты и у китайскаго шамана, заставляетъ его по одному слову комично пролезать въ разныя скважины, освящать свои гадательныя кости и проч. и проч. Одновременно съ симъ вы поражаетесь его хитростью, способностью примѣниться ко всякимъ обстоятельствамъ, мастерствомъ обходить всякаго рода препятствія и умѣньемъ соблюдать свои выгоды. Трудно повѣрить, хотя и несомнѣнно, что за весь проѣздъ отъ Урги до Хласы Ба̄за-гэлӯнгъ и его спутникъ уплатили лишь около 215 руб. руб. и это еще при томъ условіи, что у нихъ постоянно былъ одинъ, а то и два прислужника, которыхъ они везли на свой счетъ; слѣдовательно весь путь обошелся имъ рублей по 50 съ человѣка ****). Ихъ договоры съ подводчиками представляютъ собою такія же невѣдомыя у насъ формы разсчетовъ, какъ невѣдома была и почти вся та жизнь, о которой повѣствуетъ Ба̄за-гэлӯнгъ и которую едва ли описалъ бы намъ кто либо изъ европейцевъ. Ба̄за-гэлӯнгъ вводитъ насъ въ совершенно чуждый намъ міръ, гдѣ люди цѣлую жизнь проводятъ безъ собственнаго крова и куска хлѣба, переходя на поклоненіе отъ одной святыни къ другой; гдѣ эти пилигримы, слѣдуя по монастырямъ, промѣриваютъ не ногами, а поклонами собственнаго

****) Отъ Урги до Гумбӯма за 5 верблюдовъ, считая по 6 ланъ за верблюда, всего 30 ланъ; отъ Гумбӯма до Дула̄нъ-байшина за 8 верблюдовъ, всего 10 ланъ 8 цин.; отъ Дула̄нъ байшина до Накчӯ за 5 верблюдовъ, по 12 ланъ за каждаго, а всего 60 ланъ; отъ Накчӯ до Хласы за 7 муловъ вьючныхъ и одного верховаго, всего 5 ланъ 8 циновъ. Такимъ образомъ за весь путь уплачено 106 ланъ 6 циновъ; а какъ самъ Ба̄за гэлӯнгъ почитаетъ ланъ серебра за 2 русскихъ рублевика (см. стр. 243), то общая плата ихъ за проѣздъ была 213 руб. 20 коп.

тѣла, цѣлыя тысячи верстъ; гдѣ гэгэ̀ны читаютъ и объясняютъ произведенія ламаизма и эти лекціи тянутся по 12 дней, почти не выходя изъ кумирни; гдѣ на ряду съ этимъ благоговѣніемъ не только удивительно уживаются, но и положительно чествуются воровство, разбои и убійства: что бы получить имя «доблестнаго мужа», сдѣлаться правителемъ народа, тамъ нужно именно отличиться своими злодѣяніями. Впрочемъ, перечислять здѣсь всѣ особенности восточнаго характера и быта, излагаемыя въ запискахъ Бā̆за гэлӱнга, едва ли умѣстно: читатель самъ ясно увидитъ ихъ тѣмъ больше, что сознательное чтеніе этихъ записокъ не представляетъ никакой трудности. Въ географическомъ отношеніи, не смотря на то что Бā̆за гэлӱнгъ называетъ массу новыхъ мѣстностей и урочищъ, путь его все же совершенно отчетливо можетъ быть отысканъ по имѣющимся у насъ ландкартамъ. Нѣкоторое неудобство для чтенія представляетъ только то, что Бā̆за гэлӱнгъ велъ свой дневникъ, руководствуясь калмыцкимъ времясчисленіемъ. Мы употребляли всѣ усилія, къ отысканію калмыцкихъ календарей за соотвѣтствующіе годы, чтобы пріурочить называемыя путешественникомъ числа мѣсяцевъ къ русскому времясчисленію; къ сожалѣнію, намъ удалось найти только одинъ такой календарь, на 1893-й годъ, изъ котораго мы и сдѣлали потребныя выписки, тогда какъ остальные три года, захватываемые путешествіемъ, остаются у насъ безъ опредѣленій. Вотъ почему, при всемъ желаніи придать путешествію наибольшую ясность, мы можемъ служить нашимъ читателямъ только пріуроченіемъ мѣсяцевъ, указавъ, что калмыцкіе мѣсяцы почти совершенно соотвѣтствуютъ: 1) мѣсяцъ дракона — февралю, 2) змѣи — марту, 3) лошади — апрѣлю, 4) овцы — маю, 5) обезьяны — іюню, 6) курицы — іюлю, 7) собаки — августу, 8) свиньи — сентябрю, 9) мыши — октябрю, 10) коровы — ноябрю, 11) барса — декабрю и 12) зайца — январю. Разница здѣсь можетъ быть лишь впередъ или назадъ, но не свыше какъ на десять дней.

Но основной интересъ настоящаго произведенія Бā̆за

гэлӯнга, по нашему мнѣнію, все же представляется при разборѣ его въ филологическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что трудъ этотъ является для европейскихъ оріенталистовъ первымъ образцомъ описательныхъ калмыцкихъ произведеній, онъ неоспоримо важенъ еще и потому что представляетъ собою прекрасный примѣръ именно живого языка современной калмыцкой литературы. Основательное разсмотрѣніе этого произведенія должно удостовѣрить каждаго, что современный литературный языкъ волжскихъ калмыковъ доселѣ еще остается такимъ же изящнымъ, богатымъ своимъ лексикономъ и своими формами, а потому и такимъ же строго опредѣленнымъ какъ въ выраженіи понятій такъ и взаимоотношенія ихъ, какимъ видѣли мы этотъ языкъ и въ прежнихъ произведеніяхъ чжунга̀ровъ, или первыхъ выходцевъ на берега Волги. Живучесть формъ этого языка по истинѣ можетъ почитаться поразительною. Въ самомъ дѣлѣ, въ путешествіи Ба̄за гэлӯнга мы встрѣчаемъ рѣшительно всѣ тѣ этимологическія агглутинаціи и синтаксическіе обороты, которые находимъ въ ойра̀тскихъ уложеніяхъ 1640 года, законахъ Дондӯкъ-даши̇̀, Зинзилинскихъ постановленіяхъ, поэмѣ Убаши̇̀-хун-та̀йчжи, или въ исторіи калмыцкихъ ха̄новъ Габа̀нъ-шара̀ба. Нѣкоторое отличіе замѣчается лишь въ правописаніи, хотя все оно состоитъ, кажется, въ томъ, что въ настоящей письменности мы наблюдаемъ во 1-хъ менѣе сознательное отношеніе къ выраженію долгаго «ӯ» при посредствѣ [illegible] и [illegible]; а во 2-хъ какъ то сильнѣе проглядываетъ въ ней то выбрасываніе гласныхъ въ короткихъ среднихъ слогахъ и та ассимиляція гласныхъ слова, которыя были всегда присущи калмыцкой разговорной рѣчи. Впрочемъ подобныя особенности имѣютъ, кажется, въ своей основѣ главнымъ образомъ небреженіе писца, такъ какъ одно и тоже слово постоянно является здѣсь изображаемымъ то въ правильно грамматической, то въ измѣненно разговорной формѣ. ([illegible] 1—2; [illegible] 39—6; [illegible] 39—5; [illegible] 90—4; [illegible] 116—1). Гораздо болѣе важнымъ представляется намъ другое, еще не обращавшее на себя доселѣ

вниманія монгологовъ явленіе перехода гласныхъ изъ долгихъ въ короткія и обусловливающееся этимъ переходомъ такъ сказать количественное сокращеніе языка. Такія слова какъ и многія другія остаются у нашего автора безъ показанія долготы ихъ гласной и это, по крайней мѣрѣ въ отношеніи нѣкоторыхъ словъ, систематически проводится черезъ всю рукопись, такъ что въ подобнаго рода начертаніяхъ мы не можемъ уже видѣть описки, а скорѣе должны признать, что авторъ и не подозрѣваетъ въ этихъ словахъ долгаго слога. Самъ по себѣ фактъ этого перехода является совершенно въ духѣ языка. Извѣстно, что въ древне-калмыцкой письменности, какъ и въ монгольской, мы постоянно встрѣчаемъ слова, долгая гласная которыхъ выражается даже твердымъ придыханіемъ: (этотъ несомнѣнный архаизмъ не чуждъ впрочемъ и современной литературѣ, даже у нашего автора мы встрѣчаемъ соединительный падежъ въ формѣ 23—6); впослѣдствіи это твердое придыханіе замѣнилось мягкимъ, стали писать: также точно какъ писали ; въ дальнѣйшемъ періодѣ стало, повидимому, недостаточно яснымъ и это мягкое придыханіе, почему калмыки въ такого рода словахъ перестали обозначать его точно, полугласною (й), а замѣнили простымъ показаніемъ удлинненія слога: ; еще далѣе сократилось и это удлинненіе, долгая гласная какъ бы всецѣло стала признаваться короткой и теперь пишутъ: ; наконецъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ формахъ, стала исчезать и самая эта короткая гласная почему появилось и и и т. д. Конечно, всѣ эти формы были на глазахъ у каждаго изъ монголистовъ и только случайно модификаціи ихъ оставались безъ разбора. Мы лично были поражены этимъ явленіемъ перехода долгихъ гласныхъ въ короткія и засимъ полнаго выпаденія ихъ особливо въ Южной Монголіи, гдѣ, въ силу подобныхъ видоизмѣненій, слова начали

получать для себя даже другія агглутинаціи. Какъ наглядное доказательство этого въ литературѣ мы можемъ указать на послѣднее южно-монгольское изданіе біографіи Чжанчжа̀ хутухты̀, гдѣ въ томѣ I на стр. 153-й встрѣчается, напримѣръ, форма [illegible]. Ясно, что здѣсь, вслѣдствіе исчезновенія конечной гласной *«а»* въ словѣ [illegible], это слово получило для себя даже совершенно иное склоненіе чѣмъ то, по которому видоизмѣнялось оно въ падежахъ при своей прежней, правильной формѣ. Вотъ почему, встрѣчая въ рукописи Ба̄за-гэлу̇нга, повидимому, ошибочное, но повсюду однообразное начертаніе нѣкоторыхъ словъ безъ показанія долготы ихъ гласныхъ, мы не рѣшились исправлять этого и всецѣло сохраняемъ въ данномъ случаѣ его правописаніе, предоставляя послѣдующимъ изслѣдователямъ понаблюдать, насколько дѣйствительно замѣчается въ калмыцкой рѣчи переходъ долгихъ гласныхъ въ короткія, а равно выпаденіе послѣднихъ и какое значеніе имѣетъ это въ дѣлѣ калмыцкой этимологіи.

Въ заключеніе почитаемъ долгомъ сказать, что, судя по произведенію Ба̄за-гэлу̇нга, въ рѣчь астраханскихъ калмыковъ въ настоящую пору привзошло уже не мало русскихъ словъ и это не только для выраженія чуждыхъ, привнесенныхъ въ калмыцкую жизнь, новыхъ, европейскихъ понятій (магазинка, берданка, пистулъ, глазетъ, сафьянъ, часъ, аршинъ, пудъ, машина, по̀чита, прогоны, баржа, перевозъ пристань, иста̀нца, гостинница, фатера, контора, доска, фонарь, банкъ, лавка, арестантъ, и проч. и проч.); но и для выраженія такихъ именъ и понятій, въ которыхъ употребленныя русскія слова, повидимому, всецѣло могли бы быть обозначены соотвѣтствующими калмыцкими. Такимъ образомъ Ба̄за-гэлу̇нгъ совершенно одинаково употребляетъ, напримѣръ, калмыцкія: «хото̀», «балгасу̇нъ» (2—11) и русское — городъ (2—12); калмыцкое: «га̄л-кэрэ̀мъ» (2—10) и русское «пароходъ» (118—6); калмыцкое: «худулда̄чи» (21—4) и русское — «купца» (= купецъ). Все это необходимо считать въ

высшей степени утѣшительнымъ: отказываясь отъ своего и безсознательно замѣняя его русскимъ, Бā̄за гэлӱнгъ непреложно свидѣтельствуетъ тѣмъ объ усиленномъ проникновенiи въ калмыцкую жизнь русскихъ влiянiй.

А. Позднѣевъ.

[illegible] 1891 [illegible] 135 [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] 1890 [illegible]

2 [illegible] 4 [illegible] 1 [illegible] 10 [illegible]

[illegible] 2 [illegible] 27 [illegible]

[illegible] 850 [illegible] 4 [illegible] 65 [illegible]

[illegible] 25 [illegible]

[illegible] 10 [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] 91 [illegible] 24 [illegible]

2 [illegible] 40 [illegible] 205 [illegible] 50 [illegible] 40 [illegible]

25 [illegible] 6 [illegible] 28 [illegible] 6 [illegible] 28 [illegible] 6 [illegible] 23 [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

3500

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

1) ཁྲ་ཚོད

[illegible]

---

1) འཁོར་ཆེན་ 2) ལྷ་ཁང་ 3) རང་སྒྲིང་

1) རྫོངས་

2) འབྲས་སྤུངས་སྒོ་མངས་ཀྱི་ཚང་ཏར་སྟོང་ཁམས་ཚན་མཚོ་ཁ་མི་ཚན་

[illegible]

1) སེ་ར་

2) ལྷ་ས་

3) ཁྲིན་གཟུགས་ཁང་

1)

[illegible]

1) ཆོས་སྐྱོང་གི་ཚང་ཁང་　2) དཔལ་ལྡན་སྨད་རྒྱུད་　3) སྟོད་རྒྱུད་

4) སྲུ་རི་　5) ཚེ་མོ་གླིང་　6) ཤརེ་ཏ་　7) བསྟན་རྒྱས་གླིང་　8) དེ་མོ་

[illegible]

1) ཐ་ད་ལ་ 2) ལྷུགས་སྤུར་རི་ 3) སྨན་པ་ 4) ཀུན་འདུས་གླིང་
5) ནོར་བུ་གླིང་ཁ་

[illegible]

[illegible]

1) སྐུ་གསུང་ཐུགས་ 2) མཎྜལ་

1) དགའ་ལྡན་ལྷ་བརྒྱ་མ་ཡགས་སྐོར་ 2) ལུང་ 3) ཐུབ་བསྟན་རྒྱ་མཚོ་

[illegible]

1) བྱམས་པ་རིན་པོ་ཆེ་　　2) བྱིན་བདག་

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

1) སྐབས་གསུམ་

1) རྣམ་རྒྱལ་

[illegible]

1) དབུས་

2) ཚལ་གུང་ཐང་

3) བདེ་ཆེན་རྫོངས༎ 'བད་དཀར་གོ་

4) དགའ་ལྡན་

1) མངས་ཇ་ 2) མེ་ཏོག་ཀུན་དགའ་ 3) རིན་ཆེན་གླིང་

[illegible]

---

1) འོད་ཟེར་ཅན་ 2) སྒྲུ་ལེ་ཏེང་གི་མཚོ་ 3) ཛོད་ཆེ་

[illegible]

1) ཚོགས་ཆེན་འདུ་ཁང་   2) ཐང་ཀ་

1) ཟངས་ལིང་ 2) འོལ་ཁ་

[illegible]

1) རྗེ་ལུང་

2) ཆོས་འཁོར་རྒྱལ་

1) དགེ་འདུན་རྒྱ་མཚོ་ ... ་ཅན ‖ པས་ཁབ ‖

2) ཚོགས་མཆོད་

3) སེང་གེ་གདོང་ཅན ‖ རྒྱ་

1)

1) ཚེ་དབང་

2) དགེ་འཕེལ་

3) སྒོ་མངས ‖ བློ་གསལ་གླིང་ ‖ བདེ་ཡངས་ ‖ སྔགས་པ་

[illegible]

1) [illegible]

[illegible]

1) རི་ཁྲོད་

2) བརྒྱད་སྟོང་པའི་

3) པ་ཡུང་ཁ་

[illegible]

1) སེ་ར་རྒྱས་པ། སེ་ར་སྨད་པ། སྔགས་པ་ 2) ཚུ་པ་བཟང་། སྐྱབ་ཁང་། ཕུར་བུ་ལྕོག ། དགེ་ཆེན། ར་ཁ་བྲག། ཕྲག་རི། 3) རང་བྱུང་ 4) སེ་འབྲེས་དགེ་

[illegible]

---

1) བཀྲ་ཤིས་ལྷུན་པ་

2) གནས་སྐོར་པ་

3) ས་སྐྱ་པཎ་ཆེན་

1) ཡངས་པ་ཅན་ 2) ཉེ་སྦང་

1) འཛམ་དབྱངས་ 2) ཚ་བས་ནད་ 3) བྱང་ཆུབ་སྙིང་ 4) ཆུ་བའི་

5) ཐང་ཐང་རྒྱལ་པོ་དགོམ་པ་

[illegible]

---

1) དཔལ་སྡེ་ 2) བྲེ་མ་ཀ་རི་ 3) ཨེ་ཀ་ཙ་ཏི་

[illegible]

1) ལྷ་སྣུམ་རྫོངས་ 2) བཀྲ་ཤིས་ལྷུན་པོ་

1) ཤཀྱ་

2) གནཔ་ཆུ་

3) བྱང་ཆེ་། སར་ཆེ་། བྱ་གང་། སྒོགས་པ་

1) གླ་སྐར

[illegible]

1) དགེ་ལེགས་རྣམ་རྒྱལ་

[illegible]

1) ཕྲུག་ཆ་　　2) སྣར་ཐང་

[illegible]

[illegible]

1) [illegible]

17

103

1894

1

17

1896

Въ старыя времена Донрȍбъ-аршй ханъ [1]) посылалъ своихъ людей, чтобы они доставили въ Тибетъ жертвоприношенія и представились всевѣдущему гэгэну [2]). Вмѣстѣ съ этими людьми поднесъ, при посредствѣ Табка-гэцуля, свои приношенія и потомокъ дӧрбӧтскаго нойона, Далай-тайшй, нойонъ Галданъ-цэрэнъ, прозывавшійся Чжичжэтэнъ [3]), за что удостоился великихъ ми-

---

1) Донрȍбъ-аршй,—болѣе извѣстный у насъ подъ именемъ Дондукъ дашй,—послѣдній изъ хановъ, управлявшихъ всѣми поколѣніями калмыковъ, кочевавшихъ въ степяхъ поволжскихъ и донскихъ. Онъ былъ сыномъ старшаго сына Аюкй, Чакдуръ чжаба и управлялъ калмыками 20 лѣтъ, съ 1741-го по 1761 годъ. Стремясь ограничить тогдашнія своеволія калмыковъ, русское правительство по началу совершенно не хотѣло объявлять Дондукъ-дашй ханомъ и въ 1641 г. назначило его лишь намѣстникомъ ханства; но впослѣдствіи, и именно въ 1757-мъ году, за отлично усердное управленіе, онъ все-таки получилъ ханскій титулъ, о чемъ и было возвѣщено народу съ особою торжественностью (Pallas, Samlungen, Th. I, s 82). У калмыковъ сохранилось преданіе, что Дондукъ-дашй былъ страшно угнетаемъ неимѣніемъ ханскаго титула и употреблялъ рѣшительно всѣ мѣры, чтобы какъ либо получить его. Разказываютъ, что и самое калмыцкое посольство въ Тибетъ 1756 года, о которомъ упоминаетъ нашъ авторъ, было снаряжено Дондукъ-дашіемъ именно съ цѣлью испросить себѣ у Далай-ламы титулъ хана.

2) «Всевѣдущій гэгэнъ» — дословный переводъ тибетскаго [tibetan script] и монгольскаго [mongolian script], представляющаго собою титулъ Далай-ламы.

3) Упоминаемый здѣсь нойонъ Далай-тайшй есть, кажется, первый изъ дӧрбӧтскихъ владѣльцевъ, перекочевавшихъ изъ Чжунгаріи въ предѣлы Россіи. Первыя извѣстія о началѣ русскихъ сношеній съ нимъ находятся въ ме-

лостей: далай-лама пожаловалъ ему печать и грамату [4]), а сверхъ сего соизволилъ еще на наставленіе, увѣщававшее приходить опять и снова получать печати и граматы. Съ тѣхъ поръ до настоящаго, 1891-го, года желѣза и зайца миновало 135 лѣтъ.

Нынѣ я, Бāза-гэлӯнгъ Дундӯ-хурулà Багà-дöрбöтовскаго улуса, прочитавъ вышеозначенныя сказанія и наставленія, а равно собравъ свѣдѣнія какъ изъ устныхъ разказовъ, такъ и изъ священныхъ книгъ [5]) обо всемъ томъ, какимъ образомъ ходили на аудіенцію (къ далай ламѣ), еще за много лѣтъ раньше предполагалъ, что, пожалуй, и въ настоящую пору можно дойти (до Тибета) и представиться. По таковой то причинѣ довелъ я объ этомъ до свѣдѣнія исполненнаго благоговѣнія и добродѣтелей, нойона Цэрэнъ-Давида [6]). Въ силу прежняго стяжанія до-

---

моріяхъ тобольскаго воеводы Матвѣя Годунова 1622—1623 гг., позднѣйшая же дѣятельность этого нойона описывается въ «Исторіи Сибири» Фишера на стр. 318, 329, 330, 415 и 416. На берега Волги дöрбöты, по сказаніямъ «Исторіи калмыцкихъ хановъ», прибыли уже при сынѣ Далай-тайши, Солӧмъ-цэрэнѣ, который якобы перекочевалъ сюда съ Тобола вмѣстѣ съ 4000 своихъ податныхъ кибитокъ въ 1674 году (см. Позднѣевъ, Калмыцкая Хрестом. стр. 3); но послѣднее едва ли вѣрно, такъ какъ мы знаемъ, что еще въ 1672 г. Соломъ-цэрэнъ подъ предводительствомъ Аюкй ходилъ войною на крымскіе улусы, и по всей вѣроятности, вышепомянутое калмыцкое сказаніе должно быть понимаемо въ смыслѣ окончательнаго утвержденія дöрбöтовъ своими кочевьями на нагорной сторонѣ Волги, причемъ они признали надъ собою власть Аюкй. Что касается Галдāнъ-цэрэна, то онъ былъ уже праправнукомъ Солӧмъ-цэрэна. «Дöрбöнъ Ойрадыйнъ тӯкэ» исчисляетъ ихъ поколѣнія такъ: Солӧмъ-цэрэнъ, его сынъ Мӧнкӧ-тэмӯръ, его сынъ Читэръ, его сынъ Балдāнъ дондӯбъ, его сынъ Галдāнъ-цэрэнъ (см. Позднѣевъ. Памятн. историч. литерат. Астрах. Калмыковъ. СПБ. 1885 г. стр. 61). Послѣдній былъ извѣстенъ своею ревностью къ буддизму и умеръ въ Петербургѣ въ 1674 году.

4) Эта печать и грамата, писанная тибетскою скорописью, хранятся нынѣ въ Дундӯ-хурулѣ Малодöрбöтовскаго улуса. Нашъ авторъ бралъ эту грамату съ собою при своей поѣздкѣ въ Тибетъ и, повидимому, она сослужила ему не малую службу въ дѣлѣ пропуска во внутрь этой «запретной страны».

5) Упоминаніе о посольствѣ калмыцкаго хāна Дондӯкъ-дашй находится въ біографіи 7-го Далай ламы, сочиненіи, привезенномъ въ 1880 году изъ Урги вдовствующею супругою харахусовскаго нойона Цэрэнъ-бальджиръ Дугāровой.

6) Цэрэнъ-Давидъ Тундутовъ — послѣдній изъ владѣтельныхъ Малодербетовскихъ нойоновъ, при которомъ 15 мая 1892 г. совершилась отмѣна владѣльческихъ правъ калмыцкихъ князей на калмыковъ-простолюдиновъ. Сынъ Малодербетскаго нойона Цанджйна Тундутова, онъ получилъ образованіе въ

бродѣтелей рожденный повелителемъ своихъ многочисленныхъ податныхъ, нойо̀нъ этотъ, услыхавъ, тотчасъ же проникся благоговѣніемъ и, какъ для созиданія блага многихъ одушевленныхъ существъ, такъ и ради увеличенія собственныхъ добродѣтелей, приготовилъ и пожаловалъ мнѣ и мои путевые провьянты, и всякаго рода вещи, необходимыя въ дорогѣ, а равно соизволилъ и на одобреніе (моего предположенія), сказавъ: «отправляйтесь къ Цзӯ, въ Тибетъ и вознесите тамъ поклоненія за правителей, страну и народъ Всевѣдущему гэгэ̀ну, Баньчэ̀нь-ринбочэ̀, гэгэну Цзӯ Шакчжамӯни̇, въ избранныхъ большихъ монастыряхъ и передъ всѣмъ, что есть тамъ высокаго и великаго». Послѣ сего я, Ба̄за-гэлӯнгъ Мӧнкӧчжӯевъ, уже непреложно и всею душею рѣшилъ свое путешествіе въ Тибетъ съ тѣмъ, чтобы добраться и совершить поклоненіе въ странѣ Цзӯ, — Тибета, до которой наши люди не доходили уже 135 лѣтъ и снова показать многочисленнымъ одушевленнымъ существамъ нашего царства дорогу, которою можно ходить. Приготовивъ все необходимое и взявъ въ качествѣ спутниковъ манчжи̇ка [7]) изъ своего хурула̀, Личжи̇ Идэрӯнова, да калмыка-простолюдина Дорчжи̇ Ула̄нова, я, 5-го числа мѣсяца курицы того же 1891 года желѣза и зайца, выѣхалъ изъ Дундӯ хурула̀, служившаго моимъ мѣстопребываніемъ. Переночевавъ въ дорогѣ, я прибылъ въ помѣстье своего нойо̀на. Представившись князьямъ и пожелавъ имъ здравія, 9-го числа мы, проѣхавъ черезъ колонію Сарепту, сѣли на волжскій пароходъ. Этотъ мѣсяцъ «курицы» по русски — Іюль.

Московскомъ лицеѣ Цесаревича Николая, и, по окончаніи курса, возвратился въ степи, чтобы управлять народомъ. Оставаясь ревностнымъ ламаитомъ, онъ въ то же время является теперь однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ калмыковъ и какъ бы калмыцкимъ меценатомъ. Въ 1884 г. имъ была издана монографія «Калмыки. — Историческій очеркъ». Настоящее описаніе путешествія въ Тибетъ, какъ увидимъ мы ниже изъ словъ самого автора, появилось также благодаря главнымъ образомъ настояніямъ Цэрэ̀нъ-Дави̇да Тундутова.

7) Такъ называется у калмыковъ низшая степень монашескаго посвященія, соотвѣтствующая монгольскому «ба̀ньди».

Провожать насъ отправилось во главѣ съ нойдномъ болѣе двадцати человѣкъ. Воротивъ этихъ провожающихъ изъ Царицына, нойдн самъ съ тремя своими спутниками, сопровождалъ насъ, до города Саратова.

Изъ этого города Саратова нойдн пожаловалъ намъ, какъ вещи, необходимыя въ дорогѣ: 1 магазинку и 2 берданки, всего этакихъ три ружья; 2 шести-зарядныхъ револьвера, 3 кинжала, засимъ дождевики, дорожное платье и кое что необходимое. Недостающее онъ указалъ намъ взять изъ Казани и возвратился домой.

Мы трое, отправившись на пароходѣ, 14-го числа прибыли въ Казань и продневали тамъ 15-го. Вещи, которыя мы пріобрѣли, полагая, что онѣ будутъ необходимы для приношеній, были слѣдующія:

16 аршинъ шелковаго бархата, въ размѣрѣ на халатъ	72 р.	— к.
14 аршинъ глазета — на халатъ	98 »	— »
10 аршинъ коричневаго сукна — на два халата	35 »	— »
10 аршинъ глазета	45 »	— »
5 красныхъ сафьяновъ	7 »	50 »
4 желтыхъ сафьяновъ	6 »	— »
4 пары шитыхъ золотомъ сапоговъ	20 »	— »
2 часовъ	13 »	— »

Сверхъ сего, полагая, что это будетъ необходимо для приношеній и подарковъ, мы, еще вмѣстѣ съ нойдномъ, изъ Саратова взяли: 8 бирюзовыхъ серегъ; шелковаго бархата на халатъ, — 30 р.; 5 аршинъ глазета — 4 р.; и еще множество различныхъ мелкихъ, стеклянныхъ вещицъ. Полагая, что такія вещи въ Тибетѣ рѣдки и будутъ новинкой, мы взяли ихъ для подарковъ.

За симъ изъ Казани мы 16 числа, въ 8 часовъ утра, сѣли на пароходъ, совершающій рейсы по р. Камѣ; 18-го числа не

было [8]) а 19-го, въ 8 часовъ вечера, мы прибыли въ городъ Пермь. Говорятъ, что отъ Казани досюда 1024 версты, а отъ Сарепты до Казани, говорятъ, также 1024 версты [9]).

Тѣмъ же самымъ вечеромъ, въ 11 часовъ, мы сѣли и отправились по желѣзной дорогѣ; ѣхали 20-е число, а 21-го, въ 7 часовъ утра, пріѣхали въ городъ Тюмень. Говорятъ, что эта дорога = 772 верстамъ. Во время слѣдованія по этой машинѣ лишнія вещи, помимо постели и подушки, мы сдали въ багажъ: составилось 7 пудовъ. Со времени постройки этой машины между Пермью и Екатеринбургомъ прошло 11 лѣтъ, а отъ постройки между Екатеринбургомъ и Тюменью прошло, говорятъ, 6 лѣтъ.

Въ Тюмени, ожидая парохода, мы прожили трое сутокъ. Рѣка Тура, на которой стоитъ этотъ городъ, по временамъ мельчаетъ и тогда пароходы не могутъ доходить до него. Прослышавъ извѣстіе, что и теперь, по причинѣ мелководья, пароходъ не придетъ, мы въ полдень 24-го числа наняли и сѣли на почто-

---

8) Калмыки, наряду съ монголами и тибетцами, признаютъ, подобно китайцамъ, лунный годъ въ 12 мѣсяцевъ, по 28, 29, или 30 дней, причемъ, для соглашенія гражданскаго года съ луннымъ, они, какъ и китайцы, вставляютъ иногда 13-й мѣсяцъ въ году, называя его «лишнею», или «прибавочною» луною. Впрочемъ эти високосныя луны не сходствуютъ у нихъ съ китайскими. Бываетъ, напримѣръ, что у китайцевъ считается високосною 5-я луна, а у монголо-калмыковъ въ томъ же году считается високосною 1-я луна. Далѣе монголо-калмыки отличаются еще отъ китайцевъ тѣмъ, что у нихъ, за исключеніемъ календъ, всѣ остальные дни могутъ совершенно выпадать изъ счета; по таковой то причинѣ у калмыковъ не рѣдко бываетъ, что послѣ 1-го числа прямо считается 3-е, тогда какъ 2-е пропадаетъ.

9) Отъ Сарепты до Казани нѣкоторыя пароходныя общества высчитываютъ дѣйствительно 1024 версты, что же касается пространства между Пермью и Казанью, то оно опредѣляется рѣшительно всѣми въ 1044 версты. Нашъ авторъ, строго слѣдящій за разстояніями, въ данномъ случаѣ является не точнымъ, хотя съ другой стороны онъ вѣренъ излюбленному восточному пріему — находить единство въ дѣленіяхъ. Подобныя однообразныя дѣленія встрѣчаются на Востокѣ не только въ измѣреніи пространствъ протяженія, но также при счетѣ лѣтъ, протекшихъ между событіями, составляющими эпоху, при опредѣленіи родовъ въ генеалогическихъ счисленіяхъ и проч. Востокъ любитъ находить во всемъ этомъ единство, хотя бы это было и въ ущербъ истинѣ.

выхъ лошадей. До станціи Іевлевой, говорятъ, 130 верстъ. Мы пріѣхали на другой день, въ вечерній полдникъ [10]). Передъ нами стоялъ наготовѣ пароходъ, «Курбатовъ». Сѣли и ночевали на своемъ пароходѣ.

Отплыли мы въ полдень 26-го числа, таща за собою арестантовъ на баржѣ «Сибирякъ». Въ ту же ночь, около 12 часовъ, миновали губернскій городъ Тобольскъ, а въ полдень, 28 числа, покончивъ рѣку Иртышъ, вступили въ рѣку Обь. 29-го числа на пристани Сургутской станціи впервые увидали народъ, именуемый «Остякъ». У нихъ совершенно калмыцкое обличье. Мы, полагая что это калмыки, спросили ихъ по калмыцки, но они не понимали; спросили тогда по русски и они отвѣчали, что они — народъ остяцкій. Народъ этотъ живетъ по р. Оби; нѣкоторые изъ нихъ крещены, а нѣкоторые — некрещеные. По степи и въ лѣсахъ они устроиваютъ себѣ наподобіе шалашей, охотятся на лѣсныхъ звѣрей и водяную рыбу и живутъ, снискивая себѣ этимъ пропитаніе. За симъ, слѣдуя такимъ образомъ, прибыли мы 5-го числа слѣдующаго мѣсяца «собаки», въ 5 часовъ утра, на солнцевосходѣ, въ губернскій городъ Томскъ. Городъ находится въ 5 верстахъ отъ пристани. Въ этомъ губернскомъ городѣ много квартирныхъ помѣщеній. Спрашивали мы у нихъ, — въ однихъ номерахъ еще не вставали. Разбудивши ихъ (содержателей), мы вошли. Тогда хозяинъ номеровъ сказалъ: «ѣдущіе съ монгольской стороны ваши люди ожидаютъ васъ въ нашихъ номерахъ». Мы тотчасъ же вышли, посмотрѣли на доску, гдѣ пишутся имена людей (проѣзжающихъ), — стоитъ имя «Кармыковъ». Это Бавà и Ольшàнъ возвращались изъ Монголіи, а мы ѣхали вновь; и такъ-то двое мы удачно встрѣтились. Потомъ мы, какъ люди, ѣдущіе изъ дому, сдѣлали имъ угощеніе пищею и питьемъ и въ этотъ день переночевали вмѣстѣ. 5-го они уѣхали нѣсколько раньше заката солнца чтобы сѣсть и слѣдовать дальше на пароходѣ, на кото-

10) [illegible] — время, приблизительно отъ $2^1/_2$ до 4 часовъ по полудни.

ромъ мы пріѣхали. Мы въ этотъ день купили тарантасъ за 140 рублей, а 6-го утромъ, уплативъ прогонныя деньги за 4-хъ лошадей съ почты, запрягли и отправились.

Такимъ порядкомъ, ѣдучи одну ночь до полуночи, а другую— останавливаясь для ночлега, мы 10-го числа, по утру, около восхода солнца, прибыли въ губернскій городъ, именуемый Красноярскъ. Изъ этого города въ ночь, когда мы здѣсь ночевали, выѣхалъ по направленію къ Иркутску иркутскій генералъ-губернаторъ [11]). Когда онъ переѣзжалъ на перевозѣ черезъ рѣку, зажгли въ разноцвѣтныхъ фонарикахъ свѣтильники. Это красивенькая штучка! Выѣхавъ изъ этого города 11-го числа, мы 17-го пріѣхали въ Иркутскъ. Отъ Томска до Иркутска 1560 верстъ; мы проѣхали на почтовыхъ лошадяхъ. Отъ Тюмени до Томска разстояніе водою, говорятъ, 3000 верстъ.

Въ этомъ городѣ (Иркутскѣ) я долженъ былъ получить изъ Банка 7100 рублей; по этой причинѣ мы прожили четверо сутокъ въ гостинницѣ, называвшейся «Сибирь». 21-го числа—не было. 22-го, въ два часа по полудни, получивъ деньги, мы выѣхали на почтовыхъ лошадяхъ съ закатомъ солнца; ѣхали всю ночь и, до разсвѣта, прибыли къ берегу моря Байкалъ. Это 61 верста разстоянія. 23-го числа, въ 6 часовъ утра, сѣли на пароходъ и поѣхали.

Проплывъ по Байкалу 5 часовъ, мы достигли берега моря, тѣмъ не менѣе пароходъ, въ силу большаго волненія, не могъ подойти къ пристани: бросили якорь въ море и стояли около трехъ, четырехъ часовъ, а засимъ уже въ 3 часа по полудни сошли съ парохода. Съ пристани мы запрягли готовыхъ лошадей и, предположивъ ѣхать по такъ называемому купеческому тракту, отдѣльному отъ большой почтовой дороги, выступили въ путь. Этотъ такъ называемый купеческій трактъ — не казенный, а, говорятъ, трактъ, раздѣланный совмѣстными силами

11) Иркутскій генералъ-губернаторъ слѣдовалъ въ эту пору въ Иркутскъ послѣ проводовъ Государя Наслѣдника Цесаревича, возвращавшагося тогда изъ кругосвѣтнаго путешествія.

русскими чаеторговцами, для ихъ собственныхъ разъѣздовъ, взимая же плату, они обыкновенно везутъ и всякаго проѣзжающаго. Мы поѣхали по этому тракту, такъ какъ разстояніе по нему ближе. Относительно денегъ, — когда нàмъ говорили: «это обыкновенно взимаемая нами цѣна», ту цѣну мы выдавали и ѣхали. Отъ Боярской до Мысовой, за 19 верстъ выдали 4 рубля; отсюда до Верхней Мысовой, за 24 версты, — 6 рублей; Гучжѝръ, 17 верстъ, — 8 рублей; Удунгà, 19 верстъ, — 6 рублей; Тéмникъ, 22 версты, — 6 рублей; Шабартàй, 25 верстъ, — 6 рублей; Бирюсà, 28 верстъ, — 6 рублей; Усть-Кяхта, 28 верстъ, — 6 рублей; Кяхта, 23 версты, — 2 руб. 40 коп. Отъ Байкала до Кяхты эта дорога, въ 205 верстъ разстоянія, стоила 50 руб. 40 коп. Самъ Байкалъ — 91 верста. Двинувшись отъ берега Байкала, мы слѣдовали до полуночи, какъ ѣхали и прежде. На другой день, по утру 24-го, виднѣлся намъ бурятскій Ярӯ-дацàнъ; когда же въ одномъ деревянномъ бурятскомъ домѣ выходилъ дымъ (отъ топившейся печки), мы направились туда. Тамъ была дѣвушка; она пила чай и гнала водку. Наливши, она подала чаю и кумысу, — мы отвѣдали и ушли. Послѣ полудня, проѣзжая черезъ бурятскій дацàнъ, именуемый Хлундӯбъ-дацàнъ, мы заѣхали въ него. Въ этомъ дацàнѣ мы остановились въ домѣ гэлӯнга Дамбà-дòмъ; сходили, поклонились въ кумирню, а возвратившись, напились у него чаю и поѣхали. Тѣмъ же вечеромъ, около 10 часовъ, мы прибыли въ Троицкосавскъ и остановились въ номерахъ.

25-го числа ходили къ коммиссару, засвидѣтельствовали дорожній билетъ, а возвратившись, вели переговоры относительно наемныхъ лошадей, которыя доставили бы насъ въ Богдòйнъкӯрѣ (Ургу). Говорятъ, что разстояніе здѣсь — 350 верстъ. И такъ, установивши съ однимъ русскимъ цѣну, чтобы дать 65 рублей за 4 лошади, мы перебрались въ домъ этого русскаго. Тутъ мы переночевали двѣ ночи и, приготовивъ подводы и провизію, 27-го числа, послѣ полудня, выѣхали въ сопровожденіи двухъ бурӯтъ. Пробывъ въ дорогѣ четверо сутокъ, мы, въ 10 часовъ

вечера 1-го числа мѣсяца свиньи, прибыли въ Богдо̀инъ-кӯрѣ и остановились во дворѣ Йонзо̀нъ-хамбо̄ [12]). Во дворѣ этого Йонзо̀нъ-хамбо̄ проживали, поставивъ себѣ войлочную юрту, три человѣка, отправившіеся въ Ургу изъ нашихъ кочевьевъ еще въ 1890 году; мы помѣстились вмѣстѣ, въ ихъ юртѣ. Ничего, подъ предлогомъ квартирныхъ денегъ, съ насъ не взяли, расходы же на пищу мы выдавали сами. Они все указывали, а мы исполняли.

Передневавъ 2-го числа, мы отдыхали. 3-го числа представились и поднесли большой ма̀ндалъ, въ 50 ланъ серебра, гэгэ̄ну Йонзо̀нъ-хамбо̄ [13]). Соизволивъ пожаловать намъ чаю, онъ спросилъ у насъ кое о чемъ и сказалъ: «теперь живите какъ угодно: если будетъ у васъ что необходимое попросить, докладывайте мнѣ, когда хотите».

За симъ намъ сообщили, что богдо̀ (= ургинскій хутухтӯ) не соизволяетъ на поклоненія ежедневно, а жалуетъ на поклоненія одинъ день черезъ трое, четверо сутокъ; по таковой причинѣ мы въ свободное время отправились къ нашему русскому консулу, проживающему неподалеку отъ Кӯрѣня и представились ему, чтобы засвидѣтельствовать свои билеты и извѣстить его о нашихъ дѣйствительныхъ обстоятельствахъ. Когда намъ сказали, что, по мѣстному обычаю, представляющійся большому человѣку обыкновенно приноситъ при хадакѣ что либо, то и мы представились, принеся хада̀къ. Спросивши насъ о здоровьи, онъ сказалъ: «живите какъ хотите». Разказывали, что въ эту пору старый, бывшій, консулъ, отправился въ Петербургъ и дѣлами его завѣдывалъ другой, хорошій человѣкъ. Засимъ мы возвратились въ свой Кӯрѣнь, и когда 7-го числа было положено поклоненіе богдо̀, то поклонились и мы, поднеся большой ма̀ндалъ

12) О значеніи этого лица см. наши «Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи». СПБ. 1887 г., стр. 153—154.

13) Внѣшній видъ и значеніе ма̀ндала были объяснены нами на стр. 96—97, а обрядъ поднесенія ма̀ндала описанъ на стр. 254—257 Очерковъ быта буддійскихъ монастырей.

въ 50 ланъ. Въ эту пору Богдо̀йнъ гэгэ̀нъ проживалъ въ приръчной кумирнѣ и церемоніалъ, по которому жаловалъ онъ поклоненія, былъ такой: Передъ кумирнею разставили палатку, а подъ палаткой приготовили сѣдалище; за симъ принесли въ носилкахъ Богдо̀йнъ гэгэ̀на и посадили на этомъ приготовленномъ сѣдалищѣ. Потомъ подняли сначала людей, представлявшихся съ поднесеніемъ ма̀ндала и допустили каждаго изъ нихъ поднести Богдо̀инъ гэгэ̀ну свой ма̀ндалъ собственными руками, а Богдо̀ жаловалъ благословеніе своею десницею. Людей, которые представлялись съ хадако̀мъ, безъ ма̀ндала, посадили лицемъ другъ къ другу, а посрединѣ ихъ проносили въ носилкахъ Богдо̀. Къ концу жердей, которыя держалъ въ рукахъ гэгэ̀нъ, привязали очи̇ры и ими то (Богдо̀) жаловалъ благословеніе по обѣимъ сторонамъ сидѣвшему народу. Будучи пронесенъ такимъ образомъ, онъ возвратился въ свой дворецъ. Послѣ того насъ позвали, посадили во дворцѣ у дверей, пожаловали чаемъ, а засимъ, съ словами: «милость Богдо̀», подали намъ одну писанную золотомъ «Дорчжи̇-чжотба̀», китайской красной шелковой матеріи — на халатъ, священныя рилу [14]) и священный снурокъ, повязываемый на шею. Послѣ этого мы возвратились домой.

8-го числа намъ сказали, что есть нѣкій престарѣлый лама, прозываемый «шара̀-мўрэ̀ньскимъ, дўрбэ̀нъ-хўхэтскимъ, хамбо̀-бакшо̀ю», а мы пошли и представились ему. Онъ пожаловалъ намъ «лўнъ» (священныя наставленія) относительно ма̀ни и микц-

14) Ри̇лу རིལ་ — усвоенное монголами тибетское слово, обозначающее освященные шарики, вродѣ пилюль. Обычно они приготовляются ламами изъ муки, съ приправою различныхъ лекарственныхъ, благовонныхъ и почитаемыхъ священными травъ, послѣ чего освящаются въ кумирнѣ при совершеніи особаго молитвеннаго обряда и чтеній, а засимъ раздаются вѣрующимъ отъ имени гэгэ̀на. Въ Европѣ объ этихъ пилюляхъ существуетъ самое уродливое представленіе. Досужіе сказатели жизни Востока выдумали, что пилюли эти приготовляются изъ экскрементовъ «живыхъ боговъ», почитаемыхъ буддистами.

зэ̀ма [15]) и, бросивъ гадательныя кости, опредѣлилъ намъ напутственное молебствіе.

Отправились къ такъ называемому ламѣ-хубилга̀ну Маньчжу̀шри, имѣвшему 18 лѣтъ отъ роду и проживавшему въ цанитскомъ обученіи въ Западномъ Кӯрѣнѣ (=Га̀нданѣ). Когда мы представились ему, поднеся гусӯнъ-тӯк'скій ма̀ндалъ [16]); онъ пожаловалъ намъ лӯнъ (священныя наставленія) относительно

---

15) Тибетское слово ལུང — собственно «наставленіе», «поученіе»; въ данномъ случаѣ оно обозначаетъ религіозный обрядъ, описаніе котораго мы находимъ въ «Буддизмѣ» Архіеп. Нила, на стр. 181—183. По словамъ этого автора, лӯнъ совершается съ цѣлью дарованія права, или благословенія на чтеніе священныхъ книгъ, на духовныя пѣснопѣнія, врачеванія и т. под. религіозныя упражненія. У современныхъ монголовъ, на сколько намъ извѣстно, лӯнъ не сопровождается нынѣ никакою обрядностью. Онъ состоитъ въ томъ, что старѣйшій лама̀ просто прочитываетъ младшему какое-нибудь сочиненіе изъ отдѣла молитвенныхъ чтеній, сутръ, или та̀рни, послѣ чего младшій получаетъ преимущество въ чтеніи этой книги въ томъ отношеніи, что оно является у него какъ-бы преемственнымъ отъ временъ древнихъ, святыхъ. Каждый лама̀ можетъ читать всякую книгу, но безъ лӯна его чтеніе является какъ бы самовольнымъ, а лӯномъ получается разрѣшеніе на чтеніе отъ старѣйшихъ блюстителей и хранителей таинствъ ламайской секты. По образному толкованію сочиненія «Улигэрӯнъ нòмъ, эрдэни̂ цокцà̀луксанъ» основы внѣшняго чтенія и внутренняго пониманія какъ бы переливаются при этомъ изъ одного сосуда въ другой (л. 8-й). Престарѣлый ханбō прочиталъ нашему путешественнику только «ма̀ни» и одинъ коротенькій гимнъ, извѣстный у монголовъ подъ именемъ «микчжи̂ма» (དམིགས་པ་རྩེ་མ་), текстъ котораго былъ представленъ нами въ переводѣ въ «Очеркахъ быта буд. монастырей» на стр. 303-й.

16) Это такъ называемый у монголовъ «малый ма̀ндалъ», или «малое приношеніе», за которое шанцзотбы̀ различныхъ ургинскихъ хутӯхтъ берутъ обыкновенно съ поклонниковъ отъ 5 до 10 ла̀нъ серебра. Принесеніе этого ма̀ндала не сопровождается никакими молитвенными чтеніями, въ составъ же приношенія входятъ: во 1-хъ, ма̀ндалъ, величиною не свыше четверти въ діаметрѣ, съ насыпанными на него зернами пшеницы; во 2-хъ, изображеніе одного будды, по преимуществу Аюши; въ 3-хъ, одна религіозная книга и въ 4-хъ изображеніе субурга̀на. При приношеніи «большого ма̀ндала» поклонникъ совершаетъ высшую изъ буддійскихъ добродѣтелей, вручая покровительству ламы̀, или гэгэ̀на всю вселенную, а при «маломъ ма̀ндалѣ» онъ молится исключительно за свое личное спасеніе. Отсюда и названіе этого ма̀ндала гусӯнтук'скимъ: покровительству гэгэ̀на вручается только личная природа молящагося: его собственные སྐུ — тѣло, གསུང — слово и ཐུགས — мысль.

двухъ книгъ, Шэ-чжа-гун-ла и Ганъ-ги-ло-ру [17]). Сверхъ сего онъ пожаловалъ намъ, священныя рилу, священный снурокъ, повязываемый на шею, пряженцевъ и вообще взиралъ съ большимъ расположеніемъ.

Еще нѣкій габчжу̊ строилъ Чжаро̊нъ-кашӯръ субурга̊нъ [18]); мы пожертвовали ему одинъ золотой и одинъ серебряный русскій рублевикъ, да хада̊къ. Далѣе проживали мы, прилежа наипаче къ поклоненіямъ и круговращеніямъ въ западномъ и восточномъ Кӯрѣняхъ.

Засимъ мы впятеромъ, нанявши 5 лошадей, отправились верхомъ верстъ за 40 отъ Урги, на поклоненіе къ алаша̊ньскому хамбо̄-ламѣ, проживавшему въ урочищѣ Сöнгöтӯйнъ була̊къ. Ему также точно поднесли гусу̊нъ-ту̊к'скій ма̊ндалъ. Этотъ лама̊ отнесся къ намъ опять таки съ большимъ расположеніемъ. При посредствѣ лу̊на на «Йöро̄ль Богдо̊-гэгэ̊на» [19]) онъ вступилъ (съ нами) въ духовную связь и сказалъ: «я слышалъ, что къ востоку отъ вашихъ кочевьевъ, ночью показывается бѣлый свѣтъ; этотъ свѣтъ есть свѣтъ рая Шамбалы». Засимъ онъ бросилъ га-

17) Калмыцкая транскрипція названія сочиненій ཤེས་བྱ་ཀུན་ལ་ и གང་གི་བློ་གྲོ་

18) Извѣстная буддійская ступа, находящаяся въ Непалѣ и представляющая собою одно изъ славнѣйшихъ мѣстъ ламайскаго паломничества. Она воздвигнута въ 2-хъ миляхъ отъ Khatmandu. Громадное число тибетскихъ ламъ и мірянъ посѣщаютъ это мѣсто каждую зиму, располагаются по окрестнымъ полямъ, приносятъ жертвы, и совершаютъ молитвенные обходы вокругъ памятника. Чжаро̊нъ-кашӯру приписывается свойство удовлетворять всѣ молитвы, напримѣръ, относительно дарованія мірского богатства, дѣтей и вообще просимаго. Dr. Buchnan-Hamilton въ своемъ разказѣ о Непалѣ, даетъ рисунокъ этого памятника, который имѣетъ почти полукруглую форму типа древнѣйшихъ ступъ (Account of the Kingdom of Nepal pp. 22,100). Въ Библіотекѣ Спб. Университета находится нѣсколько монгольскихъ и калмыцкихъ монографій, трактующихъ о Чжаро̊нъ-кашӯрѣ. Здѣсь выясняется самая тѣсная связь этой ступы съ главными легендарными и историческими личностями ламаизма. Чжаро̊нъ-кашӯръ субурга̊нъ заключаетъ въ себѣ духъ всѣхъ буддъ десяти странъ, буддъ трехъ временъ и всѣхъ бодиса̊твъ. Онъ хранитъ въ себѣ Дарма-кая. Ургинскій субурга̊нъ Чжаро̊нъ-кашӯръ, о которомъ упоминаетъ авторъ, построенъ теперь на сѣв. западъ отъ Га̊ндана, изъ необожженаго кирпича и имѣетъ свыше 4-хъ саженей въ вышину.

19) Йöро̄ль Богдо̊-гэгэна, т. е. Баньчэнь-эрдэни.

дательныя кости и сказалъ: «относительно безпрепятственнаго и благополучнаго слѣдованія вашего въ пути я разузнаю хорошенько въ своихъ сновидѣніяхъ; вы потомъ пошлите человѣка и получите отвѣтъ». По этимъ словамъ мы, возвратившись въ Ургу, черезъ двое, трое сутокъ послали человѣка. (Алашаньскій ханбо) соизволилъ указать намъ многоразличные гурюмы и сказалъ, чтобы мы снова зашли, когда будемъ отправляться (въ Тибетъ). Этотъ лама самъ по себѣ былъ ламою алашаньской области и пришелъ, окончивъ курсъ ученія въ Тибетѣ. Тўшѣтў ханъ пригласилъ его и въ настоящую пору онъ живетъ, являясь предметомъ его чествованій. Говорятъ, ему уже болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

Послѣ сего мы, проживая въ Ургѣ, мало по малу приносили жертвы за спасеніе своихъ кочевьевъ и народа богдойнъ-гэгэну и йонзонъ-хамбѣ, а въ отвѣтъ получалась милость: священныя рилу и снурочки для ношенія на шеѣ. Далѣе, когда мы представились Маньчжушри ламѣ, поднесли ему 2 квадрата глазету и подстилочку для колокольчика, онъ угощалъ насъ кумысомъ въ своемъ лабранѣ. Кумысъ ихъ похожъ на нашъ кумысъ. Хорошій кумысъ.

Потомъ попросилъ я у Йонзонъ хамбо (преподать мнѣ) Дорчжи прэнбійнъ ванъ [20]); но онъ сказалъ, что нынѣшнею весною онъ уже преподалъ (одно это посвященіе); преподавать же въ одинъ годъ два такихъ посвященія — не въ обычаѣ. Тогда я

---

20) Ванъ тиб. དབང, соотвѣтствующее монгольскому [illegible], есть названіе особыхъ буддійскихъ религіозныхъ обрядовъ, совершаемыхъ съ цѣлью во 1-хъ очищенія человѣка отъ его прежнихъ грѣховъ, а во 2-хъ. — преподанія ему чрезвычайныхъ силъ для полученія спасенія. Въ этомъ отношеніи ванъ имѣетъ какъ-бы значеніе посвященія. Отдѣльныхъ вановъ многое множество. Одни изъ нихъ способствуютъ единенію человѣка съ тѣмъ или другимъ божествомъ; при помощи другихъ человѣку дается властное могущество надъ магическими силами, присущими таинственнымъ священнымъ изреченіямъ (тарни). Нашъ авторъ просилъ такъ называемаго «дорчжи прэнбайнъ вана, т. е. посвященія на чтеніе тарнистическаго сочиненія རྡོ་རྗེ་འཕྲེང་བ

удостоился благодати Маньчжу̊шри табу̊нъ бурхата̊нъ ва̊на [21]), Табу̊нъ ха̊най сурукда̊тъ чжана̊на [22]), Лама̊ чотба̊йнъ лу̊на и Аю̊кайнъ цэбэ̊нг'а [23]) и вступилъ въ духовное общеніе. Йонзо̊нъ хамбо̊скимъ: шанцзотбѣ̊, нирбѣ̊ Цэмбэ̊лу и двумъ со̊йбунамъ, этимъ четыремъ человѣкамъ, я далъ въ подарокъ по одному халату изъ коричневой шерстяной съ бумагою матеріи; низшимъ противъ нихъ, вплоть до жамы̊ и гони̊ра, и состоящимъ при нихъ прислужникамъ, всѣмъ безъ остатка роздалъ въ подарокъ, каждому въ соовѣтствіе его званію, чай и деньги.

Еще подарилъ я бывшій у меня складной ножъ съ вилкою со̊йбуну гэгэ̊на, Шара̊бу. Черезъ руки этого со̊йбуна я полу-

---

21) Ванъ, способствующій единенію съ бодиса̊твою Маньчжу̊шри. Въ принадлежащемъ библіотекѣ Спб. Университета «Сумбу̊мѣ Цага̊нъ-даянчи (коллекція Позднѣева N) находится полное изложеніе этого ва̊на. Изъ него явствуетъ, что бодиса̊тва Маньчжу̊шри, живое воплощеніе коего на землѣ представляютъ собою китайскій богдоха̄нъ и пекинскій Донко̊ръ-хутухту̊ (въ Юнъ-хо-гунѣ) имѣетъ пять основныхъ воплощеній, различающихся по цвѣтамъ: есть Маньчжу̊шри желтый, красный, бѣлый, синій и зеленый. Принявшіе «Маньчжу̊шри табу̊нъ бурхата̊йнъ ва̊нъ, по вѣрованію ламаитовъ, получаютъ слѣдующее перерожденіе въ обителяхъ собственно бѣлаго Маньчжу̊шри [illegible]

22) རྗེས་གནང་, переводимое на монгольскій языкъ словомъ [illegible] есть также названіе религіознаго обряда, подобнаго ва̊ну, но имѣющаго значеніе, кажется, исключительно для пріобрѣтенія правъ на чтеніе тарнисти̊ческихъ сочиненій. «Табу̊нъ ха̊най сурукда̊тъ» есть названіе сочиненія, трактующаго объ ученіи и силахъ бодиса̊твъ [illegible] тиб. སྐྱེ་བུ་རྒྱལ་པོ་

23) «Аю̊кайнъ-цэба̊нъ» — странное, хо̊тя довольно часто встрѣчающееся въ литературѣ, соединеніе калмыцкаго слова «аю̊кайнъ» съ тибетскимъ «цэва̊нъ». Разбирая это послѣднее ཚེ་དབང་, мы находимъ, что вторая половина его དབང есть уже объясненное слово «ва̊нъ», т. е. извѣстный религіозный обрядъ, приравненный нами къ посвященію; первая же половина ཚེ представляетъ собою начальный слогъ имени ཚེ་དཔག་མེད་, обозначающаго того же Аю̊ку (Шмидтъ, Тиб. Сл. стр. 459). Автору, очевидно, слѣдовало, если хотѣлъ онъ говорить по монгольски, сказать [illegible] а если хотѣлъ употребить тибетское названіе, то достаточно было слова [illegible]»

чилъ 15 рисунковъ, изображавшихъ Баньчэ̀нь-богдо̀ въ разныхъ перерожденіяхъ [24]), которые я заказывалъ исполнить и которые пропали было въ китайскихъ рукахъ. Подробности этого обстоятельства: когда, черезъ посредство нѣкоего Кишѝкова, ходившаго прежде изъ нашихъ кочевьевъ въ Монголію, я представлялъ свои приношенія Богдо̀йнъ гэгэ̀ну и Йонзо̀нъ-хамбо̄, то, по приказанію ихъ, исполнить рисунки разныхъ перерожденій Баньчэ̀нь-богдо̀, (Кишѝковъ) сдѣлалъ заказъ китайскому живописцу. Когда возвратился онъ (Кишѝковъ) въ свои кочевья, то я послалъ черезъ этого со̀йбуна 115 рублей денегъ. Китайскій живописецъ получилъ эти деньги, но, намѣреваясь взять еще 50 руб., рисованныхъ бурха̀новъ своихъ не отдавалъ. Переговоривши объ этомъ съ со̀йбуномъ, я сказалъ китайскому живописцу, что мы будемъ судиться, и тогда онъ отдалъ моихъ бурха̀новъ и я забралъ ихъ. Все вышло хорошо оттого, что у меня былъ свидѣтельствомъ (взятый) отсюда письменный приказъ Йонзо̀нъ-хамбо̄ бакшѝ.

Засимъ я поднесъ Богдо̀йнъ гэгэ̀ну 8 аршинъ шелковаго бархату, да шитые золотомъ въ гладь сапоги, съ чулками и просилъ его слова на дальнѣйшій путь. Провѣщавъ: «ступайте благополучно въ дорогу и хорошенько читайте Нама̀-сангадѝ», онъ пожаловалъ намъ бӯ (амулетъ) Сиддидѝ [25]), рѝлу и снурочки для ношенія на шеѣ.

---

24) «Чжэра̀бъ-танха̀» — выраженіе, неизвѣстное нашимъ монгольскимъ и калмыцкимъ словарямъ, но постоянно употребляемое монголами для обозначенія понятія о рисункѣ какого-нибудь божества, на которомъ изображаются всѣ перерожденія этого божества. Слово «чжэрабъ» въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, заимствовано монголами отъ тибетскаго སྐྱེ་རབས་ соотвѣтствующаго коренному монгольскому выраженію [illegible] (См. Дакбаръ лава, Л. 43).

25) Всякаго рода амулеты и талисманы (бӯ) для защиты отъ злобныхъ демоновъ, причиняющихъ страданія, въ чрезвычайномъ распространеніи рѣшительно у всѣхъ ламаитовъ, причемъ этимъ амулетамъ придается какъ мистическое, такъ и магическое значеніе: они играютъ роль чаръ и вмѣстѣ фетишей. Основную часть каждаго «бӯ» составляетъ одна, или нѣсколько фор-

Въ силу благознаменательности спасительныхъ указаній такого большого числа высокородныхъ, я окончательно рѣшилъ свое отшествіе въ Западное Цзӯ и когда началъ переговоры относительно подводъ, то мнѣ сообщили такъ: «Въ непродолжительномъ времени пріѣдутъ въ Ургу изъ Алашàни съ грузами проса и рису, и будутъ продавать; при возвращеніи же своемъ, если находятся люди, отправляющіеся въ «верховье» [26]), они провозятъ ихъ за плату; для васъ и вашей поѣздки это будетъ удобно». Согласившись на это, мы, въ ожиданіи, начали хлопотать о приготовленіи потребныхъ для своего пути вещей, мàйхана, котла, пищи, провьянтовъ и всего такого. За симъ всѣ мы трое, каждый отъ себя, въ отдѣльности, попросили спасительныхъ указаній у Богдòйнъ гэгэна и высшихъ ламъ. Одному изъ насъ, Личжѝ Идэрӯнову, они сказали, что если пойдетъ онъ въ

муль, часто непонятныхъ и извлеченныхъ изъ махаяническихъ и тарнистическихъ сочиненій, такъ какъ послѣднія содержатъ въ себѣ божественную силу и употребляются для волхвованій. Нерѣдко вся формула состоитъ въ одной буквѣ, представляющей собою сущность, или «зерно» заклинанія. Виды этихъ амулетовъ и талисмановъ безчисленны, такъ какъ для пріобрѣтенія всякой удачи и для отгнанія всякаго несчастія необходимъ свой талисманъ: одинъ защищаетъ отъ лихорадки, другой—отъ горячки, третій—отъ вора, четвертый—отъ собаки, пятый — отъ кошки и т. д. и т. д. У монгола не рѣдкость видѣть три, четыре амулета надѣтыми на шею, да нѣсколько десятковъ амулетовъ всегда хранится еще у него въ сундукахъ, дома. Приготовленіе этихъ амулетовъ требуетъ большихъ знаній, хотя на первый взглядъ амулеты и не сложны. На клочкѣ бумажки пишется потребная формула (а ихъ, какъ сказано, множество, — на каждый случай разная), засимъ бумажка эта складывается въ пакетикъ, покрывается тканью соотвѣтствующаго цвѣта (тоже различнаго) и перевязывается цвѣтными нитями въ видѣ геометрическихъ фигуръ (для каждаго амулета также различныхъ). Другіе талисманы вмѣсто ткани хранятся въ футлярахъ мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ; они называются «га-ӯ» и носятся какъ медальоны. Въ такихъ амулетахъ нерѣдко можно находить мощи святыхъ, клочки ихъ одежды, разныя священныя травы, пилюли, изображенія буддъ и проч. Нашъ авторъ получилъ амулетъ Сиддиди, ввѣряющій его покровительству этого божества. Сиддиди — божество женскаго рода; богиня, именуемая по монгольски «Цагàнъ-шӯхӯртэй». Она изображается держащею въ правой рукѣ бѣлый зонтъ, какъ символъ защиты.

26) Дэ̄кши, — буквально «кверху», «въ верховье», а еще лучше — славянское выраженіе «въ горняя». Обычное монгольское выраженіе, для обозначенія площади тибетскаго нагорья.

дальнюю дорогу, — заболитъ. Мы стали тогда разсуждать, что если во время слѣдованія по необитаемымъ пустынямъ приключится болѣзнь, то онъ можетъ умереть; а если и не умретъ, то сдѣлаетъ помѣху движенію и рѣшили оставить этого своего товарища въ Ургѣ. А товарищъ нашъ страшно скорбѣлъ и мучился, такъ какъ очень желалъ слѣдовать дальше; но за всѣмъ тѣмъ преступить спасительныя указанія ламъ было не возможно, а потому, нечего дѣлать, — онъ согласился остаться. Тогда я съ товарищемъ своимъ Дорчжй, оставшись вдвоемъ, стали искать еще одного спутника и, уговорившись принять въ товарищи находившагося въ Ургѣ алашаньскаго ламу, по имени Санчжй, человѣка лѣтъ по больше 30-ти, стали втроемъ и приготовили провьянтъ на дорогу. Искрошили мясо цѣлаго быка, сушили его больше мѣсяца; а дальше взяли еще масла для чая, муки, пряженыхъ сухарей, свѣжаго бараньяго мяса, проса, рису, всего этого по разсчету, чтобы хватило до алашаньскаго ямуня. Причина, по которой взяли мы говядину въ сушеномъ видѣ, заключалась въ томъ, что на вопросы наши къ халхасамъ они отвѣчали, якобы по дорогѣ будутъ мѣста безлюдныя и во время сильныхъ жаровъ сохранять свѣжее мясо не возможно; посему то хорошо идти, забравъ мясо въ сушеномъ видѣ, чтобы не пропало. По такимъ рѣчамъ и взяли мы мясо въ сушеномъ видѣ. Относительно денегъ произошло слѣдующее. Въ Ургѣ наше серебро и кредитки, все берутъ также точно какъ въ нашей странѣ; при слѣдованіи же дальше, за Ургу, наше царское серебро, говорятъ, не принимаютъ, а потому нужно китайское серебро «цалйнъ» [27]). На спросъ нашъ въ Кӱрѣни и въ Маймачэнѣ отвѣчали: «за лану серебра — 2 р. 50 коп. кредитками». Мы спросили тогда у мѣстныхъ жителей и они сказали, что это очень дорого, что кяхтинское серебро дешевле, да сверхъ того и самое серебро лучше по качеству. По такимъ рѣчамъ, рѣшили мы по-

27) Цалйнъ — испорченное монголами китайское слово «цянь-лянъ», обозначающее жалованье, выдаваемое войскамъ. Цалйнъ-мӱнгӱ, буквально, — серебро, которое выдается въ жалованье, — казенное, — высшей пробы.

слать трехъ человѣкъ въ Кяхту. Чтобы пріобрѣсти $7^1/_2$ пудовъ серебра, $4^1/_2$ пуда нашихъ, да 3 пуда для Йонзо̀нъ-хамбо̀'скаго нирбы̀; наняли мы запряженную тройкою лошадей телѣгу и командировали я — своего сотоварища Дорчжѝ, нирба̀ — ламу̀, по имени Шара̀бъ чжимбо̀ и съ ними алаша̀ньскаго Санчжѝ. Выѣхали они изъ Урги 3-го числа мѣсяца мыши, а пріѣхали 20-го. Ла̀нъ серебра былъ пріобрѣтенъ по 2 р. 25 к. кредитными, а изъ пуда выходитъ 444 ла̀на. Послѣ сего 4 пуда серебра положили мы въ деревянный сундукъ, обшили его сверху сырой воловьей кожей, а поверхъ того сдѣлали еще покрышку изъ войлока; полпуда серебра положили въ простой сундукъ, чтобы брать готовое, расходуя въ дорогѣ. Способъ всѣхъ этихъ сборовъ отлично указывалъ намъ йонзо̀нъ-хамбо̀'скій нирба̀, Цэмбэ̀ль, тибетецъ по происхожденію.

Этотъ годъ, слѣдуя позади китайскаго времясчисленія, не имѣлъ мѣсяца мыши, поэтому слѣдующій мѣсяцъ былъ мѣсяцемъ лампадъ [28]). Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца лампадъ прибыли въ Ургу передовые изъ алаша̀ньцевъ. Съ этимъ народомъ мы переговаривались о цѣнѣ такъ. Когда спросили мы о платѣ за доставку отъ Урги до Гумбу̀ма у ламы̀ Ишѝ, состоявшаго нирбо̀ю алаша̀ньскаго западнаго кѝта, Шарджэ̀-даца̀на, онъ сказалъ, что доставить можно; а въ то время какъ мы переговаривались, предложилъ доставить насъ еще и другой алаша̀нецъ. Возымѣли намѣреніе везти насъ два человѣка, — и цѣна на верблюдовъ стала дешевле. Мы заключили условіе со своимъ Ишѝ, съ которымъ прежде всего начали переговоры. Относительно вѣса вьюковъ было постановлено вьючить на верблюда 300 гино̀въ, а на верблюда, на которомъ будетъ ѣхать чело-

---

28) «Мѣсяцъ лампадъ» или по монгольски «цзула̀-сара̀; такъ называютъ монгольскіе буддисты мѣсяцъ, именуемый въ гражданскомъ времясчисленіи «первою зимнею луною». Названіе мѣсяца «лампаднымъ» произошло оттого, что 25-го числа этого мѣсяца совершается память кончины основателя ламаизма Цзонхавы̀, а на торжественномъ молебствіи, отправляемомъ въ этотъ день, въ каждой кумирнѣ должно бы зажжено 1000 лампадъ. Подробности см. въ «Очеркахъ быта буддійскихъ монастырей», стр. 289 и 371.

вѣкъ, класть вьюкъ въ 120 гиновъ, а сверхъ сего будетъ сидѣть человѣкъ. Свѣсили свои вьюки съ тремя человѣками, получился грузъ на 5 верблюдовъ. Въ цѣнѣ отъ Урги до Гумбума сошлись на 6 ланахъ серебра за каждаго верблюда. Я хотѣлъ купить лошадь и ѣхать верхомъ; но говорили, что время зимнее, мѣста снѣжныя, по дорогѣ лошадиные корма плохіе, поэтому верблюдъ — лучше; въ силу этого и я долженъ былъ сѣсть на вьючнаго верблюда.

За тѣмъ, когда приблизилось уже время выѣзжать изъ Урги, изъ нашихъ сѣверныхъ кочевьевъ получилась телеграмма съ извѣстіемъ, что нойонъ тяжко заболѣлъ. Мы тотчасъ же доложили высшимъ, заказали въ Ургѣ гурумы на много ладовъ и очень безпокоились. Потомъ, такъ какъ спасительныя указанія высшихъ были благовѣщи, мы нѣсколько повеселѣли и постоянно посылали телеграммы, пока 20-го числа этого мѣсяца лампадъ получили депешу, что болѣзнь утихла. 21-го числа мы, однимъ очагомъ, кочевали изъ Урги и стали около алашаньскаго хамбо-ламы, проживавшаго въ урочищѣ Сöнгöтуйнъ-булукъ. Другіе товарищи остались въ Ургѣ, чтобы выѣхать позже; съ нами же пріѣхали, провожая насъ, прибывшій съ нами спутникъ нашъ Личжи и проживавшій въ Ургѣ Бадма. 22-го числа, представившись алашаньскому хамбо-ламѣ и поднеся ему мандалъ въ 5 ланъ, мы ввѣрили ему свои путевыя невзгоды. Онъ сказалъ намъ много рѣчей и наставленій, пожаловалъ китайской желтой шелковой матеріи на халатъ, вмѣстѣ хадакомъ и снуркомъ для ношенія на шеѣ, и вообще отнесся съ радостью и любезностью. Около него въ качествѣ компаньена проживаетъ Чжалсарай гэгэнъ. Онъ пожаловалъ намъ два квадрата красной шелковой матеріи и выразилъ пожеланіе, чтобы намъ ѣхать въ здравіи. Здѣсь, поджидая своихъ оставшихся сзади товарищей, мы переночевали четыре ночи. Засимъ 25-го числа спутники наши кочевали и прислали намъ извѣстіе, поэтому въ тотъ же день кочевали и мы. Въ эту ночь догнавъ своихъ спутниковъ въ урочищѣ Букукъ, мы имѣли ночлегъ вмѣстѣ съ

10*

ними. Здѣсь вмѣстѣ съ товарищами стало насъ 20 человѣкъ при 50 вьючныхъ верблюдахъ.

Отъ Урги до Алашàньскаго ямуня существуетъ три дороги: двѣ большія, восточная и западная, дороги; мы же, говорятъ, слѣдуемъ по срединному, малому тракту. Засимъ, кочевавъ на другой день по утру, 26-го числа, мы перевалили Гангàйнъ дабā и ночевали въ Шарà-талà. Мѣста здѣсь снѣжныя и холодъ очень сильный: одѣвшись въ двѣ шубы и имѣя также одѣтыми двое штановъ, мы ѣхали, закостенѣвая руками и ногами.

27-го числа ночевали въ Шиндй. Говорятъ, что отъ Урги досюда простираются земли Пӯнъ-бэйсэ.

28-го числа, переваливъ горы, именуемыя Дзоргòлъ хаирхàнъ, ночевали въ урочищѣ Дацàнъ.

29-го числа ночевали въ Уртӯ-гòлъ.

30-го числа ночевали въ урочищѣ Ӯ. На этомъ ночлегѣ мы добрались до черныхъ (т. е. безснѣжныхъ) земель. Стало теплѣе. Доселѣ я ѣхалъ, сидя на вьючномъ верблюдѣ. Качаясь на верблюдѣ, я сильно изнемогалъ и положительно потерялъ возможность сидѣть.

1-е число мѣсяца зайца. Сегодня при выѣздѣ я подумалъ, что, можетъ быть, лучше ѣхать верхомъ на свободномъ верблюдѣ, чѣмъ сидѣть на вьючномъ; а потому, положивъ потникъ безъ сѣдла на одного свободнаго верблюда, ѣхалъ верхомъ. Нынѣшнимъ вечеромъ ночевали въ Шургійнъ харà тологòй. Говорятъ, что эти четыре дня мы ѣхали по землямъ Ӯйцзанъ-гӯна.

2-го числа ночевали въ Гучйнъ цагàнъ обō.

3-го числа ночевали въ Набтастàй.

4-го числа ночевали въ Урчжангійнъ-шаньдà. Доселѣ я ѣхалъ верхомъ, безъ сѣдла, на изнуренномъ верблюдѣ и, постепенно ослабѣвая, изнурился окончательно. Не имѣя больше силъ, я, когда сказали, что въ этихъ мѣстахъ проживаетъ одинъ богачъ изъ тӯшѣ-гӯновскаго хошӯна, именуемый Гомбò-хāлгачи и имѣющій около тысячи лошадей, послалъ своего спутника, Санчжй, и хозяина верблюдовъ, Ишй, приказавъ имъ купить спо-

койную верховую лошадь. 5-го числа, когда мы кочевали и остановились на ночлегъ въ Дэльгэ̄ръ хангаѣ̀, они прибыли, пріобрѣтя отличнаго иноходца за 26 ла̀нъ серебра. Засимъ я, не имѣя сѣдла, чтобы осѣдлать эту лошадь, взялъ на прокатъ у слѣдовавшихъ съ нами людей сѣдло, уплативъ до алаша̀ньскаго я̀муня 1 ла̀нъ серебра. Осѣдлавъ, я съ завтрашняго дня ѣхалъ спокойно.

6-го числа ночевали въ Урту̀ гашӯн'ѣ.

7-го числа ночевали въ Ару̀ заба̀къ.

8-го числа ночевали въ Билю̄туйнъ заха̀. Въ эту ночь, около полуночи, задрожала земля; мы испугались. Говорятъ, что здѣсь половина разстоянія между Ургою и границами алаша̀ньскихъ кочевьевъ.

9-го числа ночевали въ урочищѣ Балтаста̀й. На этомъ ночлегѣ мы топили дровами изъ дерева «за̀къ» и ночевали спокойно. Доселѣ мы отапливались, собирая арга̀лъ по степи.

10-го числа ночевали у скалы Йэндэ̀ръ-хада̀. Въ эту ночь былъ большой вѣтеръ.

11-го числа ночевали въ Хотого̀р'ѣ.

12-го числа ночевали въ Табу̀нъ-хуба̄ту. Досюда простираются земли тӯшѣ-гу̀на.

13-го числа ночевали въ Бомботу̀.

14-го числа перевалили горы Гурбу̀нъ-са̀йханъ и ночевали въ урочишѣ Мӧ̀ргӧцо̀къ.

15-го числа ночевали въ Замту̀.

16-го числа дневали на этомъ мѣстѣ.

17-го числа ночевали въ Шэ̄рэнъ.

18-го числа ночевали въ Ӱнигэту̀.

19-го числа ночевали въ Икѝр'ѣ.

20-го числа ночевали въ Гӯнчжилэ̀к'ѣ.

21-го числа ночевали въ Хо̄лайнъ-гӯнъ. Досюда простираются земли Балда̀нъ-цзасака̀.

Въ земляхъ Ӯйцзанъ-гӯна и Балда̀нъ-цзасака̀ рѣчной воды нѣтъ, вода изъ колодцевъ; деревьевъ также нѣтъ, — путники разводятъ огонь, собирая топливо (по степи); въ иные дни ве-

зутъ съ собою воду изъ худуко̀въ и приготовляютъ кушанье. И кормы для скота,—трава, также плохи, по таковой причинѣ люди, обладающіе скотомъ, проживаютъ вдали другъ отъ друга.

22-го числа ночевали въ Цага̀нъ-толого̀й'ѣ. Говорятъ, что отъ этого Цага̀нъ-толого̀й'я начинается алаша̀ньская земля. Здѣсь граница Го̄би-ша̄мо [29]).

23-го числа ночевали въ Соксо̀к'ѣ. На мѣстѣ настоящаго ночлега воды не было. Мы раскопали какой-то старый колодецъ, изъ грязной воды приготовили немножко кушанья и такъ, поѣвши, ночевали; верблюды и лошадь провели ночь безъ воды.

24-го числа ночевали въ урочищѣ Кӯрӯнъ-хошӯнъ.

25-го числа, переваливъ Сухатӯйнъ-го̀лъ, прибыли въ Шарцза̀й и остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ проживали люди со скотомъ нашего верблюдохозяина Иши̇̀. Отъ Цага̀нъ-толого̀й'я до Сухатӯйнъ-го̀ла — гобійскія земли: травы нѣтъ, почва песчаная, мѣстности голыя. Вдлину одинъ конецъ ихъ доходитъ къ западу отъ Пекина, а другой достигаетъ сѣверныхъ предѣловъ Цзӯ (= Тибета); такая длинная, говорятъ, го̀би. Въ своихъ широкихъ мѣстахъ она, говорятъ, шириною на семь сутокъ ѣзды, а пространство, почитающееся узкимъ, говорятъ, то, по которому мы проѣхали. Проѣхали мы черезъ нее, слѣдуя полныхъ три дня. Моя лошадь, шедшая по го̀би въ теченіе трехъ, четырехъ дней безъ корма, сильно ослабѣла. Братья нанимавшагося перевезти насъ алаша̀ньца Иши̇̀ проживали въ войлочной юртѣ и имѣли, говорятъ, приблизительно 50, 60 верблюдовъ, около 30 овецъ, 3 лошади и болѣе десятка коровъ. Верблюды, пришедшіе изъ Урги, были не всѣ его собственные, а четырехъ, пяти хозяевъ. Мы, народъ, слѣдующій дальше, остановились на разстояніи не полной версты отъ ихъ дома. Доставляемые ими

29) Слово «шамо», которое нашъ авторъ ставитъ какъ опредѣлительное къ «го̀би»,—неизвѣстно монголамъ; это, несомнѣнно, уже вліяніе европейской науки, такъ какъ Бā̄за-гэлӯнгъ былъ знакомъ съ русскими географическими картами, на которыхъ разсматриваемыя пустыни надписываются именемъ «шамо».

вмѣстѣ съ нами изъ Урги, люди трехъ котловъ, а вмѣстѣ съ ними и мы жили вмѣстѣ, всего четыре котла и болѣе десяти человѣкъ. Зовутъ ихъ алашàньскими ȫлӧтами. Языкъ ихъ близокъ къ нашему и прическа ихъ женщинъ походитъ на женскую нашей страны: заплетаютъ двѣ косы и носятъ футляры на своихъ. косахъ. Этотъ Ишѝ угощалъ насъ чаемъ, кумысомъ и мясомъ. Я, предполагая, что, пожалуй, придется этими мѣстами возвращаться, а если и не придется проѣзжать черезъ нихъ, то можетъ быть впослѣдствіи опять будетъ нужда ѣхать, можетъ быть встрѣтимся, отдарилъ ихъ часами, которые везъ за пазухой.

Этотъ алашàньскій хошӯнъ составляетъ народъ, отдѣлившійся отъ ȫлӧтовъ. Такъ какъ извѣстные подъ именемъ 4-хъ ойрàтовъ имѣли одного хāна и жили одною общиной, то (алашàньцы) имѣли къ намъ большее расположеніе, чѣмъ халхàсы. Земли ихъ изобилуютъ песчаными гобійскими пространствами, воды мало и народъ дѣлаетъ основымъ предметомъ содержанія— верблюдовъ. Говорятъ, есть хозяева, которые доятъ до 100 верблюдовъ. Доя верблюдовъ, они и дѣлаютъ кумысъ, и гонятъ водку. Въ изобиліи употребляютъ также просо и рисъ. Такъ какъ отсюда они хотѣли отправить насъ, завьючивъ новыхъ верблюдовъ, то и заставили насъ продневать пятеро сутокъ; мы же, какъ люди, шедшіе безъ остановки цѣлый мѣсяцъ, желали попокоиться четыре, пять дней и не торопились.

Засимъ 1-го числа 12-го мѣсяца зайца, въ полдень мы кочевали: два халхàскихъ ламы, два андоскихъ ламы и четверо бурятъ, такихъ три котла, да мы одинъ котелъ, такихъ четыре котла, да для сопровожденія насъ, младшій братъ Ишѝ, Чойнбэ̄ль, всего такихъ 12 человѣкъ, при 17 верблюдахъ. Выступивъ, мы остановились ночью, когда уже стало темно, около алашàньскаго маленькаго кѝта, именуемаго Шарцзàй-дацàнъ. Я опять ѣхалъ верхомъ на лошади, а остальные спутники всѣ сидѣли на вьючныхъ верблюдахъ. Въ этомъ монастырѣ мы, на другой день, по утру, поклонились въ кумирняхъ, когда же намъ сказали, что здѣсь есть каѳедральный шабрòнъ, мы пошли

и представились еще ему. Спросивши, куда мы направляемся, онъ пожаловалъ намъ чаю и замбы, а еще пожаловалъ немножко киновари изъ пещеры Лобунъ-чэнбо [30]). Въ этомъ дацанѣ, повидимому, отъ 30 до 40 хувараковъ. Онъ называется дацаномъ аймака алашаньскаго западнаго кита. Мы не останавались здѣсь долго и кочевали въ тотъ же день послѣ полудня.

Слѣдуя такимъ образомъ до наступленія ночи, мы остановились среди песчаныхъ холмовъ на южной сторонѣ Бордо-обо, въ безводной мѣстности. Разговаривая, какъ теперь быть, сидѣли мы безъ всякихъ средствъ. И люди, и лошади, всѣ терпятъ жажду. Сильно томились мы, остановившись ночью безъ травы, безъ воды, среди однихъ только холмовъ бѣлаго песку. Нѣкоторые, разсердившись на хозяина верблюдовъ, который доставлялъ насъ, бранились, говоря: «останавливается ночевать въ безводномъ мѣстѣ и не забираетъ съ собою воды днемъ»! Тогда бѣдняжка, везшій насъ Чойнбэль побѣжалъ, покопалъ подъ пескомъ, смотритъ, — немножко снѣга. Тотчасъ же прибѣгаетъ онъ къ намъ и говоритъ. Мы всѣ вышли, очистили руками песокъ, находившійся сверху; смотримъ, — старый снѣгъ, толщиною въ палецъ. Принеся оттуда снѣгъ вмѣстѣ съ пескомъ, мы положили ихъ въ котелъ, растопили, и, когда отдѣлили песокъ, получилось двѣ три чашки воды. Такимъ порядкомъ, отдѣляя еще и еще и получая воду, мы набрали воды на чай; сварили

30) Слава объ этой пещерѣ Лобунъ-чэнбо ходитъ по всей Монголіи. Мнѣ лично приходилось слышать о ней особенно много въ Куку-хото, гдѣ я узналъ, что эта пещера замѣчательна своими красными стѣнами и священна потому, что въ ней производилъ свои созерцанія Лобунъ-чэнбо. Послѣдняго не должно смѣшивать съ соименникомъ его Падма-самбавою; настоящій Лобунъ-чэнбо былъ собственно тибетскимъ уроженцемъ, ламою и, повидимому, много потрудился на дѣлѣ распространенія ламаизма въ Алашани. Опредѣлить точно, мѣстонахожденіе этой пещеры, мнѣ не удалось; какъ несомнѣнное могу сказать лишь то, что она существуетъ гдѣ-то на сѣверо-восточныхъ предѣлахъ алашаньскихъ кочевьевъ, неподалеку отъ границъ хошуновъ трехъ уратскихъ гуновъ и на сѣверъ отъ Желтой рѣки. Г. Потанину также разказывали о пещерахъ, которыя онъ называетъ Лумбунъ-чимбо, но записанныя имъ легенды совершенно разнятся отъ нашихъ. См. Потанинъ, Тангутско-Тибетская окраина Китая. Т. II, стр. 250—251.

изъ нея чернаго чаю, напились, привязали скотъ и ночевали. Эти пески, повидимому, тянутся верстъ на десять.

3-го числа мы кочевали еще до разсвѣта и ночевали въ Амàнъ-усӯнъ.

4-го числа ночевали въ Шарà-бӯридӯ.

5-го числа ночевали на сѣверной сторонѣ хребта Баянъ-нургӯнъ.

6-го числа ночевали въ Гурбӯнъ-худӯкъ.

7-го числа ночевали на склонахъ горы Баинъ-ӯла.

8-го числа перевалили по перевалу Долōнъ-халцàнъ и ночевали въ Хошогà-булàк'ѣ.

9-го числа ночевали въ Зӯха.

10-го числа достигли до алашàньскаго ямуня. Говорятъ, основываясь на томъ, что у сѣвернаго подножія горъ, именуемыхъ Алàкъ-шань, построены дворецъ и ямунь вàна, они называются алашàньскими. Народъ этотъ принадлежитъ къ роду ōлōтовъ, перекочевавшихъ изъ Кōкō-нӯра. Главная ставка этого хошӯна, такъ называемый «ямунь-китъ», вмѣстѣ съ дворцомъ вàна-правителя, располагаются внутри небольшой крѣпостцы. Крѣпостца построена изъ глины. Съ наружной стороны этой крѣпостцы находится много жилищъ простолюдиновъ и бàйшиновъ, въ которыхъ проживаютъ китайскіе купцы. Мы остановились въ такой китайской лавкѣ, подъ фирмою Ванъ-шинъ-хо. Хотя здѣсь находится и много лавокъ, но два наши спутника, алашàньцы, были знакомы съ этою лавкою и сверхъ того эти лавочники встрѣтили насъ, черезъ посредство одного коннаго человѣка, съ пространства верстъ за десять. У нихъ такой обычай: какъ прослышатъ вѣсть, что ѣдутъ люди изъ дальнихъ мѣстъ, посылаютъ навстрѣчу человѣка и, приказавъ ему сопровождать, даютъ помѣщеніе въ своемъ домѣ. Говорятъ, что это обычай большихъ лавокъ. Человѣкъ, намѣревающійся купить какія-либо мелочи, стыдится покупать въ другихъ лавкахъ; впрочемъ, если покупки, на значительную сумму, пріобрѣтетъ онъ по болѣе дешевой цѣнѣ изъ другихъ лавокъ, то они не обижаются. Хозяина ихъ не

было, а были приказчики и слуги: люди добронравные и обходительные. Свѣтскіе люди, проживающіе въ этомъ я̆мунѣ-городѣ, по внѣшнему виду совершенные китайцы. Платье и бытъ ихъ чисто китайскіе. Китайцевъ въ этомъ городѣ множество. Разказываютъ, что существуетъ обычай не брать супругу этого алашȧньскаго вȧна изъ другого мѣста, какъ изъ рода китайскаго богдохāна. Говорятъ, что и настоящая супруга его также взята изъ Пекина и онъ имѣетъ жену китаянку. Встарину, китайцы и ȫлоты, придя въ несогласіе, начали между собою войну и когда китайскій хāнъ истощилъ всѣ средства, чтобы поймать ȫлӧтскаго, чжунгȧрскаго владѣтеля, именовавшагося Дабȧйчидъ, то одинъ владѣтель, принадлежавшій ȫлӧтскому происхожденію и находившійся въ зависимости отъ Кӧкȫ-нӯра, съ цѣлью удостоиться милостей китайскаго хāна, вызвался поймать его. Вслѣдствіе послѣдовавшаго на сіе согласія богдохāна, нойȯнъ этотъ обманнымъ способомъ захватилъ владѣтеля Дабȧйчидъ, препроводилъ его къ китайскому хāну и достигъ почестей. Богдохāнъ пожаловалъ этому нойȯну званіе вȧна и соблаговилъ свою дочь въ жены. Засимъ нойȯнъ этотъ, разсчитывая на близость хожденія въ Пекинъ, попросилъ у хāна эти ближайшія земли, алашȧньскія горы, и такимъ то образомъ, говорятъ, перекочевали мы изъ Кӧкȫ-нӯра и обосновались здѣсь[31]). Прави-

31) Въ этомъ разказѣ, какъ и вообще въ народныхъ историческихъ преданіяхъ, различныя лица, мѣстности и событія являются совершенно перепутанными. Въ дѣйствительности, алашȧньскіе ȫлӧты первоначально въ самомъ дѣлѣ кочевали въ Кӧкȫ-нӯрѣ, но переселеніе ихъ въ Алашȧнь совершилось не послѣ возмущеній Даваци (= Дабȧйчитъ), а гораздо ранѣе даже галдȧнова нашествія на Халху. Когда въ 1676 г. Галдȧнъ напалъ на Кӧкȫ-нӯръ и убилъ Очиртӯ хāна, то племянникъ сего послѣдняго, Хороли, бѣжалъ къ китайскимъ границамъ и просилъ богдохāна снабдить его землею. Въ 1686 г. состоялось высочайшее повелѣніе, по которому Хоролй было приказано кочевать къ сѣверу отъ алашȧньскихъ горъ (Илэтхэль-шастӥръ: алашȧнь-ӯгэлэдӯн-шастиръ кн. 79-я) и отсюда въ 1687 г. онъ просилъ богдохāнскаго разрѣшенія выступить въ походъ противъ нападавшаго на Халху ȫлотскаго Галдȧна, хотя ему было отказано въ этомъ (Позднѣевъ. Матеріалы для исторіи Халхи, стр. 195). Въ 1697 г. Хоролй былъ окончательно принятъ въ подданство и ему былъ данъ титулъ, но не вȧна, а только 3-е степеннаго князя, бэйлэ. Ему въ 1709 году

тель этотъ, ва̀нъ, кажется, очень могущественный и, говорятъ, непоказывается народу. Были люди, которые говорили: «мы жили въ я̀мунь-хото̀; дожили до 50-ти лѣтъ, и ни разу не видали нойо̀на». Мы ѣхали, интересуясь правителемъ своихъ странъ и думая, что, пожалуй, можно и представиться; но услыхавъ, что важность его уже очень велика, я бросилъ это намѣреніе. Территорія ихъ хошу̇на хотя и заключаетъ въ себѣ обширныя и большія пространства, но изобилуе̇тъ песчаными гобійскими мѣстами; воды и травы мало и, по примѣтамъ, — плохая земля. Воровства нѣтъ совершенно, — хорошо, спокойно. Въ странѣ ихъ много соли и изъ нея они отлично усматриваютъ свои выгоды. Народъ имѣетъ своимъ главнѣйшимъ скотомъ — верблюдовъ и изъ платы за верблюдовъ также видитъ хорошую пользу. Горы ихъ, именуемыя Ала̀къ-шань, — красивыя горы: нѣкоторыя изъ нихъ поросли деревьями, а нѣкоторыя представляютъ каменистыя скалы. Главный пунктъ альша̀ньскихъ кочевьевъ —

наслѣдовалъ въ управленіи сынъ его Аба̀о, первоначально имѣвшій тотъ же титулъ бэ̀йлэ. Онъ, находя данныя ему кочевья плохими по качеству, а главное тѣсными, занялъ съ одной стороны мѣста къ югу отъ Алаша̀ньскихъ горъ, а съ другой распространился до Эцзинэ̀й го̀ла; за это своеволіе онъ былъ временно лишенъ титула. Въ 1723 году, въ періодъ смутъ въ Тибетѣ, Абао былъ причисленъ къ войскамъ китайскаго цзянь-цзюня Нянь-гэнъ-яо, который аттестовалъ его какъ человѣка болѣзненнаго, а войска его призналъ никуда негодными; по такой-то причинѣ Аба̀о долженъ былъ возвратиться въ свои кочевья, впрочемъ богдоханъ, во вниманіе къ понесеннымъ имъ трудамъ, пожаловалъ его въ цзюнь-ваны. Званіе это было однако только личнымъ званіемъ Аба̀о, такъ какъ сынъ его Лубса̀нъ дорчжій наслѣдовалъ управленіе хошӯномъ съ прежнимъ званіемъ бэ̀йлэ. Этотъ Лубса̀нъ дорчжій въ 1757 году, дѣйствительно, принималъ участіе въ маньчжуро-чжунгарскихъ войнахъ, но не противъ Даваци, а противъ Амурсаны̇. Но главнѣйшія заслуги Лубса̀нъ-дорчжія были совершены въ походахъ не противъ чжунгаровъ, а противъ киргизовъ; за эти походы онъ былъ награжденъ павлиновымъ перомъ съ тремя очками и званіемъ цинь-вана. Послѣ окончательнаго умиротворенія западнаго края Лубса̀нъ-дорчжій былъ удостоенъ пиршества во дворцѣ, портретъ его былъ поставленъ въ Пзы-гуанъ-гэ, съ богдоха̄нскою надписью, восхвалявшею его подвиги противъ киргизовъ. Несмотря на эти отличія, потомки Лубса̀нъ-дорчжій все же не были сдѣланы первостепенными князьями и въ 1782 г. они навсегда были утверждены цзюнь-ванами, съ правами «заурядъ цинь-вановъ». Женятся алаша̀ньскіе ва̀ны, дѣйствительно, еще отъ временъ Хоролій постоянно на побочныхъ дочеряхъ богдоха̄на.

ямунь-хото. Въ немъ вмѣстѣ съ дворцомъ вана находится монастырь и это называютъ ямунь-китъ. Мы не узнали хорошенько, сколько приблизительно ламъ въ этомъ китѣ и по какимъ порядкамъ живутъ они. Говорятъ, что здѣсь проживаетъ 300, 400 ламъ. Въ Алашани три большіе кита: Ямунь-китъ, Барунъ-(западный) китъ и Зунъ- (восточный) китъ и въ аймакахъ этихъ трехъ китовъ, говорятъ, совмѣстно объединяются всѣ духовные и свѣтскіе алашаньскихъ кочевьевъ. Восточный и западный киты имѣютъ, говорятъ, по 500 ламъ. Что касается названія «лама», то, начиная съ Урги, всѣ, говорящіе монгольскимъ языкомъ и состоящіе въ подданствѣ китайскаго богдохана, именуютъ ламою всякаго вступившаго подъ щитъ вѣры и принявшаго на себя желтый или красный образъ; подобно тому какъ состоящіе въ подданствѣ нашего русскаго царя калмыки называютъ такихъ людей «гэлунгами». Это обычай разныхъ странъ: разныя бываютъ названія. Проднева̀въ здѣсь 11-го числа, я купилъ въ этой лавкѣ за 4-ре лана серебра олбокъ и тушилгэ, изъ ковровой матеріи, съ рисункомъ пятикогтевыхъ драконовъ. У одного тангутскаго владѣтеля пріобрѣлъ я 6 ланъ червоннаго золота, уплативъ за лану по 19-ти ланъ чистаго серебра; взялъ я это, потому что говорили, будто въ Тибетѣ одна лана червоннаго золота стоитъ 20 ланъ серебра. Еще пріобрѣлъ я съѣстныхъ и питейныхъ провьянтовъ до Гумбума и необходимыя мелочи, когда же сказали, что въ Гумбумъ и Цайдамскія мѣстности хорошо взять съ собою и чаю, то я взялъ двѣ хунцзы чая. Здѣсь чай дешевый: полный кирпичъ чая стоитъ около 3 циновъ серебра. Алашаньскій Санчжи лама, который, слѣдуя за нами отъ Урги, былъ нашимъ спутникомъ, остался въ этомъ алашаньскомъ ямунѣ и мы слѣдовали (дальше) въ своей палаткѣ вдвоемъ.

Засимъ 12-го по утру мы кочевали; останавливались для полдника въ урочищѣ, именуемомъ Бомботу, попили чаю и ночевали въ Гунъ-худукѣ.

13-го полдневали въ Тосун'ѣ, а ночевали въ Харгантуйнъ-ундур'ѣ.

14-го полдневали въ Шангїйнъ-далаӣ'ѣ, а ночевали въ Дэрэсӯтӯ-кӯбъ.

15-го полдневали въ Сэрэкэйнъ-дӭль, а ночевали въ Ширэкъ-дуланѣ. Моя лошадь, на которой я безсмѣнно ѣхалъ до настоящаго дня, такъ какъ мѣстныя травы были плохи, а ручного корма она не ѣла, отощала и ослабѣла; поэтому я сѣлъ верхомъ на верблюда, а лошадь свою велъ въ поводу. Во время движенія нынѣшнею ночью въ сторонѣ отъ дороги показался огонь. Двое ламъ изъ числа нашихъ спутниковъ доѣхали (до туда), повидались и пріѣхали съ разказами. «Человѣкъ это», разказываютъ, «изъ ордосскаго нутӯка и говоритъ онъ, что изъ своихъ кочевьевъ, кланяясь растяжными поклонами, дошелъ онъ до У-тая, а изъ У-тая, говоритъ, иду, кланяясь, сюда, до Гумбӯма. Со времени выхода изъ У-тая прошло, говоритъ, три года; а если буду живъ, говоритъ, то у меня есть намѣреніе, кланяясь такимъ же образомъ, дойти и до тибетскаго Цзӯ». — На другой день, по утру, погрузивъ и отправивъ вьючныхъ, я, взявши немножко пищи и денегъ съ намѣреніемъ отдать ихъ этому поклоннику ордосцу, поѣхалъ назадъ по дорогѣ, одинъ, на верховомъ верблюдѣ; искалъ его, но не встрѣтилъ и, съ тоскливой печалью, воротился назадъ.

16-го ночевали въ Хулан'ѣ.

17-го остановились на полдникъ въ Йэкэ-тӯнгэ. Это урочище Йэкэ тӯнгэ составляетъ сѣверную окраину песковъ «Тэнгри-элэсӯ». Здѣсь стояла одинокая алашаньская юрта и около нея мы ночевали. Моя лошадь три дня шла въ поводу, но какъ мѣстныя травы были плохи, а перевалить Тэнгри-элэсӯ было трудно, то я оставилъ ее въ этой юртѣ, сказавши, что возьму, когда буду возвращаться обратно.

18-го утромъ мы кочевали еще ночью и, прошедши пески Тэнгри-элэсӯ, остановились полдничать на южной ихъ окраинѣ. Эти пески Тэнгри-элэсӯ въ ширину, повидимому, свыше 20 верстъ. Чисто бѣлый песокъ. Въ иныхъ мѣстахъ — ямы, иныя мѣста кажутся какъ бы бугристыми. Дороги нѣтъ: распознаютъ

дорогу по помету подводъ путниковъ, проѣхавшихъ прежде. Всѣ мои сотоварищи прошли эти пески пѣшкомъ; я переваливъ ихъ въ перемѣшку, индѣ идучи, а индѣ сидя верхомъ на верблюдѣ. По милости будды и неба, повстрѣчались намъ эти пески въ безвѣтряное время; если же во время движенія по этимъ пескамъ застигнетъ вѣтеръ, то, кажется, нѣтъ другаго выхода кромѣ смерти. Въ тотъ же день мы кочевали снова, уже ночью достигли урочища Заха̀-долбнъ и остановились на ночлегъ.

19-го числа полдневали въ Чулӯнъ-онгоцота̀й'ѣ, а ночевали въ Тэнъ-лӯба. Это урочище, именуемое Чулӯнъ-онгоцотай — мѣстность алаша̀ньская, а урочище Тэнъ-лӯба — мѣстность китайская. На этомъ ночлегѣ мы достигли границы китайскихъ земель. Насъ предостерегли, что ночью нужно сторожить вьюки и телѣги.

20-го числа остановились на полдникъ, прошедши черезъ ворота Са̀янъ-чжинъ. Этотъ Са̀янъ-чжинъ представляетъ собою маленькій хуторъ, около 30, 40 китайскихъ ба̀йшиновъ. У китайской Великой стѣны сидятъ караульные; они задерживаютъ перевозящихъ чай и отбираютъ у нихъ чай; спрашиваютъ также у проѣзжающихъ дорожные билеты, а съ людей безпаспортныхъ взимаютъ по 160 китайскихъ желтыхъ чжōсу. Мы отдали положенные у нихъ чжōсу. Этихъ чжōсу — десять на одну нашу копейку; посему то мы и отдали, чѣмъ изъ за такихъ маленькихъ денегъ сидѣть, да показывать свои паспорты. Они пропустили насъ, даже не останавливая верблюдовъ. Въ настоящій день два андōскихъ, тангутскихъ ламы, одною палаткой выѣхавшіе вмѣстѣ съ нами изъ Урги, въ силу развѣтвленія дороги, ведущей въ Лабра̀нъ-кӣтъ, отдѣлись и уѣхали отъ насъ; а мы, оставшись тремя палатками, въ количествѣ 9-ти человѣкъ, въ тотъ же день кочевали снова и ночевали въ Банъ-чжанъ-чжин'ѣ.

21-го полдневали въ Чирга̀, а ночевали у перевала Суншингійнъ-даба̄.

22-го числа останавливались на полдникъ въ Суншингiйнъ-талȧ, а ночевали въ Ши-гӯ.

23-го числа остановились на полдникъ въ вершинѣ Чжонъ-луна и ночевали въ городѣ Чжонъ-лунѣ. Когда намъ сказали, что въ этомъ городѣ есть телеграфъ, мы вознамѣрились отбить депешу, и дать слухъ о здоровьи на свою родину; но оказалось, что въ этомъ городѣ нѣтъ станцiи и, получивъ свѣдѣнiе, что таковыя находятся въ Лань-чжоу и въ Шинь-чжоу, мы такъ и не послали депеши. Телеграфъ не проходитъ черезъ этотъ городъ, а находится на сѣверной сторонѣ онаго. Телеграфъ этотъ, говорятъ, вновь проложенный и идетъ сюда изъ Пекина.

24-го числа полдневали у Чжонъ-лунгiйнъ улāнъ-дабāна, а ночевали въ Балъ-гӯ-дин'ѣ.

25-го числа переправились черезъ рѣку Дȧйтунъ-мӯрэ̇нь и ночевали въ верховьяхъ Бинъ-гӯ.

26-го числа переваливъ черезъ Тэнгрiйнъ-дабā, полдневали на рѣкѣ Сэлэ̇нъ-мӯрэ̇нь [32]), а ночевали въ городѣ Ним-бу [33]). — Этотъ Тэнгрiйнъ-дабā — ужасный перевалъ. Между двумя концами его, говорятъ, 18 верстъ. Человѣкъ, способный подвергнуться припадкамъ на пути въ Тибетъ, непремѣнно, обозначится на этомъ перевалѣ. Мы прошли его ничего себѣ.

27-го числа ночевали неподалеку отъ монастыря Марсȧнъ-хлā. Монастырь этотъ построенъ на среднемъ уступѣ высокаго краснаго яра сѣвернаго берега рѣки Сэлэ̇нъ-мӯрэ̇ни и представляетъ собою старинную кумирню [34]). Съ наружной стороны (стѣнъ его) находится самобытный, рȧчжунъ, каменный Мȧйдари.

32) Си-нинъ-хо. Авторъ даетъ этой рѣкѣ, равно какъ и городу Синину, названiе Сэлэ̇нъ, подъ каковымъ именемъ извѣстны они у мѣстныхъ тангутовъ и монголовъ. По Рокхилю, первые зовутъ городъ Сининъ — Сэлӣнъ-каръ, а вторые Сэлӣнъ-хотȯ.

33) Извращенiе китайскаго имени «Нянь-бо» 碾 伯

34) Монастырь этотъ видѣлъ и даже сдѣлалъ съ него фотографическiй снимокъ Г. Н. Потанинъ; но онъ рѣшительно недѣлаетъ никакихъ описанiй его и только сообщаетъ легенду объ его происхожденiи, записанную, впрочемъ, очень кратко. См. Танг-тибет. окраина Китая. Т. I, стр. 203.

Разказываютъ, что одинъ тибетскій лама по имени Хла-лўнъ-бальчжй-дорчжй, умертвилъ въ Тибетѣ перерожденца грѣховнаго шумнўса, хāна Лāнгъ-дāрму, который уничтожалъ буддійскую вѣру и распространялъ беззаконія; а за симъ, предполагая, что его схватятъ, онъ бѣжалъ и мѣсто, въ которое онъ бѣжалъ, былъ этотъ монастырь. Кромѣ того здѣсь проживали три тибетскихъ гэлўнга, бѣжавшіе отъ ужасовъ хāна Лāнгъ-дāрмы, которые сдѣлали гэлўнгомъ тибетскаго Гонбā-рабсāла. Здѣсь находятся изображенія этихъ трехъ гэлўнговъ[35]). Есть также здѣсь

35) Наиболѣе подробныя сказанія объ этихъ лицахъ и событіяхъ мы находимъ въ монгольской литературѣ въ сочиненіи «Гэгэнъ толй», излагающемъ исторію Тибета. Здѣсь повѣствуется, что въ періодъ антибуддійскаго движенія Лāнгъ-дāрмы, когда послѣдній уже издалъ свои распоряженія объ уничтоженіи всего, что напоминало-бы о религіи будды, въ уединенной горѣ «Цурй» производили свои созерцанія три отшельника: Чойчжй-буйнъ-гархўй, Цзанъ-машй-тодорхōй и Маръ-сāкъя. Ничего незная о совершившемся разрушеніи кумирень, сожженіи священныхъ книгъ и уничтоженіи всякихъ буддійскихъ постановленій, они увидали однажды нѣкоего тōйна, Шантāбъ-шрамāна, который, будучи вооруженъ лукомъ и стрѣлами, и украшенъ перьями на головѣ, съ собакою, охотился на дикихъ звѣрей. Пораженные такими беззаконіями со стороны духовнаго лица, отшельники спросили тōйна, что значитъ все это и онъ впервые сообщилъ имъ о состоявшихся хāнскихъ постановленіяхъ. Отшельники страшно испугались, поспѣшно навьючили на трехъ муловъ свое скромное имущество и бѣжали на западъ, въ Камъ, гдѣ и поселились при горѣ Дэнтэкшйль. Вслѣдъ за ними бѣжалъ также «Цзарлигйнъ-гэрэлъ-дэдў-алдаршиксāнъ», который захватилъ съ собою всѣ драгоцѣнности вѣры и предметы религіознаго поклоненія. Такова исторія бѣгства изъ Тибета трехъ отшельниковъ и поставленнаго ими гэлўнга. Что касается личности двухъ китайскихъ гэлўнговъ, Ба-шанъ и Хо-шанъ, то мы не можемъ сказать о нихъ ничего положительнаго, хотя предполагаемъ, что это именно тѣ самые китайскіе гэлўнги, которые участвовали въ посвященіи Гонбā-рабсāла. Въ монгольской монографіи «Хамучй айладукчй Бōдова-ринчэнъ-робъ хэмэхўй-йнъ бўмъ номлалўнъ тодā бичйкъ», на листахъ 43 и 44-мъ, разказывается, что послѣ того какъ три помянутые отшельника бѣжали изъ Тибета и поселились въ пещерѣ скалы «Мар-лўнъ», къ нимъ явился Бодисāтва Му-рчжў-гСал-бāръ, которому они преподали посвященіе въ гэцўли, причемъ Цзāнъ исправлялъ обязанности камбō, а Чōй былъ убадійни; при этомъ посвященіи бодисāтвѣ было дано его новое духовное имя Тибā-рабсāлъ. Когда засимъ ему потребовалось преподать обѣты гэлўнга, то три отшельника не могли, по уставу, исполнить этого посвященія за своею малочисленностію, а потому они пригласили къ себѣ еще двухъ китайскихъ гэлўнговъ. Именъ ихъ помянутое сочиненіе, впрочемъ, не указываетъ. Нашъ авторъ, разказывая о чествованіи этихъ трехъ тибетскихъ и двухъ

и «изображенія» двухъ китайскихъ гэлӯнговъ, Бā-шàн'а и Хō-шàн'а. Говорятъ, что монастырь этотъ помимо того что славенъ какъ мѣсто, изъ котораго обновился пепелъ тибетской вѣры, почитается еще однимъ изъ 13 старинныхъ андŏскихъ кйтовъ.

28-го числа ночевали въ городѣ Сэлэнъ. Это одинъ изъ большихъ городовъ Китая. Въ немъ живетъ китайскій амбàнь, который, говорятъ, производитъ судъ надъ китайцами, тангутами и монголами. Въ этомъ же городѣ погребены тѣла вышепоименованныхъ трехъ тибетскихъ гэлӯнговъ. Говорили, что есть чòйжэнъ хлāканъ [36]). Мы, въ виду приближенія бѣлаго мѣсяца (новаго гóда), намѣревались поскорѣе ѣхать и не могли осмотрѣть что либо въ этомъ городѣ. На другой день мы уѣхали.

китайскихъ гэлӯнговъ въ Маръ-санъ-хла, говоритъ, что здѣсь имѣется ихъ «гунрà» (སྐུ་འདྲ), что, по Шмидту, обозначаетъ «картина», «портретъ»; въ данномъ случаѣ, «гунрà» должно однако значить просто «изображеніе», такъ какъ пять лицъ этихъ представлены здѣсь въ видѣ простыхъ глиняныхъ статуй. Что касается ламы, убившаго Лàнгъ-дàрму, то Санàнъ сэцэ̀нъ называетъ его Хлалунъ-цоктӯ-вачйръ-балъ-дорчжй (Geschichte der Ost-Mongolen, s. 51), а «Гэгэнъ-толй», Хла-лунъ-бальчжй дорчжй. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи разказывается, что Хлалӯнъ-бальчжй-дорчжй былъ также отшельникомъ, производившимъ свои созерцанія въ пещерѣ горы Йэрпà и стяжавшимъ себѣ по всюду громкую славу своими чарами и магическими превращеніями. Убилъ онъ Лàнгъ-дàрму по приказанію явившагося ему въ видѣніи божества Окŏнъ-тэнгрй, а чтобы не быть узнаннымъ, онъ окрасилъ свою лошадь въ черную краску, вымазалъ себѣ тушью лицо, и надѣлъ наизнанку свои одежды. По совершеніи убійства онъ вымылъ свою лошадь и вымылся самъ въ рѣкѣ Рибъ и возвратился въ свою пещеру. Между тѣмъ собравшимися передъ трупомъ Лàнгъ дàрмы министрами Тибета была послана погоня во всѣ четыре стороны. Возвратившіеся посланцы всѣ одинаково сообщали, что они гнались за убійцею, который былъ у нихъ на глазахъ, но не могли догнать его. Послы восточной стороны говорили, что онъ сдѣлался невидимъ для нихъ въ Самодон'ѣ; послы южной стороны увѣряли, что онъ скрылся на берегу рѣки Тибъ; послы западной стороны говорили, что онъ пропалъ въ «ночныхъ горахъ»; послы сѣверной стороны сообщали, что онъ изчезъ на глазахъ у нихъ въ Дон-кар-дон'ѣ. Было очевидно, что передъ каждыми послами были хубилгàны (ŏборотни) и по этимъ превращеніямъ догадались, что убійцею былъ никто иной какъ опытный въ чарахъ Хлалӯнъ. За нимъ послали въ гору Йэрпà, но Хлалӯнъ, узнавъ объ этомъ, немедленно скрылся и бѣжалъ въ Камъ. (См. «Гэгэ̀нъ-толи» калмыцкое изд. Л. 314—320).

36) Т. е. кумирня, посвященная генію хранителю Чòйчжалу.

29-го, въ полдень, прибыли въ Гумбу̀мъ, мѣсто, гдѣ родился владыка, лама̀ Цзонхава̀-гэгэ̀нъ. Мы намѣревались остановиться, вмѣстѣ съ сопутствовавшими намъ, въ лабра̀нѣ Сэртэ̀къ гэгэ̀на; оказалось, что гэгэ̀на нѣтъ, а былъ только одинъ лама̀, младшій братъ гэгэ̀на, который присматривалъ за его лабра̀номъ. Представившись ему, я разказалъ ему свои обстоятельства и представилъ свою просьбу, онъ же, освободивъ для меня одинъ ба̀йшинъ, помѣстилъ меня въ немъ, а другимъ товарищамъ сказалъ: «останавливайтесь въ другомъ домѣ; (у насъ) свободнаго ба̀йшина нѣтъ»; почему они и остановились въ другомъ домѣ. Меня онъ помѣстилъ, потому что я разказалъ ему, что при выѣздѣ своемъ изъ Урги я выпросилъ у гэгэ̀новскаго Йонзö̀нъ хамбō письмо, въ которомъ объяснены гэгэ̀ну всѣ мои обстоятельства; что самъ Йонзö̀нъ хамбō приказалъ мнѣ остановиться въ ихъ лабра̀нѣ и что у меня есть письмо, которое онъ приказалъ мнѣ доставить гэгэ̀ну. По его милости остановился я на житье въ такомъ великомъ мѣстѣ!

«Отъ Урги до Алаша̀ньскаго я̀муня 1200 верстъ, а отъ Алаша̀ньскаго я̀муня до Гумбу̀ма 700 верстъ; такъ раздѣляемъ мы», говорили они. И по нашему измѣренію будетъ приблизительно столько же. Отъ Урги до Алаша̀ни мы ѣхали, кочуя одинъ разъ въ день; а отъ Алаша̀ньскаго я̀муня до Гумбу̀ма шли, кочуя дважды въ день и вотъ мы прибыли послѣ двухмѣсячнаго движенія.

За симъ, втащивъ свои вьюки въ ба̀йшинъ и напившись чаю, мы пошли и поклонились по кумирнямъ.

30-го числа. Въ виду наступающаго завтра «цага̀на», постоянно живущіе ламы этого монастыря, имѣютъ обычай ходить сегодня по юртамъ одинъ къ другому и взаимно угощаться пищею и явствами. Мы, какъ люди вновь прибывшіе и никого не знавшіе, оставались въ своей квартирѣ и сидѣли, купивъ немного собственныхъ пищевыхъ продуктовъ. Говорятъ, что въ этомъ монастырѣ 3500 хувара̀ковъ. Имѣя въ основѣ тангутовъ, проживаетъ здѣсь около 1000 хувара̀ковъ монгольскихъ. Мѣст-

ность, на которой построенъ этотъ монастырь, находится въ вершинѣ горнаго ручья, именуемаго «Сӧнгӧнӧтӳйнъ амȧнъ», и получающаго начало къ югу отъ Сэлэ̇нъ-мӳрэ̇ни. Въ окружности своей она гори̇ста; вода колодезная, есть впрочемъ и маленькій ключъ. Мѣстныя травы хорошія; говорятъ, что доброкачественна также глина для постройки бȧйшиновъ. Что касается главной кумирни этого монастыря, то на мѣстѣ рожденія гэгэ̇на Цзонхавы̇ выросло дерево Бо̄ди; на этомъ деревѣ Бо̄ди находятся многочисленныя самобытныя изображенія буддъ, а также золотоцвѣтныя буквы; такое, говорятъ, выросло великое дерево. Впослѣдствіи надъ этимъ деревомъ соорудили большой субургȧнъ; кумирню же, построенную надъ этимъ субургȧномъ, называютъ главною кумирнею. Она имѣетъ двуряднyю, вызолоченную крышу; стѣны ея сложены изъ обожженаго полированнаго кирпича зеленаго цвѣта, а все деревянное воздвигнуто изъ пней кипариса. Если войти во внутренность ея, то большой субургȧнъ — виденъ ясно, а дерева бо̄ди, такъ какъ оно находится во внутренности большого субургȧна, не видно, и дверей, черезъ которыя было бы возможно войти въ большой субургȧнъ, нѣтъ. У крыльца дверей, снаружи кумирни, растетъ дерево, которое составляетъ отростокъ отъ того дерева. На вѣтвяхъ пня этого дерева имѣются золотоцвѣтныя тибетскія буквы. Вѣтвей и листьевъ этого дерева не обрываютъ, а собираютъ ихъ въ ту пору, когда они сами пожелтѣютъ и упадутъ. Говорятъ, что люди, живущіе около (этой святыни), всѣ поклонники, приходящіе сверху и снизу, покланяются этимъ кумирнѣ и субургȧну и нѣтъ ни одного человѣка, который не причастился бы листьями дерева бо̄ди. Когда мы, поклонившись и помолившись, также удостоились причащенія, то на листьяхъ, какъ на пожелтѣвшихъ, буквъ не было. Эта кумирня построена будучи обращенною фасадомъ на востокъ. Противъ дверей этой кумирни находится цокчи̇нскій дугӳнъ. Говорятъ, этотъ дугӳнъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ 3500 хуварȧковъ. Онъ также построенъ, смотря къ востоку. Эти двѣ главныя кумирни и всѣ главнѣйшіе бȧйшины, начиная

съ дацàнскихъ кумирень, имѣютъ фасадъ построеннымъ на восточную сторону. За симъ большая часть (зданій) построена неопредѣленно, смотря по удобствамъ мѣстности, и каждое изъ нихъ имѣетъ свою ограду. Кумирня, именуемая» Шабдàнъ-хлакàнъ, построена, будучи обращеною дверями на полуденную сторону. На деревѣ, выросшемъ въ оградѣ передъ дверями этой кумирни, также находятся тибетскія буквы. Осматривая таковые, находящіеся снаружи предметы, встрѣчаясь мало мальски съ постоянно живущими здѣсь монгольскими шабинàрами и получая отъ нихъ указанія о порядкахъ мѣстной жизни, я провелъ первую ночь.

Сѣверныхъ монголовъ они зовутъ «низовыми» монголами, а цàйдамскихъ монголовъ зовутъ «верховыми» монголами. Говорятъ, этотъ Сэртэкъ гэгэнъ принадлежитъ къ верховымъ монголамъ.

Потомъ наступилъ цаганъ — 1-е число мѣсяца дракона, 1892-го года, воды и дракона. Всѣ шабинàры, поднявшись спозаранку, еще ночью, дѣлаютъ визиты высшимъ ламамъ; начиная съ гумбỳмскаго хамбō-ламы̀. Мы, какъ люди вновь прибывшіе и прежде визитовъ не дѣлавшіе, рано, еще ночью, пошли и поклонились въ кумирняхъ. Имѣется около 20 кумирень. Хуварàки дò восхожденія солнца собрались въ цокчѝнской кумирнѣ и совершили «цагàнъ». Мы ходили и кланялись снаружи. Въ этомъ монастырѣ, при богослуженіяхъ всѣ хуварàки и шабинàры имѣютъ на себѣ шабѝнскую одежду [37]). Когда хурỳлъ разошелся, мы отправились къ гумбỳмскому хамбō, въ его помѣщеніе и представились ему, поднеся хадàкъ; пожаловавъ насъ чаемъ, онъ угощалъ намъ пряженцами и фруктами. Пришедши отъ него, мы хотѣли сдѣлать визиты также всѣмъ хубилгàнамъ, но какъ ихъ было много, то мы представились только слѣдующимъ пяти гэгэнамъ: Минàкъ-гэгэну, Сандòкъ-гэгэну, Гизэ̄-гэгэну, Дансо-

37) Шабѝ-хубцасỳ: ѝранга, бàнзаль, оркимчжѝ, эти три постоянно носимыя въ Гумбỳмѣ одежды называютъ «шабѝ хубцасỳ».

рòнъ-гэгэ̀ну и Чжунѝ-гэгэ̀ну. За симъ день прошелъ для насъ въ поклоненіяхъ и круговращеніяхъ въ продолженіе всего этого дня.

Къ этому времени прибыло много поклонниковъ изъ цàйдамскихъ, верховыхъ монголовъ и сѣверныхъ, низовыхъ монголовъ; пришло также много тангутовъ изъ собственно андо̆ской мѣстности и живущихъ по близости китайцевъ; всѣ они, совершая поклоны и круговращенія, приносятъ жертвы и приношенія. Приходящіе съ такими цѣлями люди приносятъ еще каждый отъ себя и имѣющіяся у нихъ вещи для продажи, которыми и производятъ торговлю. По таковой причинѣ народу также, кàжется, много. Бѣдныхъ, немощныхъ и просящихъ подаяній тоже много. Есть также люди, которыхъ именуютъ «хой-хой»,— повидимому, мусульманскаго вѣроисповѣданія.

Проведя въ поклоненіяхъ и круговращеніяхъ два, три дня, рѣшили мы сдѣлать визитъ Сэртэ̀къ-гэгэ̀ну, хозяину того карбà, въ которомъ мы остановились [38]). Гэгэ̀нъ этотъ имѣетъ у себя

38) Внося въ свое описаніе совершенно новое слово «карбà», нашъ авторъ даетъ лишь самое общее и почти ничего не объясняющее опредѣленіе его, хотя этимъ словомъ обозначается одно изъ ламàйскихъ учрежденій, не описанныхъ въ русской литературѣ и совершенно неизвѣстныхъ въ ближайшихъ къ намъ ламàйскихъ странахъ Чжунгаріи, Халхи, Монголіи и др. Къ счастію, замѣтку объ этомъ учрежденіи мы находимъ у Рокхиля, изъ которой дѣлается яснымъ, что «карбà» представляетъ собою нѣчто вродѣ монастырскихъ странноприимныхъ домовъ. На стр. 101 своего «Journey through Mongolia and Tibet» г. Рокхиль сообщаетъ: «Разные высшіе сановники секты Gélupa, большая часть которыхъ признаетъ Гумбу̀мъ своею alma mater, содержатъ (на свой собственный счетъ или на счетъ поколѣнія, среди котораго они пребываютъ) учрежденія, извѣстныя здѣсь (въ Гумбу̀мѣ) подъ именемъ K'arwa (mk'ar-wa), гдѣ они, вѣроятно, проводятъ часть года и гдѣ народъ ихъ округа находитъ безплатный столъ и жилище. Эти k'arwa можно узнать по стѣнамъ, раскрашеннымъ снаружи въ красный цвѣтъ и по большимъ двустворчатымъ воротамъ, такъ какъ всѣ другія зданія имѣютъ бѣлыя стѣны и небольшія ворота. Въ Гумбу̀мѣ находится 23 k'arwa, изъ которыхъ древнѣйшая и первая по значенію, — Цзун-ка карва, существующая отъ временъ основанія монастыря. Высшій сановникъ, живущій въ одной изъ гумбу̀мскихъ карвà—А-чжа-гэгэ̀нъ; за нимъ слѣдуетъ Бэ-чжа хубилгàнъ и 40 другихъ «живыхъ буддъ», высшихъ степеней. Ламы, хозяева этихъ домовъ, не могутъ брать съ останавливающихся у нихъ никакой платы, послѣдніе приносятъ лишь нѣсколько добровольныхъ

другой, маленькій ки̊тъ и, отправившись въ этотъ ки̊тъ, не пріѣзжалъ въ Гумбу̊мъ къ настоящему цага̊ну. Слово «карба̊» есть названіе обнесеннаго оградою, ламскаго ба̊йшина. Изъ этого (сэртэкъ гэгэновскаго) карба̊ долженъ былъ отправиться одинъ человѣкъ и представиться своему ламѣ. Вслѣдъ за этимъ человѣкомъ 5-го числа этой луны поѣхалъ и я, нанявъ себѣ верховую лошадь, спутникъ же мой, Дорчжи̊, остался присматривать за ба̊йшиномъ. Это было въ растояніи приблизительно 30-ти верстъ и, доѣхавъ въ тотъ же день, я представился гэгэну. Гэгэнъ распрашивалъ меня, когда и изъ какой выѣхалъ я страны, по какимъ мѣстамъ ѣхалъ и все такое, я же представлялъ ему отвѣты на каждый его вопросъ и передалъ письмо, которое поручилъ мнѣ доставить гэгэновскій Йонзо̊нъ-хамбо̊. За симъ я представилъ его вниманію такія рѣчи, что возымѣлъ я намѣреніе сходить въ Тибетъ на поклоненіе, но, помимо незнанія мѣстности, я не имѣю и знакомства, слышно же, что людей, приходящихъ изъ чужихъ странъ, тамъ не пускаютъ; по таковымъ то причинамъ и пріѣхалъ я въ вашу карбу̊ съ просьбою, что если будетъ ваша милость, такъ, можетъ быть, и можно будетъ доѣхать мнѣ до Цзӯ. «Ладно», отвѣчалъ лама, «я знаю что нужно будетъ дѣлать. Отправляющіеся въ Тибетъ обыкновенно выѣзжаютъ отсюда или въ послѣднихъ числахъ мѣсяца лошади, или въ первыхъ числахъ мѣсяца овцы; до той поры живите спокойно въ Гумбу̊мѣ, въ нашей карба̊». За симъ помѣстивъ меня въ одномъ отдѣленіи ба̊йшина, онъ пожаловалъ мнѣ чаю и лапши. Ки̊тъ, въ которомъ онъ проживалъ теперь, — маленькій ки̊тъ; онъ имѣетъ у себя одну кумирню и отъ 30, до 40 шабина̊ровъ. Поклонившись въ этой кумирнѣ, я сдѣлалъ маленькія приношенія чаемъ, серебромъ и прочимъ; гэгэну также поднесъ хада̊къ и шелковой матеріи на халатъ. Переночевавъ тамъ, я 6-го числа прибылъ въ свой Гумбу̊мъ.

пожертвованій (ли-ву), а хозяинъ восполняетъ ихъ щедрость посредствомъ уловокъ, къ которымъ онъ можетъ прибѣгнуть при всѣхъ покупкахъ, дѣлаемыхъ гостями.

По пройденнымъ мною здѣсь мѣстамъ живутъ китайцы и мѣстность эта въ изобиліи засѣвается пашнями.

Съ 8-го по 15 число служился хура̀лъ, именуемый «Баридѝ хубилга̀ни йо̀рбль» [39]). Во время служенія этого нарочито-великаго хура̀ла мы совершали круговращенія и поклоненія, принеся ма̀нзу [40]) въ цокчѝнѣ и даца̀нахъ и сдѣлавъ посильныя жертвоприношенія и подаянія въ главнѣйшихъ кумирняхъ. 14-го числа выходилъ ца̀мъ. 15-го числа (здѣшніе ламы) совершаютъ «жертвоприношенія 15-го числа»: приготовляютъ снаружи кумирень массу жертвъ и украшеній и зажигаютъ множество лампадъ. Людей, прибывающихъ на поклоненіе къ этому «жертвоприношенію 15-го числа», бываетъ еще больше, чѣмъ приходитъ на цага̀нъ. Такъ какъ приходящіе въ Гумбу̀мъ изъ окрестностей люди обычно приходятъ къ такому времени, то въ Гумбу̀мѣ въ эту пору бываетъ нѣчто на подобіе ярмарки.

16-го мы писали письма о своемъ здоровьи въ Ургу и свои сѣверныя родныя кочевья. 17-го мы передали эти письма для доставленія въ Ургу алаша̀ньцу, который привезъ насъ (въ Гумбу̀мъ и теперь) возвращался. Возвращался онъ, подрядившись снова везти за плату людей, которые проживали здѣсь и намѣревались теперь отправиться отсюда въ направленіи къ Ургѣ. Подрядился онъ съ платою по 8 ланъ серебра за каждаго верблюда до Урги. Я подумалъ: если тамошніе люди проѣзжаютъ между Гумбу̀момъ и Ургою съ платою 8 ланъ серебра, а мы пріѣхали по 6 ланъ за верблюда, то это знаменательно въ отношеніи нашего путешествія.

За симъ, во время пребыванія нашего въ Ургѣ, проживавшій тамъ шара̀-му̀рэньскій, ду̀рбэнъ-ху̀хэтскій хамбо̄-бакшѝ го-

---

39) Баридѝ-хубилга̀ни йо̀рбль — чисто калмыцкая форма названія молебствій, совершаемыхъ всѣми ламаитами въ новый годъ, въ воспоминаніе 15-ти дневныхъ чудесъ Сакъяму̀ни-будды. Это, несомнѣнно, извращеніе литературнаго «ритѝ-хубилга̀нъ». Въ Монголіи служеніе «ритѝ-хубилга̀н'а совершается не съ 8-го по 15-е, а съ 9-го по 15-е числа 1-й луны. Подробности о семъ въ «Очеркахъ быта буддійскихъ монастырей въ Монголіи», стр. 276—282.

40) Ма̀нцза — угощеніе духовенства чаемъ.

ворилъ: «когда пріѣдите вы въ Гумбу̀мъ, то тамъ пребываетъ такъ называемый Люйчэ-чойчжѝ; это чо̀йчжинъ, низходящій на нѣкоего китайца; испросите у него предвѣщаній относительно дороги; скажетъ онъ: «хорошо», — идите, скажетъ: «худо» — нельзя идти». Вспомнивши эти слова, я спрашивалъ, гдѣ проживаетъ этотъ Люйчэ-чойчжѝ. Мнѣ сказали, что къ сѣверу, въ разстояніи около трехъ верстъ отъ Гумбу̀ма, находится Лӯсаръ-хото̀, — маленькій китайскій торговый городъ, тамъ онъ и живетъ. Намъ хотѣлось пойти, представиться и выслушать его предвѣщанія, но мы боялись, что будемъ мы дѣлать, если онъ скажетъ, что нельзя идти? Поэтому мы рѣшили въ настоящее исключительное время совершать молитвы и поклоненія передъ священными предметами чествованія и кумирами, дѣлать жертвы и приношенія, а потомъ уже идти на аудіенцію. За симъ, для представленія, мы взяли съ собой одного монгольскаго ламу, да насъ двое, пошли такъ втроемъ. Доложили дѣло, попросили низвести чо̀йчжона и удостоились отвѣта. Форма низхожденія этого чо̀йчжона такова. Помянутый Люй-чэ имѣетъ у себя комнату, съ маленькимъ кумиромъ будды, и въ этой своей комнатѣ онъ низводитъ чо̀йчжона. Сами они — два китайца, отецъ и сынъ; отецъ имѣетъ около 60 лѣтъ отъ роду, сынъ, повидимому, лѣтъ около 30-ти. Человѣкъ, желающій низвести чо̀йчжона, даетъ имъ 500 китайскихъ чеховъ, а они говорятъ, что на эти деньги они приносятъ жертвы и лампады своему генію-хранителю. За симъ мы поднесли 500 чеховъ и сказали: «мы намѣрены отправиться въ Тибетъ и спрашиваемъ, не случится ли какихъ несчастій въ дорогѣ?» — «Помолимся своему генію-хранителю!» отвѣчали они и съ этими словами сынъ одѣлъ на себя старый парчевый кафтанъ, который обыкновенно одѣваетъ онъ во время низведенія генія-хранителя, одѣлъ высокую, черную, китайскую шапку, взялъ въ руки копье съ рукояткою приблизительно въ сажень и сѣлъ на стулъ, обратившись глазами въ сторону кумира будды. Отецъ его, держа маленькій ца̀нъ, сѣлъ на землю, съ боку его и сталъ читать молитвенное чтеніе. Мы стояли у дверей,

снаружи и смотрѣли. По расчету прошло приблизительно минутъ двадцать, какъ старикъ сидѣлъ, ударяя въ цàнъ и читая молитву, а сынъ покачивался, вздрагивалъ и вдругъ слетѣлъ со стула, на которомъ сидѣлъ. Тогда старикъ положилъ цàнъ, въ который онъ звонилъ, всталъ, подошелъ и спросилъ что то по китайски. Сынъ его былъ какъ будто безсознанія. Когда онъ громко спросилъ его два, три раза, онъ сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ и послѣ сего тотчасъ же сталъ какъ будто здоровый. Послѣ этого сынъ снялъ свое платье генія-хранителя и вмѣстѣ съ отцемъ пошелъ въ комнату, гдѣ они жили. Тамъ отецъ его сказалъ намъ: «по его словамъ, при слѣдованіи для поклоненія не будетъ ничего дурнаго и никакихъ приключеній, но оставаться тамъ долго — нельзя». Мы очень обрадовались и возвратились назадъ. Эти китайцы, отецъ и сынъ, оба женаты, имѣютъ дѣтей, — бѣдная семья.

18-го числа младшій братъ гэгэна, ламà, отправился на свиданіе къ гэгэну и я просилъ его довести до свѣдѣнія (гэгэна) о пожалованіи мнѣ отъ гэгэна одной священной книги. Начиная съ этого 18-го числа, мы видались съ монгольскими шабинàрами, проживавшими въ монастырѣ, сообщали другъ другу вѣсти о благосостояніи своей стороны, спрашивали и выслушивали способы относительно своего путешествія и проч.; въ этомъ прошло нѣсколько дней. Въ разстояніи 6, 7 дней отъ гумбỳмскаго монастыря находится большой кѝтъ, именуемый Лабрàнъ; въ этомъ кѝтѣ, говорятъ, проживаетъ великій хубилгàнъ ламà, называемый Цзамьяѝнъ-шатбàйнъ гэгэнъ. Послушниковъ этого монастыря также 3500 человѣкъ; хубилгàновъ и гэгэновъ опять таки множество. Сказывали, что дорога между Гумбỳмомъ и Лабрàномъ изобилуетъ горами, перевалами и очень трудная; поэтому мы не поѣхали туда, рѣшивъ, что увидимъ на обратномъ пути. Кажется, въ этой амдòской странѣ два именитыхъ большихъ кѝта, Гумбỳмъ и Лабрàнъ; а маленькихъ китовъ истинно множество. Жизненные продукты, покупаются въ здѣшнихъ мѣстахъ дешевле чѣмъ въ Ургѣ. Ба-

ворилъ: «когда пріѣдите вы въ Гумбу̀мъ, то тамъ пребываетъ такъ называемый Люйчэ-чойчжѝ; это чо̀йчжинъ, низходящій на нѣкоего китайца; испросите у него предвѣщаній относительно дороги; скажетъ онъ: «хорошо», — идите, скажетъ: «худо» — нельзя идти». Вспомнивши эти слова, я спрашивалъ, гдѣ проживаетъ этотъ Люйчэ-чойчжѝ. Мнѣ сказали, что къ сѣверу, въ разстояніи около трехъ верстъ отъ Гумбу̀ма, находится Лӯсаръ-хото̀, — маленькій китайскій торговый городъ, тамъ онъ и живетъ. Намъ хотѣлось пойти, представиться и выслушать его предвѣщанія, но мы боялись, что будемъ мы дѣлать, если онъ скажетъ, что нельзя идти? Поэтому мы рѣшили въ настоящее исключительное время совершать молитвы и поклоненія передъ священными предметами чествованія и кумирами, дѣлать жертвы и приношенія, а потомъ уже идти на аудіенцію. За симъ, для представленія, мы взяли съ собой одного монгольскаго ламу, да насъ двое, пошли такъ втроемъ. Доложили дѣло, попросили низвести чо̀йчжона и удостоились отвѣта. Форма низхожденія этого чо̀йчжона такова. Помянутый Люй-чэ имѣетъ у себя комнату, съ маленькимъ кумиромъ будды, и въ этой своей комнатѣ онъ низводитъ чо̀йчжона. Сами они — два китайца, отецъ и сынъ; отецъ имѣетъ около 60 лѣтъ отъ роду, сынъ, повидимому, лѣтъ около 30-ти. Человѣкъ, желающій низвести чо̀йчжона, даетъ имъ 500 китайскихъ чеховъ, а они говорятъ, что на эти деньги они приносятъ жертвы и лампады своему генію-хранителю. За симъ мы поднесли 500 чеховъ и сказали: «мы намѣрены отправиться въ Тибетъ и спрашиваемъ, не случится ли какихъ несчастій въ дорогѣ?» — «Помолимся своему генію-хранителю!» отвѣчали они и съ этими словами сынъ одѣлъ на себя старый парчевый кафтанъ, который обыкновенно одѣваетъ онъ во время низведенія генія-хранителя, одѣлъ высокую, черную, китайскую шапку, взялъ въ руки копье съ рукояткою приблизительно въ сажень и сѣлъ на стулъ, обратившись глазами въ сторону кумира будды. Отецъ его, держа маленькій ца̀нъ, сѣлъ на землю, съ боку его и сталъ читать молитвенное чтеніе. Мы стояли у дверей,

снаружи и смотрѣли. По расчету прошло приблизительно минутъ двадцать, какъ старикъ сидѣлъ, ударяя въ цàнъ и читая молитву, а сынъ покачивался, вздрагивалъ и вдругъ слетѣлъ со стула, на которомъ сидѣлъ. Тогда старикъ положилъ цàнъ, въ который онъ звонилъ, всталъ, подошелъ и спросилъ что то по китайски. Сынъ его былъ какъ будто безсознанія. Когда онъ громко спросилъ его два, три раза, онъ сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ и послѣ сего тотчасъ же сталъ какъ будто здоровый. Послѣ этого сынъ снялъ свое платье генія-хранителя и вмѣстѣ съ отцемъ пошелъ въ комнату, гдѣ они жили. Тамъ отецъ его сказалъ намъ: «по его словамъ, при слѣдованіи для поклоненія не будетъ ничего дурнаго и никакихъ приключеній, но оставаться тамъ долго — нельзя». Мы очень обрадовались и возвратились назадъ. Эти китайцы, отецъ и сынъ, оба женаты, имѣютъ дѣтей, — бѣдная семья.

18-го числа младшій братъ гэгэна, ламà, отправился на свиданіе къ гэгэну и я просилъ его довести до свѣдѣнія (гэгэна) о пожалованіи мнѣ отъ гэгэна одной священной книги. Начиная съ этого 18-го числа, мы видались съ монгольскими шабинàрами, проживавшими въ монастырѣ, сообщали другъ другу вѣсти о благосостояніи своей стороны, спрашивали и выслушивали способы относительно своего путешествія и проч.; въ этомъ прошло нѣсколько дней. Въ разстояніи 6, 7 дней отъ гумбумскаго монастыря находится большой кѝтъ, именуемый Лабрàнъ; въ этомъ кѝтѣ, говорятъ, проживаетъ великій хубилгàнъ ламà, называемый Цзамьянъ-шатбайнъ гэгэнъ. Послушниковъ этого монастыря также 3500 человѣкъ; хубилгàновъ и гэгэновъ опять таки множество. Сказывали, что дорога между Гумбумомъ и Лабрàномъ изобилуетъ горами, перевалами и очень трудная; поэтому мы не поѣхали туда, рѣшивъ, что увидимъ на обратномъ пути. Кажется, въ этой амдоской странѣ два именитыхъ большихъ кѝта, Гумбумъ и Лабрàнъ; а маленькихъ китовъ истинно множество. Жизненные продукты, покупаются въ здѣшнихъ мѣстахъ дешевле чѣмъ въ Ургѣ. Ба-

зарный торгъ выступаетъ ежедневно на монастырской окраинѣ. Относительно мелочного торга сговариваются на китайскіе чѐхи. На одинъ ланъ серебра приходитъ 1500 чеховъ. Если ведутся переговоры на большія деньги, то взвѣшиваютъ на «дэнъ-сэ» и принимаютъ китайское бѣлое серебро, въ слиткахъ. Слово «дэнъ-сэ» — есть названіе безмѣна, на которомъ обыкновенно вѣсятъ китайское серебро. Самая низшая мѣра называется «пунъ»: въ 10 пунахъ — одинъ «цэнъ»; въ 10 цэнàхъ — одинъ ланъ; одиннадцать лàновъ равняются одному нашему русскому фунту. Большинство вообще сговаривается на чехи, а потомъ переводитъ число чеховъ на серебро и, взвѣсивъ это серебро на «дэнъ-сэ», принимаютъ его. Если серебро немножко плоховато, отворотившись и не принимая, доставляютъ безпокойство, а принятую сумму уменьшаютъ въ цѣнности. Большая часть производящихъ ежедневную торговлю — китайцы; бываетъ также маломало хой-хойцевъ; тангутскіе, монгольскіе и тибетскіе торгаши приходятъ только въ періодъ большихъ народныхъ собраній.

7-го числа мѣсяца змѣи прибылъ лама̀, ходившій на свиданіе къ Сэртэкъ гэгэну; онъ сообщилъ, что гэгэнъ намѣревается пріѣхать въ Гумбу̀мъ 13-го числа.

Далѣе опять, изо дня въ день, въ свободное отъ поклоненій время мы распрашивали и выслушивали о пути слѣдованія въ Цзу̅, а тѣмъ временемъ 13-го числа прибылъ Сэртэкъ-гэгэнъ, пріѣхавъ верхомъ на лошади. Когда мы представились къ нему на поклонъ, онъ сказалъ: «я все обдумываю, какъ бы для вашей поѣздки «въ верховье», въ Цзу̅, поручить васъ хотя бы одному знающему человѣку; надѣюсь, вы исправно приготовляете и подводы, и провьянтъ, и все необходимое въ пути»? — Далѣе три дня прошло въ томъ, что представлялись этому гэгэну гумбу̀мскіе старѣйшіе и низшіе шабина̀ры, что самъ гэгэнъ совершалъ поклоненія въ своихъ хурулàхъ и кумирняхъ, а равно дѣлалъ визиты гумбу̀мскимъ гэгэнамъ и старѣйшимъ ламàмъ съ хамбо̀-ламòю во главѣ.

Начиная съ утра 16-го числа, когда (гэгэнъ) предложилъ

чтеніе (лу̀нъ) «Сумбу̀ма владыки ламы̀-гэгэ̀на»[41]); насъ сидѣло около 150 человѣкъ. На чтеніяхъ (лу̀нъ) этой священной книги сидѣло также 5, 6 ла̀мъ-гэгэ̀новъ. Начиналъ онъ лекцію по утру, съ восходомъ солнца; въ полдень выходилъ и приблизительно съ часъ времени употреблялось на принятіе пищи; въ исходѣ 1-го часа садились снова и (тогда онъ) читалъ, пока солнце ни начинало закатываться. Читая такимъ образомъ ежедневно, онъ прочиталъ 19 томовъ полныхъ одинадцать дней и окончилъ по утру двѣнадцатаго дня, 27-го числа. Мы оба просидѣли и прослушали все, отъ начала до конца. Въ ту пору на приношенія вещами и серебромъ, на чай и кушанье къ столу ламы̀, на угощеніе чаемъ и пищею присутствовавшимъ при этой священной проповѣди ла̀мамъ вышло у меня всего, кажется, на 150 ланъ серебра. Когда одинъ су̀нитскій шабро̀нъ-лама̀, сдѣлавъ докладъ, началъ съ этого дня излагать Байчжигі̀йнъ-абишѝкъ[42]), Цага̀нъ-даркі̀йнъ чжина̀нъ и Риксу̀мъ-Чжидубі̀йнъ чжина̀нъ[43]), таковыхъ три отдѣльныхъ но̀ма, мы также сидѣли. Читалъ онъ эти но̀мы сплошь по тангутски.

29-го числа мы освободились. Засимъ этотъ Сэртэ̀къ-гэгэ̀нъ 4-го числа слѣдующаго мѣсяца лошади уѣхалъ въ кѝтъ.

До своего отъѣзда въ кѝтъ онъ говорилъ мнѣ: «Здѣсь Шалуба̀-гэгэ̀нъ Сэрку̀г'скаго монастыря хочетъ ѣхать въ Тибетъ; я написалъ этому гэгэ̀ну, чтобы онъ взялъ васъ съ собою; соберите слухи, когда они отправляются и попытайтесь уѣхать вмѣстѣ». Тогда я отправился въ сэрку̀г'скій монастырь и представился этому гэгэ̀ну. Гэгэ̀нъ принялъ меня съ большою любовью, принялъ также письмо Сэртэ̀къ-гэгэ̀на и сказалъ: «теперь пере-

---

41) Т. е. полнаго собранія сочиненій Цзонхавы.

42) Байчжѝгъ (དཔའ་ གཅིག), то же что у монголовъ называется [illegible] (въ разговорномъ—гахца̀ ба̄туръ)—божество, по происхожденію своему представляющее одно изъ воплощеній Чжикчжѝта (Jamantaka).

43) རིགས་གསུམ་སྤྱི་སྒྲུབ་ или по монгольски [illegible] — названіе сочиненія.

говорите хорошенько съ моимъ шанцзотбо̀ю, когда вамъ выѣзжать, въ какомъ мѣстѣ присоединиться къ каравану, и возвращайтесь». Когда затѣмъ я пришелъ и сталъ говорить съ шанцзотбо̀ю, то оказалось, что шанцзотба̀ не желаетъ, что бы мы ѣхали вмѣстѣ. Разъ выразилъ онъ нежеланіе, я возвратился, размышляя, какъ же ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ дорогу? Ходили мы въ этотъ монастырь втроемъ и дошли до него, переночевавши одну ночь въ дорогѣ; одну ночь переночевали въ монастырѣ; на обратномъ пути также переночевали въ дорогѣ; по видимому, онъ будетъ отъ Гумбўма верстахъ въ 40 [44]).

Услыхавъ о такихъ нашихъ вѣстяхъ, Сэртӭкъ-гэгӭнъ отправилъ письмо къ проживавшему тогда въ Гумбўмѣ нѣкоему тибетскому ламѣ. Этотъ тибетскій лама̀ въ настоящемъ году самъ не ѣхалъ въ Цзӯ, а возврӑщались назадъ его со̀йбуны, — пять, шесть человѣкъ тибетцевъ. Когда мы представились къ этому гэгӭну-ламѣ и довели до его свѣдѣнія о своихъ обстоятельствахъ, онъ сказалъ: «поѣзжайте вмѣстѣ съ моими со̀йбунами; я сдѣлаю имъ какой слѣдуетъ наказъ. И Сэртӭкъ-гэгӭнъ писалъ мнѣ. Приготовляйте подводы и провьянтъ»! Тогда мы повидались и переговорили съ его со̀йбунами, которые возвращались въ Цзӯ и, познакомившись съ нѣкіимъ гэлўнгомъ Чжимба̀, хорошо знавшимъ монгольскій языкъ и многократно ходившимъ въ Монголію, сговорились съ нимъ ѣхать вмѣстѣ. Видно было, что и Чжимба̀

---

44) Серкугъ—монастырь, именуемый (по Потанину) у китайцевъ Го-манъ-сы, а по монгольски называющійся «алтанъ-сумэ», т. е. золотая кумирня, до сего времени никогда еще не былъ описанъ. Потанинъ упоминаетъ о немъ, сообщая лишь, что онъ находится къ сѣв.-зап. отъ Синина и что здѣсь была резиденція Самбу-номонъ хана, который живетъ теперь въ Пекинѣ (см. Тангтибет. окраина китая т. I стр. 386). Этотъ Самбу-номонъ ханъ Потанина есть, несомнѣнно, лама Цзань-бо (བཙན་པོ), монастырь котораго имѣетъ оффиціальное имя «Галданъ-дамъ-чой-линъ (དགའ་ལྡན་དམ་ཆོས་གླིང་), а встарину назывался: амдоскій сГо-манъ-дГонь, откуда и произошло то китайское названіе его «Го-мань-сы», о которомъ свидѣтельствуетъ Потанинъ. Что до названія Серкугъ, то въ литературѣ оно является въ формѣ གསེར་ཁོག = дСэр-хогъ.

истинно желаетъ этого. Говорили, что этотъ хубилга̀нъ — есть лама, именуемый Бариду̀-гэгэ̀нъ, Го̄мон'скаго даца̀на, тибетскаго Бра̀йбунъ-кѝта. Эти Бариду̀йнъ-гэгэ̀нъ и Сэртэ̀къ-гэгэ̀нъ были со мною однолѣтками: въ настоящемъ году имъ было по 47 лѣтъ.

Послѣ сего стали приходить многіе, предполагавшіе, что мы ѣдемъ въ Тибетъ вдвоемъ и, вѣроятно, будемъ брать товарищей. Если человѣку, ѣдущему съ чужой стороны взять въ товарищи незнакомаго человѣка, да явится онъ не по душѣ, такъ отъ этого — великое мученье. По этой причинѣ приходило и спрашивало человѣкъ около десяти, но я говорилъ, что намъ никого не нужно. Засимъ, въ ту же пору пришелъ нѣкій лама̀, называвшійся Дакба̀-чжанба̀, изъ хошӯна Са̀йтъ-ва̀на, халха̀скаго Са̀йнъ-нойновскаго а̀ймака, 52-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ сказалъ: «я пришелъ на поклоненіе въ Гумбу̀мъ и имѣлъ намѣреніе, если будетъ возможность, сходить и поклониться также въ Тибетъ; нельзя ли взять меня въ качествѣ спутника?» Когда мы разговаривали съ этимъ ламо̀ю, онъ показался на видъ человѣкомъ смышленымъ. Тогда, переговоривши съ своимъ сотоварищемъ Дорчжи̇̀, мы, ради испытанія его, наняли лошадь и, послухамъ, что есть продажный верблюдъ, отправили его въ маленькій монастырь, именуемый «Шинэ̀-гомба̀». Это было пространство, чтобы, выѣхавъ изъ Гумбу̀ма, въ тотъ же день пріѣхать, переночевать тамъ и на другой день возвратиться. Лама̀ этотъ съѣздилъ. Когда засимъ мы распросили его о качествахъ верблюда, о рѣчахъ, которыя тамъ говорили и о томъ, какъ онъ съѣздилъ, выяснилось, что это человѣкъ, достойный, чтобы взять его въ сотоварищи.

Потомъ, предположивъ съѣздить къ ца̀йдамскимъ монголамъ и попробовать (пріобрѣсти у нихъ животныхъ для подводъ), купилъ я верблюда, завьючилъ его и отправился вдвоемъ, вмѣстѣ съ этимъ Дакба̀-чжанба̀. По дорогѣ повстрѣчались намъ проѣзжіе люди изъ хошӯна ца̀йдамскаго ва̀на, которые ѣхали на поклоненіе въ Гумбу̀мъ и доставляли во вьюкахъ овечью шерсть

въ городъ Сининъ. Они сказали, что ва̀нъ-нойо̀нъ также долженъ пріѣхать, а мы-де отправляемся въ Гумбу̀мъ и на обратномъ пути своемъ можемъ доставить васъ за плату до Ца̀йдама. Тогда, признавъ неблагоразумнымъ покупать верблюдовъ, мы возвратились назадъ.

Еще сговорились мы, ради собственно того чтобы носить намъ воду, взять съ собою нѣкоего 19-ти лѣтняго юношу — халха̀са, который, сдѣлавшись ниществующимъ пилигримомъ, пришелъ въ Гумбу̀мъ и совершалъ здѣсь поклоненія. Два человѣка эти получали отъ насъ слѣдующее: они ѣхали на нашихъ подводахъ, пользовались нашею пищею и должны были быть у насъ въ услуженіи до прибытія въ Цзӯ-Тибетъ; другого ничего они не получали. Мы положительно и крѣпко сговорились, что если бы по дорогѣ приключилась болѣзнь, или обнаружились поступки, которые будутъ намъ не по душѣ, то мы имѣемъ право бросить ихъ въ любомъ мѣстѣ. Условились также и съ людьми ва̀нова хошӯна. На границѣ, по сю сторону ца̀йдамскихъ земель, находится ставка ва̀нъ-нойо̀на, именуемая Дула̄нъ-ба̀йшинъ; мы постановили плату до нея за 4 верблюда вьючныхъ и за 4 верховыхъ для насъ двоихъ, вмѣстѣ со вновь взятыми нами двумя спутниками: вью̀чный — $4\frac{1}{2}$ кирпича чая, а два верховыхъ условились считать за одинъ вьючный. Въ эту пору кирпичъ чая стоилъ въ Гумбу̀мѣ 4 цина серебра. Условились, что я буду ѣхать на лошади, а товарищи — попеременно, и на лошадяхъ и на верблюдахъ. Постановивъ такія цѣны, ца̀йдамскіе, верховые монголы отправились въ Сининъ, сказавъ, что они доставятъ завьюченную ими шерсть и пріѣдутъ, а мы слѣдомъ начали приготовлять всѣ пищевые продукты и исправлять свои кое какія мелочи. Тѣмъ временемъ, 23-го числа того же мѣсяца «лошади» прибыли эти подводы.

Далѣе мы, предполагая, что на обратномъ пути своемъ, по всей вѣроятности, поѣдемъ черезъ тотъ же Гумбу̀мскій китъ, запечатали въ двухъ сундукахъ кое какія мелочныя потребности на обратный путь, съ небольшимъ числомъ денегъ. Хорошо поз-

накомившись съ нѣкіимъ ламою, хубилгàномъ Чжунàй хамбŏ гумбўмскаго монастыря, я переговорилъ съ нимъ и на рукахъ этого ламы оставили мы (помянутыя вещи). Этотъ ламà былъ также верховый монголъ и принадлежалъ къ хошўну того же самаго вàнъ-нойдна. Цàйдамскіе монголы въ своей сторонѣ не имѣютъ хурулòвъ и ламы ихъ проживаютъ въ Гумбўмѣ. Гэгэнъ этотъ далъ еще наказъ вàнъ-нойдну: «этихъ людей хорошенько везите»; Сэртэкъ-гэгэнъ также точно послалъ къ нойдну человѣка и препроводилъ письмо, въ которомъ говорилось: «хорошенько ихъ провезите». Сверхъ сего я познакомился и съ этимъ нойдномъ.

За симъ 24-го числа этой луны мы кочевали изъ Гумбўма и ночевали на р. Сэлэнъ, близъ города Дуба. Всего было насъ свыше 20-ти душъ, въ пяти, шести палаткахъ: вàнъ-нойдинъ со штатомъ болѣе 10 человѣкъ, насъ четыре человѣка, да еще 6 человѣкъ изъ низовыхъ монголовъ, направлявшихся въ Цзў. 25-го полдневали на Сэлэнъ-мўрэни, а ночевали, проѣхавъ Бурхàнъ-хадà.

26-го дневали на томъ же мѣстѣ. Въ этотъ день нашъ халхàскій юноша Цэбэкъ, который выѣхалъ въ качествѣ нашего прислужника, поднявшись на гору, ходилъ, собирая мелкій кустарникъ на топливо, и, подпавъ мѣстному атмосферному вліянію, заболѣлъ: его слабило чисто красною кровью и онъ лежалъ; внутренній жаръ, дыханіе усилилось, грудь пучится. Мы показали тогда его ѣхавшему съ нами одному гумбўмскому врачу, заставили его принять лекарство и проночевали.

27-го кочевали и остановились ранѣе полудня близъ города Донкòра. Эти люди имѣя нужду сдѣлать изъ этого города небольшія покупки, ночевали въ немъ, мы же оставались, приготовляя и давая больному лекарства и пищу. 28-го мы дневали изъ за этого молодого человѣка. Въ настоящій день дневки на степи, мы поднесли вàну чаю, а вàнъ также пригласилъ насъ въ свой мàйханъ и подалъ чаю. Сверхъ сего мы ѣхали, имѣя при себѣ одну магазинку и двѣ берданки, такихъ три ружья. Вàнъ

говорилъ намъ: «можетъ быть вы продадите одно ружье? Вѣдь вамъ, двумъ, больше чѣмъ по одному ружью не нужно»?! Тогда я полагая, что онъ, пожалуй, можетъ доставить истинную пользу, отдалъ ему одну свою берданку даромъ, подъ предлогомъ подарка. Въ каждой пройденной мѣстности у насъ небыло иного средства слѣдовать, какъ раздавая подарки и заводя дружественныя знакомства со всякимъ, и съ высшимъ, и съ низшимъ, и съ среднимъ. Я думалъ: «на бродящихъ по мѣстамъ, изъ которыхъ нѣтъ вѣстей на родину, двухъ человѣкъ никто вѣдь не посмотритъ какъ на людей нужныхъ», поэтому-то и является многочисленною раздача мною подарковъ. Что касается мѣстнаго, огнестрѣльнаго оружія, то здѣсь не много ружей, которыя хватаютъ дальше чѣмъ за 200, 300 маховыхъ саженей; а такъ какъ мѣста ихъ вороватыя, разбойническія, то они и нуждаются въ дальнобойныхъ ружьяхъ. Очень онъ обрадовался. Цэбэкъ нашъ, принявъ за день два раза лекарство, немножко поправился.

29-го кочевали и остановились на ночлегъ на верхней сторонѣ Дацȁнъ-Гомбȁ; въ этотъ день вышли на границу китайскихъ земель.

30-го ночевали на верхней сторонѣ Шинэ-Гомбȁ. Нынѣшнимъ утромъ нашъ, бывшій больнымъ слуга, юноша, Цэбэкъ, поправился и, сказавъ, что онъ потихоньку пойдетъ пѣшкомъ впереди вьючныхъ, ушелъ; а засимъ намъ не попался и остался. Разыскивать его у насъ не было средствъ: будучи людьми, ѣдущими за плату на чужихъ подводахъ, мы бросили (мысль его разыскивать). Спрашивали у людей, ѣхавшихъ позади насъ и они сказали намъ объ этомъ юношѣ, что онъ идетъ почти мертвый.

1-го числа мѣсяца овцы кочевали по утру. Здѣсь находятся слѣды города (о которомъ намъ сообщали, что это) мѣстность, въ которой встарину кочевали алашȁньцы. Въ немъ есть одинъ каменный барсъ; говорятъ, что въ ту пору барсъ этотъ стоялъ у дверей дворца и остался на своемъ мѣстѣ. Проѣхавъ

чрезъ эти мѣста мы вступили въ тангутскія границы и остановились на ночлегъ въ Тангутѣ. Тангутскій народъ этотъ имѣетъ скотъ въ видѣ черныхъ сарлыковъ и тангутскихъ, тонкохвостыхъ овецъ; лошадей, говорятъ, не много, хотя въ незначительномъ количествѣ водятся и лошади. Они имѣютъ жилищами черные баннàк'и[45]). Внѣшній видъ этихъ жилищъ представляетъ

45) Баннàкъ—мѣстное названіе, которое даютъ тангуты своимъ жилищамъ; выраженіе, очевидно, чисто тибетское, состоящее изъ словъ: བྲང་—«домъ, жилище, юрта» и ནག་ — «черный». Это выраженіе, подтверждая для насъ замѣтку г. Пржевальскаго, что тангутскій языкъ много сходствуетъ съ языкомъ чистыхъ тибетцевъ (Четвертое путешествіе, стр. 185), вмѣстѣ съ симъ навело насъ еще и на слѣдующія соображенія. Извѣстна недостаточность нашихъ свѣдѣній объ этихъ поколѣніяхъ кӧкӧ-нурскихъ тангутовъ и замѣчательно, что, проѣзжая по ихъ кочевьямъ, европейскіе путешественники не старались даже узнать, какъ именно зоветъ себя этотъ народъ, успокоиваясь, повидимому, на общеизвѣстномъ названіи его — «тангутъ». Но вѣдь названіе «тангутъ», по существу дѣла, есть такое же общее, собирательное имя, какъ, напримѣръ, американецъ, нѣмецъ и пр. Только Пржевальскій и Рокхиль нѣсколько затрогиваютъ этотъ вопросъ, хотя первый не касался ни численности тангутовъ, ни дѣленій ихъ на поколѣнія, такъ что честь доставленія намъ свѣдѣній о тангутахъ въ этомъ отношеніи всецѣло принадлежитъ Рокхилю. Уясняя вопросъ о происхожденіи и имени кӧкӧ-нурскихъ тангутовъ, г. Рокхиль на стр. 112—113 своего Journey through Mongolia and Tibet, между прочимъ говоритъ.

«Въ восемьнадцатомъ столѣтіи вся страна вокругъ Кӧкӧ-нура принадлежала монголамъ, а нынѣшніе кӧкӧ-нурскіе тибетцы занимали мѣста къ ЮЗ отъ него, простирающіяся по большей части гористой страны къ югу отъ Цайдама, которая обнимаетъ и долины Алàкъ-нура и Тосу̀-нура. Эта послѣдняя была тогда занята тибетцами Арикъ, или Арки, нынѣ живущими къ сѣверу отъ Кӧкӧ-нура. Всѣ роды кӧкӧ-нурскихъ тибетцевъ принадлежали къ 8 поколѣніямъ, съ названіемъ *На* (или *Нагъ*), такъ что они сдѣлались извѣстны подъ смѣшаннымъ именемъ па-на-ка, или па-на-ка-сумъ, т. е. «восемь семействъ На» или «три (отдѣленія) восьми семействъ На». Послѣднее названіе, повидимому, болѣе недавнее и указываетъ, какъ мнѣ говорили, на три части страны, которыя они нынѣ занимаютъ, т. е. поколѣнія, живущія къ сѣверу отъ Кӧкӧ-нура, къ югу отъ него и къ югу отъ Желтой рѣки, или Ма-харипанака. Это имя «па-на-ка», или «па-на-ка-сумъ» они усвоили въ качествѣ племеннаго названія и говорятъ о себѣ: «Мы — панакасумъ».

Такимъ образомъ г. Рокхиль склоненъ видѣть въ имени «панака» смѣшанное, китайско-тибетское слово, въ которомъ слогъ «па» соотвѣтствуетъ китайскому 八, - восемь; «на» — собственное имя фамиліи, а «ка» — остается безъ объясненія. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ и показать возможность

собою большую палатку, сшитую изъ черной серьмяги, которую тангуты сами ткутъ изъ сарлычьей шерсти. Внутри со средины она подпирается кверху двумя столбиками; снаружи съ четырехъ сторонъ притягивается веревками, которыя привязываютъ, вколотивъ въ землю гвозди, а (засимъ) веревки эти подпираютъ высокими кольями; съ одной стороны имѣются двери и вотъ

образованія этого *ка*, г. Рокхиль говоритъ, что помянутое фамильное имя было «На (*или* Нагъ). Однако, не говоря уже о странности соединенія слоговъ китайскаго и тибетскаго языковъ для образованія одного слова, на чемъ же основано это «или»? Съ другой стороны, разъ мы признаемъ за словомъ «панака» — значеніе «восьми фамилій На», какъ то странно нарощеніе еще сюда тибетскаго слова «сумъ» (གསུམ) — три. Говорить вмѣстѣ съ г. Рокхилемъ «the eight Na families», or «the three (divisions) of the eight Na families», признавать это за одно и тоже, мы рѣшительно отказываемся: этому препятствуетъ и духъ языка, не допускающій подобнаго словообразованія, да наконецъ и простая логика, ясно говорящая, что «8 фамилій На» далеко не тоже что «три отдѣленія изъ 8 фамилій На». Правда, г. Рокхиль склоненъ думать, что это имя новое, говоритъ, что туземцы сообщали ему, якобы оно указываетъ на три части страны, которыя нынѣ занимаютъ эти тангутскія поколѣнія; но мы отнеслись бы скептически и къ этимъ сообщеніямъ туземцевъ, которые, какъ и всѣ «восточные человѣки», несомнѣнно, склонны выдумывать самыя невѣроятныя и хитроумныя объясненія, когда отъ нихъ это требуется. Г. Пржевальскій, какъ извѣстно, всегда относившійся съ небрежностью къ изслѣдованію азіатскаго человѣка, въ данномъ случаѣ извращаетъ слышанное имъ имя хара-тангутовъ, представляя его въ формѣ «Баныкъ-коксумъ»; но онъ сообщаетъ интересную легенду о происхожденіи тангутскаго народа. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ на Кӧкӧ-нурѣ жили тангутскія поколѣнія ёгуровъ, одна часть которыхъ была истреблена при нападеніи ӧлӧтами, а другая ушла на сѣв.-западъ. Отъ погрома спаслась только одна старуха съ тремя беременными дочерями и ушла съ ними на правую сторону верхней Хуанъ-хэ. Здѣсь ея дочери родили трехъ сыновей, отъ которыхъ и произошли «баныкъ-коксумъ». Если принять эту, дышащую неподложнымъ архаизмомъ легенду, то окажется, что окончаніе «сумъ», въ словѣ «панакасумъ» вовсе не новое, а почти такое же древнее какъ и самое имя «панака»; обозначать оно будетъ не три какіе-то неопредѣленные района пространствъ, напримѣръ, «къ югу отъ Желтой рѣки», а три основныя поколѣнія тангутовъ, происшедшія отъ трехъ родоначальниковъ. Остается за симъ слово «панака». Оно, какъ мы видѣли, обозначаетъ прежде всего — «черную юрту», а засимъ можетъ обозначать и «черноюртный». «Панака-сумъ» будетъ обозначать поэтому: «три черноюртные». Такое названіе вполнѣ согласуется съ духомъ вообще восточныхъ племенныхъ именъ; оно могло существовать также точно, какъ существуютъ у монголовъ «табӯнъ-ӧнъгӧ» — пять цвѣтные, «Дӯрбэнъ-харӣ» — четыре чужіе; у чжунгаровъ: «дӯрбэнъ-ойрāтъ» — четыре союзные и проч.

четырехугольная черная палатка. Внутри ея устроивается глиняный очагъ и на немъ они курятъ свои котлы и приготовляютъ свое кушанье. Мужщины ихъ одѣваютъ на голое тѣло широкорукавныя и длиннополыя шубы изъ овечьей шерсти и, оставивъ нижній подолъ ихъ приблизительно пальца на четыре пониже колѣна, поверху опоясываются поясомъ; шапки носятъ бѣлыя, войлочныя, круглыя, съ высокою остроконечною тульею; спереди, къ поясу привѣшиваютъ поперекъ ножъ, именуемый «чжибса̊къ», желѣзный, длиною около аршина. Таковъ внѣшній видъ ихъ. Женщины заплетаютъ свои волосы на множество тоненькихъ косичекъ и соединяютъ ихъ сзади, нѣсколько пониже противъ затылка; засимъ сшиваютъ изъ сукна, или изъ чего-либо вродѣ да̊бу, или да̊лянбу, плоскую ленту, шириною около пяди и привязываютъ ее къ волосамъ; длина ея чуть-чуть не достигаетъ до земли. Одѣваютъ онѣ также шубы изъ овечьихъ шкуръ и вверху подпоясываются; на ручныхъ запястьяхъ носятъ бѣлыя раковины и, удаливъ ихъ внутренность, дѣлаютъ браслеты; шапки имѣютъ одинаковыя съ мужскими. Молодой человѣкъ старше десяти лѣтъ пристегиваетъ ножъ-чжибса̊къ. Разказываютъ, что вообще при проѣздѣ по ихъ кочевьямъ спать ночью невозможно. Это народъ славящійся своимъ воровствомъ. Человѣка, многократно ходившаго на грабежи и убившаго многихъ, они называютъ «ба̄туромъ», «хорошимъ мужщиною» и, поставляя его начальствовать въ своихъ хошӯнахъ, даютъ ему прозваніе «нойо̆на». Потомственныхъ правителей у этого народа, повидимому, мало. Въ отношеніи потребляемой пищи, это народъ, который ѣстъ скотское молоко, масло, чай, мясо, замбў, сушеный творогъ. Платье и сами они грязны, — противный народъ. По правиламъ и обычаямъ также народъ вздорный. Такъ какъ везшіе насъ люди разказали намъ объ ихъ нравахъ и образѣ жизни, то мы пришли въ страхъ и ночью стали держать стражу.

2-го кочевали, миновали истоки Сэлэ̆нъ-мўрэ̆ни, перевалили два небольшихъ перевала, именуемыхъ Кэрэ̄нъ-ко̆то̆лъ и Таширъ-ко̆то̆лъ и ночевали на впадающей въ Ко̆ко̆-нуръ рѣкѣ Ха-

лӯнъ-усӯнъ. 3-го имѣли здѣсь дневку. Съ этого мѣста видѣнъ Кӧкӧ-нӯръ. Мы стоимъ на сѣверо-восточномъ углу Кӧкӧ-нӯра. Въ этотъ дневальный день пріѣзжалъ верхомъ на лошади нойо̀нъ правитель одного тангутскаго хошӯна, съ однимъ только ламо̀ю, Рабта̀номъ, имѣя при себѣ одну лошадь, завьюченную домашнею провизіею и одного спутника. Остановившись въ палаткѣ ва̀на, онъ посидѣлъ и попилъ съ ва̀номъ чаю. Самъ онъ старикъ, въ возрастѣ свыше 70 лѣтъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ ламо̀ю; когда же люди какого-то тангӯтскаго хошӯна убили его отца, то онъ обратился въ простолюдины, убилъ больше 10 человѣкъ изъ того хошӯна, который убилъ его отца, а засимъ, получивъ въ своемъ собственномъ хошӯнѣ имя «доблестнаго мужа»; сѣлъ правящимъ нойо̀номъ, начальствуя въ своемъ хошӯнѣ. Вотъ какой это былъ человѣкъ. Современное положеніе его таково: онъ получилъ отъ сининскаго амба̀ня указъ, по которому имѣетъ онъ присматривать и провожать сѣверныхъ, низовыхъ, монголовъ, направляющихся въ Западное Цзӯ. Въ силу такого наказа, онъ захватываетъ идущихъ монголовъ, беретъ у нихъ что хочетъ, и отпускаетъ. На людей, которые, разъяснивъ свои обстоятельства, уходятъ отъ него, ничего не давши, онъ высылаетъ своихъ и благородныхъ, и простолюдиновъ тангутовъ, грабитъ, обворовываетъ и всякими другими способами выгадываетъ свою пользу. Намъ этотъ ва̀нъ не только не велѣлъ давать ему что-либо, а даже и показываться ему. Ва̀нъ съ нойо̀номъ были хорошіе знакомые. Поднесеніе ва̀ну въ подарокъ берданки вышло гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ денегъ, которыя стоило ружье. Радость была, какъ освободились мы отъ этого (нойо̀на).

Засимъ, кочевавъ 4-го числа, мы слѣдовали по сѣверному берегу Кӧкӧ-нӯра; переправились черезъ шесть рѣкъ: Ганзага̀, Харгѝ, три Нари̇̀на и Йэкэ-ула̄нъ и ночевали на берегу Йэкэ-ула̄на. Сегодня, въ ту пору какъ одинъ лама, извѣстный подъ именемъ тангутскаго Шабкӯръ-гэгэна, проѣзжалъ въ какой то тангутскій поселокъ, мы съ ва̀номъ представились ему на степи

и попросили возложить «габкб»[46]). 5-го переправились черезъ двѣ рѣки, Дэль и Бага̀-улāнъ, перевалили Ма̀ни-чулӯ и ночевали на берегу западнаго угла Кӧкӧ-нӯра; здѣсь много табуновъ хула̀новъ и дикихъ лошадей. Слѣдуя по сѣверному берегу Кӧкӧ-нӯра два дня, мы пришли вотъ съ одного берега на другой. Вокругъ его горы; воды у него красивыя, синяго цвѣта; посреди его скалистый холмъ. Озеро имѣетъ круглую форму; вода его горькосоленая; травы сѣвернаго берега, по которому мы шли, хорошія. При движеніи вокругъ, говорятъ, составляется пространство семидневной верховой ѣзды. Народъ, живущій по берегамъ его, — тангуты.

6-го ночевали на р. Буха̀йнъ-гӧлъ. Эта рѣка опять таки впадаетъ въ Кӧкӧ-нӯръ; относительно истоковъ ея (можно сказать) что рѣка вытекаетъ съ сѣверо-западной стороны; песчаная и поросшая камышемъ рѣка. Покочевавъ 7-го числа, мы слѣдовали вверхъ по Буха̀йнъ-гӧлу, перевалили Ганьчжӯрыйнъ кӧтӧль и ночевали на южной сторонѣ перевала. О мѣстности, на которой мы ночевали, говорятъ, что перевалъ этотъ, по выходѣ изъ тангутскихъ границъ, является промежуточнымъ пространствомъ въ отношеніи земель ца̀йдамскихъ, верховыхъ, монголовъ. Отсюда до Гумбӯма земли, говорятъ, находятся во владѣніи тангутовъ, къ югу отъ Гумбӯма проживаютъ также тангуты, имѣющіе у себя большія земли. Кӧкӧ-нӯръ, говорятъ, во всей своей окружности — тангутскій. То-же, говорятъ, большой народъ!

8-го кочевали, перевалили Ганчжӯръ-чулӯ и Цага̀нъ-нӯръ и прибыли къ дому этого ва̀на, находящемуся на Дулāнай гӧлѣ.

---

46) Тибетское བཀའ་བསྐོས་, въ переводѣ на монгольскій [illegible], есть названіе одного изъ молебствій объ избавленіи отъ препятствій путника, или, что тоже, благословеніе на путь. Внѣшнюю, обрядовую сторону этого молебствія составляетъ то, что молитва о спасеніи и благоденствіи молящагося читается при возложеніи на его голову кумира будды; отсюда-то и происходитъ выраженіе [illegible]

Пошли земли верховыхъ монголовъ. Здѣсь, на берегу небольшой рѣчки, именуемой Ганчжу̊ръ-чулӯ, есть маленькая горка. Внутри этой горки имѣется пещера, при входѣ въ которую изъ громаднѣйшихъ, четырехугольныхъ камней построена ограда. Въ этой оградѣ имѣется скважина величиною въ пядень. Тамошніе монголы говорили, что человѣкъ, который помѣстится и пролезетъ черезъ нее, достигнетъ здоровымъ до Цзӯ. Мы помѣстились и пролезли. Находится она въ сторонѣ отъ большихъ воротъ ограды. Если человѣкъ не можетъ помѣститься и пролезть, то, говорятъ, онъ помѣстится и пролезетъ, если дастъ обѣтъ во время пути, читать извѣстное число мȁни. Кверху изъ пещеры, находящейся внутри этой горы, находится тунель; если идти по этой тунели, то, говорятъ, выйдешь черезъ гору, именуемую Гомбȁ-дунънȁй, на южномъ берегу Кȍкȍ-нӯра. Это отсюда на пространствѣ двухъ дней. Объ этой маленькой горкѣ разказываютъ, что встарину нѣкій, обладавшій чудодѣйственными чарами лама срѣзалъ вершину той, видимой (отсюда) горы, принесъ ее, положилъ здѣсь и поселился внутри ея, послѣ чего она стала мѣстомъ, въ которомъ упражнялся онъ въ созерцаніяхъ. Та гора находится неподалеку, къ востоку отсюда; верхушка горы кажется какъ будто срѣзанною, совершенно плоскою. Когда намъ сказали, что слѣдующіе черезъ нее люди проходятъ также, совершая поклонія и жертвоприношенія, то и мы поклонились, принеся хадȁкъ и деньги. Какъ поразмыслить, такъ это то же диковинная мѣстность!

И такъ, начиная отсюда пошли границы земель цȁйдамскихъ, верховыхъ, монголовъ. Говорятъ, что отъ Гумбу̊ма досюда считается 400 верстъ.

Что касается происхожденія этого народа, именуемаго верховыми монголами, то они были данниками Гу̊ши-номы̊йнъ хȁна. Всего насъ, говорили они, 24 хошӯна. Находящіеся въ цȁйдамской области суть: хошӯнъ вана, барӯнъ, цзӯнъ, тайчжинȁръ, кӯрлу̊къ, кӯкэтъ, харакчиду̊тъ и шангійнъ хошӯнъ, всего 8 нашихъ хошӯновъ. Прочіе проживаютъ, начиная отъ Кӯку̊-нӯра

далѣе по урочищамъ Гумбу̀мскимъ и Лабра̀нскимъ, и среди тангутовъ. Всѣхъ этихъ монголовъ, проживающихъ въ ца̀йдамской области, называютъ также «пятью ца̀йдамскими». Ца̀йдамъ — названіе мѣстности. Такъ какъ встарину въ этой ца̀йдамской области было пять хошу̀новъ, то и установилось имя «пяти ца̀йдамскихъ» [47]). Старѣйшимъ нойо̀номъ изъ всѣхъ правителей 24-хъ хошу̀новъ этихъ верховыхъ монголовъ является этотъ цинъ-хайскій ванъ [48]). Мы, познакомившись съ этимъ правителемъ, пришли и остановились въ его ба̀йшинѣ. Ба̀йшинъ его не то

---

47) Настоящимъ перечисленіемъ 8 ца̀йдамскихъ хошу̀новъ и разъясненіемъ имени «пяти ца̀йдамъ» Ба̄за-гэлу̀нгъ оказываетъ большую услугу. Дѣло въ томъ, что слѣдя какъ китайскія, такъ и монгольскія историко-географическія описанія Кӧкӧ-нӯра, нельзя было не видѣть административное дѣленіе Ца̀йдама на 8 хошу̀новъ; но съ другой стороны всѣ посѣщавшіе Ца̀йдамъ европейскіе путешественники никогда не сообщали объ этомъ; напротивъ, Пржевальскій, въ своей «Монголіи и странѣ тангутовъ», положительно утверждалъ что «пять хошу̀новъ составляютъ Цайдамъ» (стр. 288); Рокхилъ въ своемъ «The land of Lamas» сообщалъ, что «страна Цайдамъ дѣлится на 5 владѣній: Korluk, Koko, Taichiner, Dsun и Baron, каждое имѣетъ своего начальника, Dsassak, Кӧкӧ же имѣетъ двухъ властителей, одного съ титуломъ Beileh, другого съ титуломъ Beiseh.» (p. 169). Такимъ образомъ, по Рокхилю, выходило какъ будто 6 хошу̀новъ, хотя самъ онъ утверждалъ существованіе только пяти владѣній. Далѣе, издавъ въ 1894 г. свой Journey through Mongolia and Tibet, Рокхиль сдѣлалъ также настоящую замѣтку о восьми хошунахъ, хотя и не называетъ всѣхъ ихъ по именамъ. Теперь дѣло становится совершенно понятнымъ: дѣленіе на пять владѣній было древнее и, по старой памяти, сохраняется доселѣ въ народномъ языкѣ. Это тоже самое, что видимъ мы въ Халхѣ и Чжунгаріи. Извѣстно, что въ эпоху перваго подданства халхасовъ маньчжурамъ въ Халхѣ было семь хошу̀новъ; въ настоящую пору ихъ въ дѣйствительности 86, но въ народномъ языкѣ еще и доселѣ существуетъ Халха семи хошуновъ ([illegible]). Въ Чжунгаріи въ эпоху Цяньлуна, послѣ умиротворенія Тянь-шаня и возвращенія Убаши, считалось собственно 6 союзныхъ племенъ: Элюты, Хошоты, Чоросы, Дӧрбӧты, Хойты и Торгуты, а въ народномъ языкѣ они продолжали называться [illegible], — четырьмя союзниками.

48) 青海 Цинъ-хай — китайское названіе Кӧкӧ-нӯра. Это имя, со времени подданства монголовъ Китаю будучи постепенно усвояемо монголами, нынѣ почти совершенно утвердилось въ ихъ языкѣ и, покрайней мѣрѣ оффиціально, кӧкӧнӯрскіе монголы постоянно называются «цинъ-хай'скими». Нѣтъ сомнѣнія, что и нашъ авторъ, въ силу обычности этого названія, именуетъ кӧкӧ-нӯрскаго вана цинъ-хайскимъ.

чтобы хорошъ, но, по цȧйдамскимъ мѣстамъ, считается хорошимъ бȧйшиномъ.

Засимъ, по пословицѣ, что «имя и добродѣтель находятся въ связи», роздалъ я бѣднымъ и немощнымъ людямъ, проживавшимъ около ставки этого князя, чаю и муки. И благородные, и чернь всѣ обрадовались. Хошӯнъ этого вȧна съ тангутскими кочевьями постоянно имѣютъ воровство между собою; по таковой то причинѣ (вȧну) хотѣлось хорошаго дальнобойнаго ружья, и когда онъ попросилъ у меня мою магазинку, то я взялъ обратно прежде данную ему берданку и отдалъ свою магазинку. Отдалъ я свое ружье въ видахъ того, чтобы на обратномъ пути онъ опять избавилъ бы насъ, въ добромъ здоровьи, отъ тангутскихъ воровства и грабежей, да равно и въ будущемъ, когда случится кому либо изъ нашихъ кочевьевъ идти въ Цзӯ, будетъ опять таки хорошій знакомый. Вȧнъ имѣетъ около 40 лѣтъ отъ роду; есть у него пятилѣтній сынъ; имѣется около 30 верблюдовъ, около 50 головъ рогатаго скота, до 40 лошадей и около 200 барановъ; таково его скотоводство. Отъ китайскаго хȧна онъ получаетъ въ годъ жалованья 24 цѣльныхъ слитка серебра, да 2 цѣльныхъ куска матеріи. Вообще, говорятъ, всѣ хȧны и правители какъ верховыхъ, такъ и сѣверныхъ, низовыхъ монголовъ получаютъ жалованье отъ богдохȧна. Четыре хȧна въ Халхѣ, Далȧй хȧнъ дӧрбӧтскій и торгӯтскій хȧнъ въ Харашȧрѣ, эти шесть хȧновъ, состоящіе въ подданствѣ китайскаго хȧна, имѣютъ, говорятъ, въ жалованье каждый по 52 цѣльныхъ слитка серебра, по 4 цѣльныхъ куска шелковой матеріи, да по одной лошади. Далѣе, вȧнъ (получаетъ) 24 слитка серебра и 2 цѣльныхъ куска шелковой матеріи; (еще далѣе) послѣдовательно уменьшая до гӯна, цзасȧкъ-бэйлэ и бэйсэ, въ концѣ концовъ бэйсэ имѣетъ въ жалованье два слитка серебра [49]).

---

49) Настоящія свѣдѣнія получены авторомъ, несомнѣнно, изъ устныхъ бесѣдъ съ монголами, на что указываетъ какъ неправильность и неточность сообщаемыхъ данныхъ, такъ и нѣкоторыя характерныя особенности народныхъ представленій о титулахъ и названіяхъ монгольскихъ правителей. Простона-

Пятьдесятъ китайскихъ ланъ бѣлаго серебра называется слиткомъ серебра. Одинъ ланъ серебра равняется, приблизительно, нашимъ двумъ рублямъ. Годовое жалованье этого вана исчисляется, приблизительно, въ 2400 нашихъ рублей серебромъ [50]). Жалованное серебро это, говорили они, мы получаемъ все съ одного раза. Мы прожили въ ставкѣ этого князя 25 сутокъ; столько прошло, пока мы дожидались поклонниковъ Цзў, долженствовавшихъ пріѣхать съ сѣвера.

Послѣ сего прибылъ въ ставку этого князя тибетскій Баридў-гэгэнъ, съ которымъ мы встрѣчались въ Гумбўмѣ; онъ нанялъ у этого князя подъ вьюки 12 верблюдовъ. Мы наняли подъ вьюки 5 верблюдовъ: 4 верблюда-мерина, да одну дойную, безъ

родью, конечно, извѣстны всѣ эти титулы; но въ то же время, изъ усвоенныхъ дайцинами монгольскимъ князьямъ китайско-маньчжурскихъ званій, оно знаетъ преимущественно два: старѣйшее — вàна и самое младшее — гўна; засимъ подраздѣленія этихъ званій, равно какъ и средніе княжескіе ранги, бэйлэ и бэйсэ, въ народной рѣчи почти отсутствуютъ. Отсюда-то въ представленіи нашего автора и сложилась своя градація ранговъ, по коей первымъ княжескимъ титуломъ является — вàнъ, вторымъ — гўнъ, далѣе будетъ слѣдовать бэйлэ, а бэйсэ, по нему, является уже самою низшею княжескою степенью. Въ дѣйствительности для монгольскихъ владѣтельныхъ князей дайцины учредили 8 званій: 1-е—хāнъ, получающій въ годовое жалованье 2500 ланъ серебра и 40 кусковъ матерій; 2-е, цинь-ванъ, получающій 2000 ланъ серебра и 25 кусковъ матерій; 3-е, цзюнь-ванъ — 1200 ланъ серебра и 15 кусковъ матерій; 4-е, бэйлэ — 800 ланъ серебра и 13 кусковъ матерій; 5-е, бэйсэ—500 ланъ серебра и 10 кусковъ матерій; 6-е, улусўнъ-тўшē-гўнъ — 300 ланъ серебра и 9 кусковъ матерій; 7-е, улўсъ-туръ тусалакчи гўнъ 200 ланъ серебра и 7 кусковъ матерій. Наконецъ самые младшіе изъ монгольскихъ владѣтельныхъ князей не носятъ никакого маньчжуро-китайскаго титула, а сохраняютъ древне-монгольское названіе тàйчжи; они получаютъ въ годъ жалованья 100 ланъ серебра и 4 куска шелковыхъ матерій. Лошадей монгольскіе князья въ жалованье никогда не получали и не получаютъ.

50) Это сообщеніе автора вполнѣ справедливо, хотя оно, повидимому, и противорѣчитъ смыслу прежде сказаннаго имъ о старѣйшинствѣ вàна. Дѣло въ томъ, что въ средѣ 29 кӧкӧ-нӯрскихъ владѣтелей считается всего три вàна и всѣ они второстепенные, т. е. цзюнь-ваны. Цинь-хайскій ванъ является знатнѣе другихъ, потому что богдоханъ сдѣлалъ его «заурядъ цинь-ваномъ». Вслѣдствіе такого пожалованья, князь этотъ пользуется всѣми внѣшними отличіями въ костюмѣ, выходахъ и проч., которыя принадлежатъ цинь-вану, но жалованье получаетъ какъ князь 2-й степени, т. е. 1200 ланъ, около 2400 р. с.

верблюженка, верблюдицу[51]), собственно ради молока къ чаю; за такихъ пять верблюдовъ, уплатили мы, до Накчу̀, по 12 ланъ за каждаго верблюда. Два моихъ спутника должны были сидѣть на этихъ вьючныхъ верблюдахъ, а мнѣ ва̀нъ отдалъ даромъ, въ подарокъ, хорошаго иноходца. Семь, или восемь человѣкъ тибетцевъ, прислужниковъ этого Бариду̀-гэгэ̀на, въ одной палаткѣ, съ 12-ю вьючными верблюдами; мы, трое, въ своей палаткѣ, съ

51) Хайда̀къ-йнъгэ.—Слово «хайда̀къ» диктуется въ Монг.-Русск.-Франц. словарѣ Ковалевскаго (т. II, стр. 708) «одинъ», «одинокій», «одинъ и тотъ же»; тѣ же самыя значенія ставитъ въ своемъ словарѣ и Голстунскій (т. II, стр. 49). Послѣдній, какъ бы для большаго выясненія значенія этого слова, ставитъ еще: «одна лошадь», «одна и таже «лошадь»; а у Ковалевскаго, въ соотвѣтствіе этому, стоитъ: [монгольское письмо] — «одна только лошадь, употребляемая въ упряжи и для верховой ѣзды». Сколько мы знаемъ, слово «хайда̀къ» вовсе не имѣетъ значенія «одинъ и тотъ-же». Извѣстно, что у монголовъ рѣшительно всѣ домашнія животныя, корова, кобыла, верблюдица, овца, коза и др., доятся не иначе какъ съ припускомъ ихъ дѣтеныша, а внѣ этого условія самка не даетъ молока. Если дѣтенышъ какого либо животнаго издыхаетъ, то монголы, чтобы не лишиться молока отъ его матери, снимаютъ и хранятъ у себя шкуру этого дѣтеныша. Когда нужно доить животное, они выносятъ эту шкуру и кладутъ передъ матерью, а послѣдняя, обнюхавъ положенную шкуру, даетъ молоко. Такая-то, «одинокая», въ смыслѣ «оставшаяся безъ дѣтеныша», дойная самка и называется «хайда̀къ». Отсюда «хайда̀къ морй унуху̀» не значитъ: «ѣздить на одной и той же лошади, употребляемой какъ въ запряжкѣ такъ и подъ верхъ», а значитъ — «ѣздить на дойной кобылѣ, *одинокой*, у которой издохъ жеребенокъ». Въ новѣйшемъ, оффиціальномъ монгольскомъ языкѣ слово «хайда̀къ» получило еще новое значеніе. При существованіи закона дословности переводовъ съ китайскаго, монголамъ, въ подражаніе китайской рѣчи, потребовалось имѣть въ своемъ языкѣ, при счисленіи тѣхъ или другихъ предметовъ, дополнительныя числительныя слова и такого рода слова были избраны и отмѣчены въ оффиціальныхъ словаряхъ. Слово «хайда̀къ» было избрано при этомъ какъ числительное домашнихъ животныхъ; оттого-то въ оффиціальномъ, 3-хъ язычномъ словарѣ оно диктуется по китайски 匹 馬. Послѣ сего слово «хайда̀къ», утративъ свое коренное значеніе, начало встрѣчаться въ монгольскихъ, особливо оффиціальныхъ и переводныхъ съ китайскаго текстахъ уже на основаніи китайскихъ законовъ употребленія числительныхъ словъ. Нашъ авторъ, чуждый китайскихъ вліяній, употребляетъ слово «хайда̀къ» въ его коренномъ, монгольскомъ значеніи, разказывая, что они взяли съ собою, для молока, верблюдицу, у которой издохъ верблюженокъ. Это явленіе самое обычное въ Монголіи: люди, отправляющіеся въ дальній и трудный путь, даже нарошно разыскиваютъ кобылу, или верблюдицу — «хайда̀къ», такъ какъ предпринимать длинные переходы съ малосильными дѣтенышами — неудобно.

5-ю вьючными верблюдами; еще 2 палатки халхаскихъ монголовъ; 3 палатки внутреннихъ монголовъ, да 5 палатокъ верховыхъ монголовъ изъ хошӯна этого вȧна, таковые то 12 палатокъ двинулись мы въ путь изъ ставки вȧна, Дулāнай бȧйшина, 6-го числа мѣсяца обезьяны, и въ этотъ день ночевали на сѣверномъ берегу озера, именуемаго Харȧ ширэкъ, близъ старинной крѣпости Цоктӯ хāна. Покочевавъ на другой день 7-го числа, мы заночевали въ Дāмыйнъ гашӯнѣ. Въ этотъ день мы вступили въ предѣлы «цȧйдамскихъ грязей». Относительно этихъ «цȧйдамскихъ грязей» говорятъ, что здѣсь въ послѣдней весенней лунѣ, или въ первой лѣтней лунѣ, изъ подъ земли выступаетъ грязь и является мѣсто, покрытое солончаковыми грязями, по которому трудно проходить человѣку, а подводы въ этихъ грязяхъ вязнутъ; засимъ, въ послѣдней лѣтней лунѣ, или въ первой осенней лунѣ, жидкая грязь высыхаетъ и до весны становится удобно двигаться человѣку. Вотъ какія бываютъ удивительныя мѣста!

8-го ночевали въ Далȧнъ-тӯргэнъ.

9-го ночевали въ Эргицӯль. 10-го дневали.

11-го ночевали въ Ӧнгӧльцȯкъ-элэсӯнъ.

12-го ночевали на Шарȧ-гȯл'ѣ.

13-го ночевали на берегу Баянъ-гȯла.

14-го ночевали на Шишийнъ-гȯлѣ. 15-го дневали.

16-го когда мы прошли мимо Цзӯни-бȧйшина[52]), то отошла въ направленіи къ югу дорога, идущая въ Западное Цзӯ и именуемая «Бурхȧнъ-бӯдэйнъ цзȧмъ». По этой дорогѣ также ходятъ въ Цзӯ, но какъ тибетскій Баридӯ-гэгэнъ сказалъ намъ, что хорошо идти по дорогѣ на Гурбӯнъ-нȧйджи, то мы не поѣхали этимъ (Бурхȧнъ-бӯдэ'скимъ) путемъ и засимъ ночевали въ Хоргольчжӣн'ѣ.

---

52) Пржевальскій называетъ этотъ Цзӯнъ-байшинъ — хырма Дзунъ-засакъ». Рокхиль, какъ бы въ разъясненіе сего, добавляетъ, что въ мѣстномъ употребленіи одинаково слышатся «Kérim Baron Дзаssакъ», «Baron kurè» и «Baron Baishing»; «Kérim Dsun Dzassak», «Dsun kure» и «Dsun Baishing». Тибетцы называютъ такіе поселки k'angsar, Baron k'angsar, Dsun k'angsar и проч. (Journey through Mong. and Tibet. p. 163).

17-го ночевали въ Эсэчжилѝн'ѣ. 18-го дневали.

19-го ночевали въ Утӯ.

20-го ночевали на Номохòнъ-гòлѣ.

21-го ночевали на Тэнгэлѝкѣ. 22-го дневали.

23-го опять дневали.

24-го ночевали на Арӯ-харà. Въ этотъ день еще отдѣлилась одна дорога, по которой ходятъ въ Западное Цзӯ и которая называется «Унугудӯйнъ-цзàмъ».

25-го ночевали въ Далàй.

26-го ночевали въ Уридӯ-тӯлàй. 27-го дневали.

28-го, переваливъ Дундӯ тӯлàй, ночевали въ Хòйту-тӯлàѣ.

Говорятъ, что пространство отъ ставки вàна до Хòйту-тӯлàй'я измѣряется въ 450 верстъ.

29-го дневали. Этотъ мѣсяцъ не имѣлъ 30-го числа. Отъ ставки вàна и досюда простираются цàйдамскія земли: онѣ изобилуютъ солью, грязями, горькосоленою водою, гобійскими, безплодными, твердыми какъ камень, глинистыми площадями и песками; произращаютъ сӯхàй и камышъ; мошекъ, комаровъ и навозныхъ мухъ синеватаго цвѣта, — просто ничего не подѣлаешь! Вкусной воды мало, страшный жаръ, — вотъ какая это страна. Верховые монголы, обитающіе въ этихъ мѣстахъ, содержатъ буддійскую вѣру и имѣютъ у себя монгольскую письменность. Встарину внѣшній бытъ ихъ былъ бытъ нашъ, четырехъ ойрàтовъ: лошади, верблюды, рогатый скотъ, овцы и козы, такихъ имѣли они животныхъ; всѣ проживали въ калмыцкихъ войлочныхъ юртахъ; способъ, получивъ молоко отъ дойныхъ животныхъ, приготовлять кумысъ и гнать водку, выдѣлываніе кожанныхъ сосудовъ, архàтовъ, подойниковъ, кожанныхъ бутылей и фляжекъ, внѣшнія формы всего этого вплоть до названій, которыми именуются всѣ эти вещи, все это было какъ у насъ, приволжскихъ калмыковъ. Въ настоящую пору, что касается ихъ платья, то люди, живущіе поближе къ тангутамъ, носятъ платье тангутскаго фасона. Монголы, обитающіе въ восточной сторонѣ этихъ цàйдамскихъ пространствъ, ведутъ вза-

имныя воровство и баранту съ тангутами; населеніе южной стороны разбойничаетъ и производитъ обоюдные отгоны скота съ голо̀ками; населеніе сѣверной стороны находится во взаимномъ воровствѣ съ китайцами, а населеніе западной стороны производитъ взаимное воровство и угоны скота съ поколѣніями хото̀нскими, татарскими; за всѣмъ тѣмъ внутри своего хошӯна они воровства не производятъ. Подражая тангутамъ, они засовываютъ себѣ за поясъ ножъ, — чжибса̀къ; такой разбойничьяго вида народъ. Денегъ у нихъ мало и, производя между собою торговлю, они обмѣниваются скотомъ, вещами, чаемъ, масломъ, сушенымъ творогомъ и тому подобнымъ; ежегодно доставляютъ за плату ѣдущихъ въ Цзӯ сѣверныхъ, низовыхъ монголовъ, а возвращающихся изъ Цзӯ въ низовье перевозятъ за плату до Гумбӯма; кумысъ, молоко, масло къ чаю и тому подобные продукты даютъ даромъ. Вотъ какой это народъ! Хо̀йту-тӯла̀й'евцы, у которыхъ мы остановились, составляютъ пограничное населеніе; отсюда, говорятъ, до границъ тибетскихъ кочевьевъ залегаютъ безлюдныя, необитаемыя пространства. Разказываютъ, что въ четыре, пять дней отсюда достигаютъ до урочища, именуемаго Гурбу̀нъ-на̀йджи; въ этомъ Гурбу̀нъ-на̀йджи собираются всѣ, ѣдущіе въ Цзӯ. Итакъ, доставлявшій насъ хозяинъ верблюдовъ, а равно и поклонники изъ ва̀новскаго хошӯна, предположивъ добраться до Гурбу̀нъ-на̀йджи, дать тамъ отдохнуть подводамъ и присоединиться къ людямъ, которые имѣютъ отправиться въ Тибетъ въ качествѣ нашихъ спутниковъ, 1-го числа послѣдней лѣтней луны, мѣсяца курицы двинулись отъ границъ верховыхъ монголовъ, изъ Хо̀йту-тӯла̀й'я, и пошли по границамъ безлюдныхъ пространствъ. По мѣстностямъ нынѣшняго дня травы нѣтъ совершенно: чисто безплодныя, глинистыя, твердыя какъ камень мѣста; воды также нѣтъ, а потому, остановившись на полдникъ у сѣвернаго подножія переднихъ горъ, мы сварили и напились чаю изъ воды, которую везли съ собою. Кочевавъ снова по вечеру, перевалили Канӯгійнъ кѣто̀ль и заночевали. Перевалъ этого кѣто̀ля тоже трудный.

2-го числа переправившись черезъ Шугійнъ голъ, ночевали въ Сайханъ-тохой. Этотъ Шугійнъ-голъ также опасная рѣка. Она скатывается съ горы и имѣетъ бѣшеное теченіе. Когда вода у ней велика, то переправляться, говорятъ, трудно. Разказываютъ, что, переправляясь черезъ воду этой рѣки, много разъ погибали люди. Споспѣшествованіемъ будды, въ день, когда мы переправлялись, вода была не велика и не доставала до брюха лошади. Однако и при такой незначительной водѣ мы едва переправились: верховыя лошади и вьючные верблюды, не будучи въ силахъ идти, останавливались и отдыхали. По своей ширинѣ русло этой рѣки широкое, а вода ея, въ періодъ нашей переправы, была шириною приблизительно саженей въ 20-ть. Сама по себѣ это очень страшная рѣка и когда мы переправились въ добромъ здоровьи черезъ эту рѣку, то очень радовались, зная что теперь избавились отъ одной опасности.

3-го числа переправились черезъ Найджійнъ-голъ, прошли вверхъ по сѣверному берегу рѣки и, переваливъ черезъ перевалъ Кöкö-томъ, ночевали на сѣверномъ берегу Найджійнъ-гола. Этотъ, такъ называемый Кöкö-томъ также очень опасное, трудное мѣсто. По своему внѣшнему виду это — мысъ громадной, высокой, скалистой горы, подходящій къ яру Найджійнъ-гола. Другого пути, по которому можно было бы пройти, нѣтъ, имѣется только тропина, по которой поднимаются къ вершинѣ горы. Тропа, по которой поднимаются къ вершинѣ скалистой горы, залегаетъ въ промежуткѣ южной боковины большой горы и сѣвернаго склона малой горы этого перевала, именуемаго Кöкö-томъ. При восхожденіи на этотъ перевалъ Кöкö-томъ, верблюды со своими вьюками останавливались и отдыхали по дорогѣ раза четыре, или пять и едва добрались до вершины. Одинъ верблюдъ съ своимъ вьюкомъ слетѣлъ, но остался живъ. При спускѣ внизъ на ту сторону, вьючные верблюды не могли идти вовсе, а потому, снявъ вьюки всѣхъ верблюдовъ на вершинѣ перевала, мы должны были пѣшкомъ перенести эти вьюки на плечахъ съ совершенно синяго, скалистаго, каменнаго перевала внизъ, на про-

странство приблизительно саженей въ триста и, сложивъ ихъ, переводить пустыхъ верблюдовъ въ поводу, по одиночкѣ. Изъ числа этихъ верблюдовъ, которыхъ мы сводили внизъ, держа за поводъ, по одиночкѣ, три верблюда слетѣли и кувыркомъ скатились внизъ съ этой ужасной скалы; кувыркались они до мѣста, гдѣ мы складывали свои вьюки и все тѣло ихъ покрылось ранами, а все-таки до смерти не убились. Отъ мѣста, на которое мы переносили на своихъ плечахъ вьюки, внизъ до подошвы горы оставалось еще около 300 саженей; но такъ какъ пространство это было песчаное, по которому могли идти верблюды, то мы спустились, завьючивъ свои вьюки снова. На этомъ Кӧкӧ-тòм'скомъ перевалѣ мы промучились почти цѣлый день. Мы, въ своей палаткѣ, три человѣка имѣли вьюки пяти верблюдовъ. Перетаскивая вьюки этихъ пяти верблюдовъ, пѣшкомъ, на собственныхъ плечахъ, мы трое, будучи уже людьми пожилыми, чрезвычайно утомились. Мнѣ въ настоящемъ году 47-й годъ, спутнику моему, Уланову, 43-й, халхасу, Дакбà-чжамбà — 52-й, вотъ каковы мы трое; а грузы, такъ называемый тэнъ (одна половина верблюжьяго вьюка), были сундуки, обшитые скотскою кожею; крайне сказать, они вѣсили $2^1/_2$ пуда, а побольше — было и три пуда. Такъ какъ разбить эти вьюки было не возможно, то мы взваливали ихъ одинъ по одному на плечи и, перенеся на пространствѣ 300 саженей по неудобной скалѣ, гдѣ трудно проѣхать и подводѣ, складывали; снова поднимались на верхъ, чтобы опять взвалить на плечи и перенести еще одинъ вьюкъ и это восхожденіе порожнякомъ кверху было еще труднѣе и утомительнѣе, чѣмъ нести на плечахъ внизъ грузъ въ два, или три пуда: поднимается жажда, хочется пить, но на вершинѣ горы воды нѣтъ; ротъ пересыхаетъ, дыханіе усиливается, грудь вздымается, потъ льется градомъ, физическія силы истощаются, — страшно мы измучились! [53]). Впрочемъ, хотя физическіе труды

53) Разсужденія и жалобы въ высшей степени характеристичныя для всецѣло сохранившаго въ себѣ черты восточнаго характера калмыка. Путешественники въ существѣ дѣла были люди почти въ разцвѣтѣ силъ, имѣя воз-

были и велики, а какъ подумаешь себѣ на умѣ, — насильно насъ никто не посылалъ; вышли по своей доброй волѣ, скрѣпивъ сердце, съ намѣреніемъ поклониться Цзӯ и не раскаяваться, хотя бы пришлось и умереть въ дорогѣ. Сказавъ устами такое свое намѣреніе, молясь и призывая Цзӯ и Далȧй ламӯ, мы перетаскивали свои грузы, и не умерли, а окончили переноску всѣхъ вьюковъ. Въ эту пору для приданія бодрости тѣлу не нашлось ничего, помимо того, что покурить табаку. Этотъ Кӧкȍтȍмъ тоже именитый и чрезвычайно изнурительный для человѣка перевалъ. Всѣ мы, совершавшіе по нему путь, въ высшей степени сильно измучились; впрочемъ хоть и помучились, однако и очень радовались, когда перевалили всѣ здоровыми. На мѣстѣ ночлега, къ которому мы пришли отсюда, мы дневали 4-го числа, давъ отдыхъ и себѣ, и подводамъ. Говорятъ, что есть еще одна дорога, которая отправляется отъ Гурбӯнъ тӯлȧй'я, слѣдуетъ по рѣкамъ, отсюда переправляется черезъ Сӧсӧнӹйнъ гȍлъ и достигаетъ до Гурбӯнъ-нȧйджи; но если, при движеніи по этой дорогѣ приключится дождь, то задерживаетъ Сӧсӧнӹйнъ гȍлъ и не даетъ переправиться въ теченіе трехъ и четырехъ сутокъ. Въ урочищахъ, прилежащихъ берегамъ этой рѣки, травы совершенно нѣтъ: безплодная, твердая какъ камень, глинистая почва. Имѣя въ виду, что если, будучи задержаны этою рѣкою, мы провели бы на берегахъ ея двое, трое сутокъ, то животныя наши, которымъ предстояло еще идти далекое пространство, страшно отощали бы, мы и пошли по дорогѣ на Кӧкȍ-тȍмъ.

Двинувшись 5-го числа мы имѣли ночлегъ, переваливъ Адȧкъ-нȧйджи.

6-го числа остановились на Дундӯ-нȧйджи. Считаютъ,

растъ отъ 41 до 50 лѣтъ, а между тѣмъ они уже готовы играть роль поживших на своемъ вѣку старцевъ, которые нуждаются въ помощи молодежи и для которыхъ физическій трудъ является уже не подъ силу. И какой трудъ? Европейскій носильщикъ, конечно, одинъ посмѣялся бы надъ тяжестью того вьюка, который тащили эти три калмыка: а они пресеріозно разсуждаютъ, что сундукъ былъ «самое крайнее $2^1/_2$, а то и 3 пуда». И такова вообще работоспособность калмыцкихъ гэлӯнговъ!

что отъ Гурбу̀нъ-тӯла̀й'я до этого Дунду̀-на̀йджи будетъ, приблизительно, двѣсти верстъ. Еще въ Гумбу̀мѣ мы слышали, что эта мѣстность, именуемая Гурбу̀нъ на̀йджи,—безлюдная, травы и вода здѣсь очень хорошія, древесное топливо также въ изобиліи, ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ какой стороны воровства не бываетъ, мѣсто, въ которомъ быстро тучнѣетъ скотъ. Люди, напередъ сюда прибывшіе, въ ожиданіи идущихъ сзади, проживаютъ здѣсь, поправляя своихъ верховыхъ и вьючныхъ животныхъ, и поджидая, пока соберутся паломники въ Цзӯ. Тѣ, которые слѣдуютъ съ сѣвера, идутъ поспѣшно, съ разсчетомъ придти въ На̀йджи около 10-го числа средней лѣтней луны. При такихъ обстоятельствахъ, въ это урочище еще прежде насъ прибыло до 10 тангутовъ съ цѣлью идти дальше, въ Цзӯ. Мы остановились на разстояніи приблизительно трехъ или четырехъ верстъ отъ нихъ.

Послѣ сего поправляя свой скотъ, простояли мы на этомъ На̀йджійнъ-го̀лѣ 11 сутокъ, а тѣмъ временемъ подошло 7 палатокъ паломниковъ, прибывшихъ съ сѣвера. Соединились мы вмѣстѣ, стало семьнадцать котловъ. Рѣшили идти, двинулись 17-го числа и, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Дунду̀-на̀йджи, ночевали у ея истоковъ.

18-го по утру напились чаю еще темной ночью [54]), кочевали, перевалили На̀йджійнъ-даба̄, засимъ перевалили черезъ перевалъ покрытыхъ вѣчными снѣгами горъ, именуемыхъ Ангѝръ-дакшѝнъ [55]), спустились по пади, носящей названіе Ну̀кчу̀-соло̀мъ и немного прежде захожденія солнца остановились на берегу маленькаго озера съ горько-соленою водою. Въ мѣстахъ, по которымъ проходили мы сегодня, нѣтъ ни травы, ни воды; проявлялись атмосферныя вліянія мѣстности и всѣ мы

---

54) Хара-ду̀нъ—время наибольшаго мрака предъ окончаніемъ ночи и передъ самымъ разсвѣтомъ.

55) Это тотъ самый хребетъ, которому г. Пржевальскій далъ названіе хребта Марко̀-Поло. Рокхиль также отмѣчаетъ, что туземцы зовутъ эти горы Angirtakshia (см. Journey. p. 187).

пришли на ночлегъ, истомившись на разные манеры; преимущественнымъ явленіемъ было то, что многіе изъ путниковъ страдали головною болью, являлась рвота, они сходили съ подводъ и лежали.

19-го переправились черезъ рѣку, именуемую Хабтагăй-улăнъ мўрэнь и снова ночевали на безплодной, твердой какъ камень, глинистой мѣстности. Разказываютъ, что въ прежніе годы рѣка эта бѣжала поверхъ лошадинаго крупа, а въ нынѣшнемъ году она не хватала и по колѣно лошади.

20-го числа ночевали на сѣверной боковинѣ Кӧкӧ-шилй. По дорогѣ нынѣшняго дня встрѣчалось много ронго, бухў-гӧрӧсу и хулăновъ [56]). Рога ронго во множествѣ валялись по землѣ. Съ окончаніемъ трехдневнаго пути мы остановились сегодня на окраинѣ травъ, пригодныхъ на пищу скоту. Бывшая здѣсь трава, именуемая «бухă-ширэкъ», толстая, жесткая и, по внѣшнему виду ея, нельзя было сказать, что ее можетъ ѣсть скотъ, но тѣмъ не менѣе скотъ ѣстъ ее отлично.

21-го перевалили Кӧкӧ-шилй и ночевали на южной сторонѣ (этой горы). Сегодня приключилось мѣстное атмосферное вліяніе и пріѣхалъ больнымъ нашъ престарѣлый лама, халхăсъ Дакбă-чжамбă, который ѣхалъ въ качествѣ нашего спутника. Ночью онъ мучился, грудь пучило, онъ не спалъ. Сегодня и я со своимъ сотоварищемъ Дорчжй, подвергшись мѣстному атмосферному вліянію, также занедужили, но не сильно.

22-го числа, когда мы по утру двинулись и поѣхали, этотъ нашъ Дакбă-чжамбă, сидѣвшій на верблюдѣ, поѣхалъ хорошо. Я ѣхалъ около него верхомъ на лошади и присматривалъ. Когда лицо у него посинѣло, мы помогли ему сойти внизъ съ верблюда, дали ему водки, табаку, дикого луку и прочаго, что

56) Антилопа Оронго была описана Пржевальскимъ;—Бухă-гӧрӧсу, по Ковалевскому, «дикій тибетскій буйволъ», а оффиціальный «Мăньчжу-монгӧлъ ўгэнў толй бичйкъ» объясняетъ, что это «животное, похожее на дикаго быка, съ высокимъ передомъ и съуженнымъ задомъ». (Т. 19, стр. 108); Хулăнъ — дикая лошадь.

полезно, — поутихло. Снова положили мы его на верблюда и двинулись, а тѣмъ временемъ всѣ остальные вьючные уѣхали. Когда, при слѣдованіи нашемъ сзади, ему снова стало дѣлаться дурно, я оставилъ его одного съ его верблюдомъ, а спутника своего Дорчжй послалъ съ четырьмя верблюдами; его верблюда я велъ самъ въ поводу на своей лошади. Ѣдемъ мы; дошло почти до того, что онъ падаетъ съ верблюда. Я тотчасъ же остановился, снялъ его съ верблюда и положилъ; самъ поскакалъ на своемъ конѣ, догналъ ѣхавшихъ впереди, сказалъ, остановилъ, взялъ съ собою четыре, пять человѣкъ, пріѣхали мы назадъ, дали ему лекарство и сидѣли. Посидѣли мы такимъ образомъ, онъ снова пришелъ въ чувство и началъ говорить. Постлалъ я тогда подъ него коврикъ, оставилъ около него для присмотра одного человѣка, а съ прочими поѣхалъ вслѣдъ за вьюками, задержалъ своихъ вьючьныхъ и попросилъ ихъ остановиться на ночлегъ. По счастью, въ этомъ мѣстѣ была маленькая рѣчка; не будь воды, — они не остановились бы. Потомъ развьючили мы свои вьюки, сварили чай, напились и когда, отправивъ назадъ подводу, приказали взять Дакбȧ-чжамбу̇, то онъ пріѣхалъ верхомъ на лошади. Дали мы ему чаю, пустили кровь изъ обоихъ рукъ, но кровь хорошо не пошла. Въ этотъ день онъ до вечера говорилъ и разговаривалъ, а съ наступленіемъ ночи опять началъ мучиться; мы вдвоемъ сидѣли и присматривали за нимъ; около полуночи онъ умеръ. Когда этому ламѣ приключилось мѣстное атмосферное вліяніе, то люди, вмѣстѣ съ нимъ заболѣвшіе, по пріемѣ лекарства и совершеніи кровопусканія, все же могли идти, перемогаясь.

На другой день, 23-го числа мы дневали, бросили трупъ этого ламы, читали йөрөль и такъ провели день.

24-го, двинувшись въ путь, переправились черезъ Канчу̇ му̇рэнь, слѣдовали вверхъ по Дунъ-бу̇рѣ'ской пади и ночевали на сѣверной сторонѣ горъ Дунъ бу̇рѣ. Эту Канчу̇ му̇рэнь тибетцы зовутъ Чжу̇нгарскою рѣкою (Чжу̇нъ-гаръ усу̇нъ).

25-го числа перевалили черезъ горы Дунъ-бурѣ, слѣдовали

внизъ по южной пади и ночевали на Элэсӯнъ-усӯ. Въ этотъ день послѣдовало соединенie Унугудыйнъ цзȁма. Мы опять прошли большое пространство.

26-го числа ночевали на берегу какой то небольшой лужи [57]), на сѣверной сторонѣ горы, именуемой Бухȁ-манънȁй. Сегодня мы, допустивъ упасть одного верблюда въ воду и одного верблюда въ грязь, вытащили ихъ. Сегодня же къ намъ присоединились паломники изъ Гумбӯма и изъ (хошӯна) Тайчжинȁровъ; ночевали, составивъ всего 33 палатки. Вообще болѣзнь, именуемая атмосфернымъ влiянiемъ этой мѣстности, есть болѣзнь приливовъ крови, оттого если употреблять тяжелую пищу, бываетъ плохо. По такимъ рѣчамъ, мы ѣхали, питаясь днемъ чернымъ чаемъ, а вечеромъ, на ночлегѣ, дѣлали на просѣ сочиво изъ говядины, которую мы взяли въ искрошенномъ и сушеномъ видѣ изъ Урги осенью прошлаго года. Сегодня, когда моя печень болѣзненно напряглась и показалось, что мнѣ надоѣла пища, я хотѣлъ поѣсть бульона; но такъ какъ свѣжаго мяса не было, то я попросилъ у одного изъ спутниковъ немножко бывшаго у него мяса бухӯ-гӧрбсу, приготовилъ бульонъ и съѣлъ. Ночью принялъ микстуру изъ 5 снадобьевъ и заснулъ; провелъ ночь немного лучше. Проживая въ своихъ кочевьяхъ, мы не переносили такихъ трудностей какъ питаться чернымъ чаемъ, кушаньями изъ вяленой крошеной говядины и просомъ, да при этомъ еще двигаться каждый день, безъ остановки; и можно думать что настоящее движенiе по тибетскимъ дорогамъ съ такими изнуренiями совершилось, кажется, по благодати верховныхъ (т. е. буддiйскихъ святыхъ). Въ нынѣшнюю ночь воры угнали у пилигримовъ тайчжинȁрскаго хошӯна 10 лошадей.

27-го — дневали. При розыскѣ захваченныхъ ворами лошадей, 10 человѣкъ отправилось въ погоню по слѣдамъ, которые

---

57) Употребленное здѣсь авторомъ выраженiе «хабтагȁй усӯ, кажется, принадлежитъ южно-монгольскому нарѣчiю; калмыки зовутъ соотвѣтственныя водовмѣстилища «цандȁкъ»

два человѣка проложили при отгонѣ. Въ этотъ дневальный день печень моя опять страдала и я, выпивъ бульона, провелъ ночь.

28-го числа опять дневали, поджидая людей, уѣхавшихъ на розыскъ лошадей. Въ этотъ день отправившіеся на поискъ лошадей добрались до воровъ, ѣдучи по слѣдамъ ихъ. Они напали на находившіеся между горами двѣ тангутскія палатки-баннàкъ и возвратились, захвативъ съ собою людей 6 душъ, 17 сарлыковъ и около 150 овецъ. На мѣстѣ тѣхъ палатокъ они оставили одного человѣка и пріѣхали, поручивъ ему сказать: «приведите нашихъ лошадей и получайте своихъ людей и скотъ; а если не отдадите нашихъ лошадей, то и мы не отдадимъ этихъ вашихъ захваченныхъ людей и животныхъ». Въ этотъ день у меня чувствовалась тяжесть въ тѣлѣ и страдала печень; я принялъ тогда одно лекарство утромъ и одно лекарство вечеромъ; купилъ у одного человѣка ногу вяленаго бараньяго мяса и, приготовивъ бульонъ, выпилъ.

29-го числа кочевали и ночевали люди, имѣвшіе у себя лошадиные вьюки, по переправѣ черезъ рѣку Намчитàй-улāнъ мўрэ̀нь, а имѣвшіе у себя верблюжьи подводы, за невозможностью переправиться, по сю сторону ея. Сегодня я пріѣхалъ, чувствуя себя плохо.

30-го числа по утру вышеозначенные воры привели захваченныхъ лошадей и получили своихъ людей и скотъ. Хозяева этихъ лошадей, оставивъ у себя около 30 овецъ, весь прочій скотъ ихъ выдали сполна. За симъ, при переправѣ черезъ эту рѣку, такъ какъ теченіе воды было сильное, а дно ея было грязно и илисто, то пришлось перевозить каждый вьюкъ, нагружая дважды [58]), Сегодня, имѣя работу при переправѣ черезъ рѣку, я промокъ, (болѣзнь) еще больше усилилась, стало худо. Переправившись съ страшнымъ утомленіемъ черезъ эту рѣку, мы сложили на берегу вьюки, которые перевезли сначала и снова отправились перетаскивать; между тѣмъ стало уже поздно и мы заночевали

58) Перевозили, слѣдовательно, по половинѣ цѣлаго верблюжьяго вьюка.

на берегу рѣки. Въ этотъ вечеръ тѣ люди тайчжинарова хошуна, которые утратили было своихъ лошадей ворамъ, и получили ихъ обратно, подѣлили на каждую палатку захваченныхъ ими у воровъ около 30 овецъ. «Такъ какъ вслѣдствіе покражи нашихъ лошадей, вы простояли два, три дня и израсходовали провьянты, которые везли для дальней мѣстности, то пусть будетъ это пополненіемъ вашихъ продуктовъ». Съ такими словами они роздали палаткамъ, въ которыхъ было много народу, по цѣлому барану, а малолюднымъ — по одному барану на двѣ палатки. Намъ, оставшимся въ своей палаткѣ послѣ покойника вдвоемъ, да еще тремъ человѣкамъ также въ одной, сосѣдней съ нами палаткѣ, на двѣ палатки, пяти человѣкамъ, они дали одного барана. Я своей части изъ этого мяса не взялъ. Я думалъ: «незнаю, умру сегодня, или завтра,—что я буду ею дѣлать»?! Нынѣшнимъ вечеромъ грудь мою вспучило, дыханіе усилилось, снизу какъ будто поднимались газы, печень страдала, въ тѣлѣ, въ костяхъ, въ мясѣ не было мѣста, которое бы не болѣло. Потерявъ способность вставать и ходить, я лежалъ. Засимъ думая, что, вѣроятно, теперь настало время умирать, я поручилъ своему единственному спутнику Дорчжи всѣ свои вещи, которыя я везъ, предназначая то въ продукты для потребленія на обратномъ пути, то ради принесенія въ жертву и приношенія. Съ сойбуномъ цзускаго Бариду-гэгэна, тибетскимъ гэлунгомъ Чжинба, я ѣхалъ, коротко подружившись; ему я также заботливо поручилъ своего спутника; сказалъ и еще свои кое какія незначительныя завѣщанія. Засимъ я молился, твердо памятуя свое рѣшеніе, которое я положилъ въ своей душѣ при своемъ выѣздѣ, что, отправляясь на поклоненіе въ царство Цзу, я не буду безпокоиться, хотя бы пришлось и умереть въ дорогѣ. За всѣмъ тѣмъ, пока до смерти, я обдумывалъ средства, а потому, произведя діагнозъ своему организму, налилъ я въ байховый чай коньяку и, выпивши, вызвалъ сильную испарину. У меня была бутылка коньяку, которую я везъ изъ Кяхты, предполагая, что, пожалуй, пригодится; и это послужило ко благу. Послѣ сего, купивъ свѣ-

жей хорошей баранины, я приготовилъ крѣпкій бульонъ и выпилъ; принялъ лекарство, подъ названіемъ «сурукцза̀нъ дзуджѝкъ»; поджарилъ въ коровьемъ маслѣ соль и приложилъ на ночь къ печени; послѣ полуночи тѣло мое успокоилось и я заснулъ. Когда всталъ утромъ, я былъ здоровъ.

Далѣе, слѣдующій мѣсяцъ лошади былъ по китайскому счисленію вторымъ мѣсяцемъ курицы. 1-го числа двинулись въ путь; верблюды увязли въ грязяхъ горы Буха̀-манъна̀й; мы развязали всѣ вьюки, вытащили изъ грязи своихъ верблюдовъ, снова завьючили и опять сильно изморились. Въ этотъ день ночевали на степи, не дойдя до Муру̀-усу̀. Сегодня всѣ мы пріѣхали въ добромъ здоровьи.

2-го числа переправились черезъ Муру̀-усу̀ и ночевали на берегу ея. Слышно было, что переправляться черезъ эту рѣку также трудно; но вода въ ней была не велика и мы переправились благополучно. Нѣсколько палатокъ паломниковъ шло впереди пасъ. Они были задержаны этою рѣкою, простояли трое сутокъ и перебродили ее только что передъ нами. Глубина воды была такова, что всадникъ переѣзжалъ, поднимая ногами стремена. Теченіе рѣки опять таки бурливое.

3-го числа изъ трехъ хабцага̀евъ (крутыхъ скалъ) горы Данъла̀ перевалили послѣднюю скалу (= Ада̀къ хабцага̀й) и ночевали противъ восточной стороны горы Ару̀-мёнко̀ ӯла. Сегодня, когда одинъ, бывшій подъ вьюкомъ верблюдъ нашъ истомился и ослабѣлъ, я со своимъ Дорчжѝ, вдвоемъ, вели его потихоньку. Когда всѣ спутники наши скрылись изъ глазъ, верблюдъ нашъ легъ и не хотѣлъ идти. Верблюда этого мы бросили, грузъ его повьючили на верблюда, на которомъ ѣхалъ Дорчжѝ, а сами вдвоемъ попеременно ѣхали на одной лошади. Когда наступила ночь, мы догнали свои вьюки. Гора Данъла̀йнъ-дарцза̀ видна по лѣвую руку.

4-го кочевали, перевалили Дунду̀ (средній) хабцага̀й и ночевали на вершинѣ Экѝнъ (перваго, начальнаго) хабцага̀й'я. Сегодня я совсѣмъ выздоровѣлъ.

5-го числа перевалили Экйнъ хабцагай и, взобравшись на вершину перевала Лачжйнъ-гуникъ, заночевали въ урочищѣ Ширэкъ-цэмбў. На Дундў-хабцагай'ѣ присоединилась дорога Бурхапъ-бўдэйнъ цзамъ.

6-го числа, слѣдуя внизъ по пади Данъчў, ночевали на сѣверной сторонѣ Данъла.

7-го числа переваливъ Данъла, ночевали въ южной пади ея. Эти горы Данъла, прозываются почетнымъ именемъ Номогонъ убуши и составляютъ обиталища Дама-чжунай[59]). Разказываютъ, что на сѣверной сторонѣ этихъ вѣчно снѣжныхъ горъ есть мѣсто, на которомъ когда то встарину шелъ каменный градъ: въ пескѣ попадаются шероховатые, круглые, маленькіе-маленькіе камешки. Мы, удивляясь этому, взяли съ собою до десятка такихъ камешковъ. У южнаго подножія этой горы кипятъ и бьютъ кверху цѣлебныя, горячія воды. Мы уже собирались уходить отсюда, но здѣсь оказались набросанными въ груду камни и деревья, извѣстныя подъ именемъ «жертвеннаго обо». Всѣ мы, по дорогѣ, совершили молитвенное чтеніе у этого обо, принесли Сэр-чжэмъ [60]) и совершили жертвоприношеніе, оста-

---

59) བསྟན་མ་བཅུ་གཉིས་ — Одинъ изъ геніевъ хранителей Тибета вообще, а спеціально почитаемый покровителемъ Брайбунскаго монастыря. Такихъ геніевъ-хранителей въ Тибетѣ почитается вообще очень много, но это одинъ изъ самыхъ главныхъ. Онъ считается въ числѣ спутниковъ докшйта Хла-ма, или какъ зовутъ его въ Монголіи и у Калмыковъ, «Окбнъ-тэнгри».

60) གསེར་སྐྱེམས་ по монгольски [illegible] [illegible], что значитъ буквально: «золотое питье». Такъ называется одно изъ жертвоприношеній, которыми обыкновенно чествуютъ монголы геніевъ покровителей той, или другой мѣстности. Жертва эта состоитъ по большей части изъ совершенія кропленій и возліянія чаемъ. Тѣмъ, которые ѣздили съ монголами въ ихъ караванахъ, хорошо извѣстно, что, подъѣзжая къ какой-либо именитой мѣстности, монголы всегда останавливаются не подалеку отъ нея на ночлегъ; а при движеніи въ дальнѣйшій путь непремѣнно оставляютъ небольшой чайникъ чаю. Караванъ-баши и его старѣйшіе спутники берутъ этотъ чайникъ и отправляются засимъ чествовать гору, озеро, ручей, или что тамъ придется. Кропленія и возліяніе совершаются при чтеніи особой молитвы, иначе называемой Цайнъ-тахйлъ, текстъ которой хорошо извѣстенъ наизусть каждому ламѣ. (См. Очерки быта буддійскихъ монастырей, стр. 184).

вивъ по немножку пищи, питья, плодовъ, хадаковъ, денегъ и проч. Ходитъ повѣрье, что если къ этой горѣ подъѣдетъ человѣкъ верхомъ на верблюдѣ, то начинается снѣжная мятель; въ пору нашего движенія, снѣжной мятели не было, небо было чистое, солнечное, прекрасное. Перевалъ—не высокій, тѣмъ не менѣе, говорятъ, бываютъ атмосферныя вліянія мѣстности. Окрестныя горы — снѣжныя.

8-го числа слѣдовали внизъ по южной пади Данъла̀ и ночевали въ Данъчу̀. На этой дорогѣ имѣются также горячія воды, которыя бьютъ кверху свыше аршина; въ старыя времена онѣ, говорятъ, били на вышину копья.

9-го, слѣдуя внизъ по Данъчу̀, ночевали на берегу рѣки, именуемой Янъди. Отъ урочища Дунду̀-хабцага̀й 20 слишкомъ котловъ хошӯна тайчжина̀ровъ ушло впередъ насъ; сегодня мы догнали и обогнали ихъ. Сказывали, что изъ числа ихъ многіе заболѣли болѣзнью мѣстнаго атмосферпаго вліянія, два человѣка умерло, а остальные выздоравливаютъ; такимъ образомъ, не будучи въ состояніи идти, они стояли. Въ этомъ урочищѣ, на которомъ мы остановились, проживаетъ пограничная стража тибетскихъ кочевьевъ. Стоитъ этотъ караулъ (по приказу) отъ высшаго правительственнаго учрежденія, именуемаго Дэбэ-шунъ. Пріѣхали семь человѣкъ, осмотрѣли насъ, записали общее число наше, записали сколько котловъ, сколько человѣкъ, какого хошӯна и какъ зовутъ каждаго; говорили, что они обязаны отправлять (эти свѣдѣнія) въ Накчу̀. Разказывали еще, что вслѣдствіе отписи ихъ въ Накчу̀ и Дэбэ-шунъ о приходившихъ прежде насъ одномъ русскомъ съ двумя китайцами, было сказано, что ихъ не возможно пропускать, а потому, говорятъ, мы и воротили ихъ назадъ. Они сказали: «мы пойдемъ въ Индію», и вотъ прошло уже шесть сутокъ, какъ они направились по восточной сторонѣ Цзӯ [61]).

---

61) Полагаемъ, что европеецъ, о которомъ разказывали Бāза гэлу̀нгу мѣстные караульные, былъ никто иной, какъ W. W. Rockhill, прибывшій на эти мѣста 8 Іюля 1892 года. Его описанія прекрасно объясняютъ намъ ту осторожность, съ которою относится тибетское правительство къ пропуску ино-

Этотъ приходившій «русскій», о которомъ говорили они, въ дѣйствительности не былъ русскимъ; причина же, по которой называли они его русскимъ, въ томъ, что сѣверные монголы всѣ европейскіе народы зовутъ «русскими», а тибетцы всѣхъ европейцевъ зовутъ «пилинъ»; слово «пилинъ» значитъ англичанинъ.

Отъ урочища Тӯлаӣ, границы цаӣдамскихъ монголовъ, досюда залегаютъ безлюдныя, пустынныя пространства. Въ эти пустопорожнія мѣста, по временамъ, большими толпами приходитъ народъ, именуемый «Голо̀къ» и осаживается здѣсь. Они грабятъ путниковъ и уходитъ (отъ нихъ) тотъ, у кого больше силы. Предполагая, что это вещь опасная, мы были очень осторожны и ѣхали, постоянно озираясь карауломъ спереди и сзади. Сказываютъ, что теперь мы ушли уже отъ этой опасности, но за всѣмъ тѣмъ, говорятъ, что хотя дневныхъ разбоевъ, при которыхъ грабятъ силою, да нападаютъ съ оружіемъ, и не будетъ, однако въ мѣстахъ заселенныхъ нужно быть бдительнымъ въ отношеніи ночныхъ воровъ. И вотъ, проведя отъ границъ верховыхъ монголовъ досюда 38 сутокъ, пришли мы на тибетскія границы: здѣсь окраина (тибетскихъ) поселеній.

странцевъ внутрь своихъ земель. По прибытіи на тибетскую границу Рокхилю также пришлось по началу вести дѣло съ низшими караульными чиновниками, которые встрѣтили его ласково, а одинъ изъ мѣстныхъ бѣдняковъ взялся даже вести Рокхиля до Ши-га-дзэ; но на другой день въ лагерь прибыло нѣсколько человѣкъ хорошо вооруженныхъ тибетцевъ, которые сказали, что они боятся, какъ бы въ партіи Рокхиля не было «пилиновъ», а потому просили его постоять на мѣстѣ, пока пріѣдетъ дэба, посмотритъ ихъ билеты и скажетъ, могутъ ли они отправляться въ дальнѣйшій путь. Еще далѣе караульные эти объясняли, что наказы, данные имъ изъ «дэба-чжонга» (Хласы) были такъ строги, что если бы они пропустили иностранцевъ въ страну, то были бы за это обезглавлены. Начальникъ отряда видѣлся съ Рокхилемъ, говорилъ съ нимъ нѣкоторое время очень пріятно, спросилъ откуда и куда онъ ѣдетъ и наконецъ сказалъ, что онъ незнаетъ, пилинъ ли г. Рокхиль, или монголъ, что онъ никогда не видалъ пилиновъ, но не вѣритъ, чтобы они были похожи на г. Рокхиля. Вслѣдъ за симъ къ г. Рокхилю явился вчерашній бѣднякъ и заявилъ, что онъ отказывается отъ своего обязательства, если дэба не позволитъ г. Рокхилю слѣдовать дальше. Въ тоже время г. Рокхиль узналъ, что изъ Хласы отдано было приказаніе рѣшительно всѣмъ, живущимъ около тибетскихъ границъ, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія, доносить немедленно ближайшему начальству о проходѣ каждаго подозрительнаго путешественника.

10-го переправившись через рѣку Янъдй и за симъ переваливъ через возвышенность Янъдй, остановились для ночлега.

11-го переваливъ через Бумзайнъ-шиль, ночевали по дорогѣ у Цаганъ-субургана.

12-го числа, переваливъ через увалъ, именуемый Та-цанъ, а по монгольски называемый Харцагайнъ-ўръ [62]), мы разбили свои палатки въ Накчў чомара. Сегодня, въ полдень, во время нашего движенія три всадника напали на ѣхавшаго съ нами харчинскаго ламу, прозывавшагося Сума-рачжа, который (отставъ) слѣдовалъ позади каравана одинъ, верхомъ на лошади; они отняли у него верховую лошадь и всѣ необходимыя вещи, которыя онъ везъ при себѣ, и уѣхали; а лама этотъ прибѣжалъ пѣшкомъ. Не имѣя средствъ производить преслѣдованіе въ горахъ, мы оставили (это дѣло такъ).

13-го числа мы дневали. Это урочище, именуемое Накчў-чомаръ, въ которомъ мы остановились, является мѣстопребываніемъ пастуховъ и находится на разстояніи приблизительно 20 верстъ по сю сторону отъ Накчў-гомба, гдѣ учреждено присутственное мѣсто тибетской пограничной управы. Здѣсь живетъ правитель, завѣдывающій однимъ хошўномъ. Съ этимъ правителемъ наши люди вановскаго хошўна были знакомыми, и по сей-то причинѣ они остановились около жилища этого правителя, чтобы, оставивъ у него своихъ верблюдовъ, сходить далѣе, на поклоненіе Цзў, пѣшкомъ. Хотя я съ своей стороны, при незнаніи мѣстности, договорился въ цѣнѣ доставить меня до самаго присутственнаго мѣста, но эти спутники убѣждали меня, что бы подговорить платныя подводы отсюда, а верблюдовъ оставить здѣсь. Мы также точно полагали, что хорошо ѣхать вмѣстѣ и когда сговаривались о платныхъ подводахъ, то установили провозъ до Хлассы по 8 тибетскихъ чжосу съ каждаго сарлычьяго вьюка. Правитель этотъ обошелъ вокругъ нашей палатки,

62) Это монгольское названіе есть, очевидно, дословная передача тибетскаго «Та-цанъ», что значитъ «ястребиное гнѣздо».

осмотрѣлъ всѣ вьюки и ушелъ. Отправившись домой, онъ говорилъ: «я боюсь принимать подрядъ на палатку одного ламы и доставлять его вьюки. Люди сказывали, бу́дто ѣдетъ человѣкъ изъ русскихъ земель, и этотъ человѣкъ, непремѣнно, этотъ лама. Если онъ представится накчу́'скимъ камба̀ и правителю и доставитъ разрѣшеніе на поѣздку въ Хласу, я повезу его за плату, а нѣтъ, — такъ боюсь». Услыхавъ это, спутники мои говорили, что бы я ѣхалъ, представился накчу́'скимъ камба̀ и правителю, возвращался и заключалъ подрядъ. Я подумалъ тогда: если накчу́'скіе камба̀ и правитель пожалуютъ намъ разрѣшеніе и скажутъ — «поѣзжайте въ Хласу», то, по всей вѣроятности, я найду наемныя подводы и оттуда; а если они не дадутъ разрѣшенія, скажутъ: «не ходите», то сидѣть въ пустой степи — страшно, а потому, рѣшивъ отправиться съ своими вьюками и представить на разсмотрѣніе свои обстоятельства, я попросилъ ѣхать со мною въ качествѣ переводчика своего тибетскаго знакомаго гэлу́нга, Чжимба̀, со̀йбуна цзу́скаго Бариду́-гэгэ̀на. На другой день, 14-го числа, мы выѣхали и однимъ котломъ прибыли въ Накчу́-гомба̀. Добравшись до я̀муня правителей, мы попросили остановиться на сутки и они помѣстили насъ въ я̀мунѣ. Дали намъ комнату въ одномъ ба̀йшинѣ; мы втащили и сложили свои вьюки и вещи и когда извѣстили, что хамба̀ и правитель собрались въ я̀мунѣ, то я захвативъ хада̀къ, взялъ также свою старинную (дала̀й ла̀мскую) грамату и вмѣстѣ со своимъ тибетскимъ толмачемъ, гэлу́нгомъ, мы вдвоемъ отправились. За симъ доложилъ я обо всемъ: изъ какихъ царства и мѣстности мы шли, по какимъ живемъ ученію и вѣрѣ, какъ въ старыя времена приходили мы въ Цзу́, и представилъ тѣмъ хамба̀ и правителю принесенную съ собою древнюю грамату тѣхъ знаменательныхъ временъ. Посмотрѣвши, они: «такъ, такъ, — хорошо», говорятъ, — «вы хотя живете въ русской странѣ, однако состоите въ шакчжаму́ніанской вѣрѣ и то, что приходили вы представлять жертвоприношенія во времена древнѣйшихъ дала̀й ламъ, справедливо. Прибывшіе такимъ образомъ и по такому дальнему

пути, вы, несомнѣнно, люди очень добродѣтельные!» Потомъ говорятъ еще: «по нашимъ правиламъ, какой бы ни пришелъ въ этотъ ямунь большой хамба̀, или правитель, мы не имѣемъ обычая сажать и подавать чай; но вы люди, проложившіе длиннѣйшую дорогу изъ весьма отдаленной мѣстности; по таковой причинѣ садитесь и выкушайте чаю». Съ этими словами они позвали также моего спутника Дорчжѝ и, подавъ намъ вмѣстѣ съ нимъ чаю, пожаловали, положивъ еще пол-туши бараньяго мяса. Припомнилось мнѣ тогда, что я шелъ съ большимъ страхомъ, представляя, какое будетъ мнѣ горе, если меня задержатъ съ этого мѣста и непустятъ; когда же они явились съ такимъ разрѣшеніемъ и милостями, я необычайно обрадовался и сидѣлъ, проливая изъ глазъ слезы. Они спросили меня о причинѣ этого и я разказалъ имъ все: какъ шелъ я, мучаясь и изнуряясь въ дорогѣ, какъ боялся, предполагая, что не найду наемныхъ подводъ, или что меня, пожалуй, задержатъ и недопустятъ въ Цзӯ, такъ такъ я человѣкъ чужого государства. — «Бѣдный!» говорили они, выказывая большую радость и участіе. Спросили и записали мое кочевье и хошӯнъ, имя нойо̀на и мое собственное имя и говорили, что пошлютъ дэбэ-шунъ. «Вамъ не будетъ запрета, поѣзжайте!» сказали они.

Послѣ сего, когда мы возвратились въ свое помѣщеніе, самъ камба̀ лама̀ пришелъ въ нашъ ба̀йшинъ и, поговоривъ кое о чемъ, ушелъ назадъ.

15-го числа я представился камбѣ, отправившись въ его ба̀йшинъ и, принеся ему въ подарокъ хада̀къ и китайской шелковой канфы на халатъ, познакомился съ нимъ. Тогда этотъ камба̀ сказалъ: «вамъ, когда вы пріѣдете въ Цзӯ, будутъ необходимы тибетскія деньги; если у васъ есть китайское серебро, отдайте мнѣ и возьмите тибетской монеты». По такимъ его рѣчамъ я поднесъ ему 95 ланъ китайскаго серебра, а онъ собственными руками сосчиталъ и пожаловалъ намъ 950 тибетскихъ чжо̄су [63]).

63) «Тӧбо̀тъ-чжо̄су» монгольское названіе тибетской монеты, которую сами тибетцы зовутъ «рам-ка̀» ཏྲམ་ཀ་ Монета эта приготовляется изъ низкопробнаго

Еще поднесъ я въ подарокъ хадакъ и шелковой матеріи на ха-

серебра, отчего, по свидѣтельству монголовъ, китайцы зовутъ ее «черно-серебряной» (харà-мӧнгӧнъ), тогда какъ свое собственное, лянное серебро они называютъ «бѣлымъ» (цаганъ-мӧнгӧнъ). Вѣсъ «рам-кà» = $1^1/_2$ китайскимъ цинамъ; но китайцы, по обычаю, даютъ и принимаютъ за одну лану серебра десять «рам-кà»; слѣдовательно, въ каждой «рам-кà» они считаютъ $^2/_3$ серебра и $^1/_3$ лигатуры. Въ тибетскомъ обиходѣ «рам-кà» раздѣляется, а иногда и разрѣзывается на 6 частей и этимъ путемъ пріобрѣтаются денежные знаки низшей цѣнности. Каждая изъ этихъ частей, представляя собою уже особый денежный знакъ, имѣетъ для себя и особое названіе, а именно: $^1/_6$ часть называется «ка-ганъ» ཁ་གང་; здѣсь слогъ «ка» значитъ: «часть», а «ганъ» значитъ «одинъ», т. е. «одна часть». Кусочекъ рамкà въ $^2/_6$ части называется «гар-ма-нга» སྐར་མ་ལྔ་ отъ словъ «гар-ма» — звѣзда и «нга» — пять, т. е. «пять звѣздочекъ». Такое названіе зиждется на отношеніи этого кусочка монеты къ китайскому вѣсу: «гар-ма-нга» равняется по вѣсу 5 китайскимъ фынамъ; а какъ на китайскомъ денежномъ безмѣнѣ каждый фынъ обозначается звѣздочкой, то понятно, что вѣсъ «кар-ма-нга» обозначается пятью звѣздочками; отсюда и происходитъ ея названіе. Кусочекъ рам-кà въ $^3/_6$ части называется «чэд-чжатъ» ཕྱེད་གཅད་ несомнѣнно, отъ словъ ཕྱེད་པ་ «половина» и གཅད་པ отрѣзывать, т. е. «половинный обрѣзокъ». Кусочекъ въ $^4/_6$ части называется «жо-ганъ» ཞོ་གང་, смыслъ каковаго названія опять таки объясняется китайскимъ вѣсомъ, такъ какъ ཞོ་ обозначаетъ вѣсъ китайскаго цина, а གང = = одинъ, т. е. «одинъ цинъ». Кусочекъ въ $^5/_6$ частей называется «ка-чадъ» ཁ་ཆད་ — Здѣсь слово ཁ་ = «доля», «часть», а ཆད་ отрывать, отрѣзывать; по смыслу названія выходитъ: «кусочекъ съ отрѣзанною одною частью». $^6/_6$ частей или полная монета называется, какъ уже было сказано выше, «рам-кà». Обычно тибетская монета имѣетъ величину нашего полтинника, только гораздо тоньше его. На одной сторонѣ отбивается надпись, обозначающая мѣсто чеканки монеты. Доселѣ еще можно встрѣчать монеты съ надписью: «Галданъ-по-бранъ»; такъ какъ въ старину тибетская монета отливалась въ этомъ монастырѣ; нынѣ она, говорятъ, дѣлается въ Будалѣ. На другой сторонѣ монеты всегда печатается изображеніе «найманъ-тахілъ», т. е. 8 жертвъ, приносимыхъ буддѣ. Здѣсь же, въ срединѣ монеты, за послѣднее время начали ставить двѣ цифровыя группы, долженствующія обозначать годъ чеканки монеты: первая группа цифръ обозначаетъ счетъ цикловъ, а вторая годовъ послѣдняго, текущаго цикла; причемъ эрою лѣтосчисленія считается 1026 годъ (не время ли перваго подданства Китаю?). Проживая въ Ургѣ мы пріобрѣли себѣ тибетскую монету 1890 г. и на ней первая группа была 15, а вторая 24; это значило: 24-й годъ 15-го оборота 60-ти лѣтняго цикла. (Извлечено изъ неизданныхъ записокъ, веденныхъ А. Позднѣевымъ въ послѣднюю поѣздку по Монголіи въ 1892—1893 гг.).

латъ нансу̀-нойо̀ну (правителю); шанцзотбѣ̀ его также подарилъ халатъ и одинъ квадратъ шелковой матеріи. Засимъ, въ тотъ же день, въ ихъ монастырѣ, въ которомъ имѣлось до 200 шабина̀ровъ, я поднесъ имъ въ цзэ̀дъ по одному гарма̀ 64) на каждаго; также точно далъ и проживавшимъ внѣ (монастыря) нищимъ. При раздачѣ имъ подарковъ и составленіи знакомства я какъ составлялъ знакомство, такъ и раздавалъ подарки, имѣя въ виду что это будетъ благотворно, если въ будущемъ кто либо изъ нашихъ кочевьевъ опять отправится въ Цзӯ. Эти камба̀ лама̀ и правитель проживали здѣсь, прибывъ изъ дэбэ-шун'а. Младшій братъ этого камба̀ былъ свѣтскимъ юношею. Онъ принесъ въ наше помѣщеніе блюдо масла и сушенаго творога и познакомился съ нами; я далъ ему въ подарокъ чулки, вязаные изъ хлопчатыхъ нитокъ.

16-го, во время нашей дневки правитель и шанцзотба̀ пригласили насъ и чествовали, подавши чаю. Когда я спросилъ у нихъ о наемныхъ подводахъ, которыя могли бы довезти насъ до Цзӯ, они сказали: «у насъ самихъ есть вьюки, которые нужно отправлять въ Цзӯ, вмѣстѣ съ этими вьюками мы доставимъ и васъ».

17-го послали за подводами, а мы опять дневали.

18-го, при отправленіи они взяли съ насъ за 6 муловъ вьючныхъ и за одного мула верховаго до Цзӯ, за каждаго вьючнаго — 8 цѝновъ серебра, а за верховаго 1 ланъ серебра. Взялись они доставить, разсчитывая по одному цѝну въ день за разстояніе, которое можно проѣхать въ 8 дней. Собственный ихъ грузъ 18-ти вьючныхъ муловъ доставляли два человѣка.

Выступивъ сего 18-го числа и переправившись черезъ Накчу̀-хара̀-усу̀, мы заночевали на пограничномъ ӧртӧ̄. Ӧртӧ̄ есть монгольское названіе людей, содержащихъ почтовыя подводы (= почтовая станція). Люди (доставлявшіе грузы прави-

---

64) Гар-ма̀, полнѣе, гар-ма-нга̀ = $^1/_3$ рам-ка; другими словами путешественникъ нашъ роздалъ по 1 рам-ка̀, или по одному цѝну серебра, на три человѣка.

теля и шанзотбы̀) ѣхали съ правомъ брать съ этихъ ȍртō топливо и вызывать человѣка, чтобы сторожить ночью подводы. 19-го, въ ту пору какъ мы покочевали и пошли, упалъ вьюкъ съ одного славнаго мула, и у него сломалась нога. Тамъ мы его и бросили, а кладь его раздѣлили по всѣмъ вьюкамъ и, завьючившись, пошли снова. Засимъ перевалили два небольшихъ увала Гӯр-чӯнъ и Гӯр-чэнъ и ночевали на второмъ ȍртō.

20-го числа ночевали у поселка, именуемаго Сапшингійнъ-сацàкъ, у восточнаго подножія горы Самтàнъ-кансàръ.

21-го ночевали близъ Нàйманъ-субургà. Здѣсь, по борту дороги находятся воздвигнутыми рядкомъ восемь субургàновъ.

22-го числа, слѣдуя истоками рѣки Дамы̀йнъ-гòла и миновавъ большое кӯрдэ, именуемое Ягрàй корчэнъ, [65]) засимъ переваливъ черезъ два небольшихъ перевала и спустившись внизъ по пади, именуемой Хлакàнъ-дӯнъ, ночевали на берегу рѣки Рарэнгъ. Говорятъ, что въ разстояніи 20 верстъ отсюда находится Рарэнгъ-кйтъ; мы, предполагая поклониться на обратномъ пути, не пошли въ него [66]).

Отправившись 23-го числа, мы переправились черезъ рѣку Пондà; въ это время одинъ мулъ со своимъ вьюкомъ слетѣлъ въ воду и, будучи влекомъ воднымъ теченіемъ, около версты шелъ

---

65) Ягрàй корчэнъ — буквально «ягрàйское большое кӯрдэ». Вѣроятно, здѣсь были встарину. а можетъ быть существуютъ и до нынѣ, кочевья пограничнаго тибетскаго поколѣнія Ягрàевъ.

66) Ра-рэнъ, называемый нѣкоторыми «Ра-дэнъ» (རྭ་སྒྲེང་) монастырь основанный въ 1055 году Брòмъ-бакші'емъ, основателемъ секты Гàдамба (см. Waddell, The Buddhism of Tibet, or lamaism, p. 274, а также у Pander'a, Das Pantheon des Tschantscha Hutuktu, s. 51, № 28). Мѣсто это почитается весьма священнымъ особливо потому, что здѣсь находится кумиръ гСангъ-аДӯй'наго Вàчжра Маньцзӯшри (འཇམ་དཔལ་རྡོ་རྗེ), извѣстный подъ именемъ Чжӯ-Чжамбàлъ дор-чжѝ (ཇོ་བོ་འཇམ་དཔལ་རྡོ་རྗེ). По разказамъ тибетской географіи Минь-чжулъ-хутухты, въ ЮЗ. части этого монастыря находятся монументы многихъ древнихъ гàдамскихъ начальниковъ и два ключа, составляющихъ обиталище драконовъ; огромная сосновая роща, о которой говорятъ, что она выросла изъ посаженныхъ волосъ съ усніши Брòма и многія другія достопримѣчательности.

въ водѣ; мы едва вытащили его, пустивъ на лошади верховаго человѣка: мулъ остался живъ, а вьюкъ высушили, — большого убытка не было. На этой рѣкѣ есть желѣзный мостъ, по которому проходятъ пѣшеходы; я прошелъ пѣшкомъ по этому желѣзному мосту. На правомъ берегу этой рѣки находится городъ, построенный на верху скалистаго горнаго мыса. Зовутъ его Пондà-чжòнъ. «Чжòнъ» называется мѣсто, въ которомъ находится установленное управленіе и проживаетъ правитель.

24-го числа, покочевавъ, мы прошли неподалеку, приблизительно въ трехъ верстахъ, отъ маленькаго монастыря, именуемаго Даклàнъ гомбà [67]). Мы какъ люди, ѣдущіе на наемныхъ подводахъ и не имѣвшіе возможности разъѣзжать по своему желанію, не посѣтили въ него. Слѣдуя такимъ порядкомъ и переваливъ черезъ перевалъ Чаклà, мы ночевали подъ этимъ перевадомъ. Этотъ перевалъ былъ также трудный и высокій перевалъ.

25-го числа прошедши съ боку Пэмбӯ-чжòн'а и переправившись черезъ рѣку Пэмбӯ, начали подниматься на перевалъ Колàнъ и ночевали на серединѣ этого перевала.

26-го числа отправившись по утру, когда взобрались мы на вершину перевала, то показались золотыя крыши Цзӯ. Тотчасъ же сошли мы съ лошадей, совершили три поклона и положили молитвенное благословеніе. Когда, двинувшись дальше, спустились мы къ подножію перевала, намъ встрѣтился шанцзотбà чокà'скаго мицàна, хардòнскаго камцàна, брàйбунъ-гомàнскаго дацàна со своимъ приближеннымъ ламòю, котораго звали Чòйинъ. Поздоровавшись, мы спросили ихъ о причинѣ (встрѣчи и оказалось, что) это были люди, которые, прослышавъ о насъ

67) Болѣе полно монастырь этотъ называется Чжàнъ - Даклӯнъ (བྱང་སྟག་ལུང་) т. е. «сѣверный» Даглӯнъ. По сказанію сочиненія: [illegible] здѣсь находятся мощи Брòмъ-бакшù, каковыми собственно этотъ монастырь, вѣроятно, и замѣчателенъ.

вѣсть отъ пріѣхавшихъ напередъ насъ въ Цзӯ, выѣхали встрѣтить. Этотъ шанцзотбȧ, принадлежавшій по происхожденію хошӯну ȧлашȧньскаго вȧна и Чӧйинъ, принадлежавшій къ хошӯну вȧна алтȧйскихъ дӧрбӧтовъ, имѣли въ Цзӯ свое постоянное мѣстопребываніе. Послѣ сего мы, двигаясь вмѣстѣ, миновали сбоку, поблизости, Сэра-кйтъ и въ вечерній полдникъ достигнувъ до Цзӯской Хласы, получили высшую изъ человѣческихъ радостей.

Говорятъ, что пространство отъ Нȧйджи до Накчӯ измѣряется въ 700 верстъ, а отъ Накчӯ до Хласы въ 300 верстъ.

Засимъ мы, слѣдуя за пріѣхавшими вмѣстѣ съ нами сотоварищами, сложили свои вьюки въ одной комнатѣ, въ подворьи, гдѣ они остановились и, отправившись, совершили поклоненіе лику Цзӯ-Шакчжамӯни. Существуетъ мѣстный обычай, что человѣкъ, добровольно прибывшій издалека, не вкушая пищи, не доводя до конца дня, не садясь, немедленно по пріѣздѣ совершаетъ поклоненіе. Пока мы поклонились кумирамъ, во главѣ которыхъ лики двухъ Цзӯ и пришли назадъ, закатилось солнце. Послѣ того, пришедши въ свой бȧйшинъ, мы напились чаю и заночевали.

27-го числа, когда мы стали дѣлать распросы, предполагая найти бȧйшинъ, въ которомъ можно было бы помѣститься и жить, тѣ двое встрѣтившихъ насъ ламъ пригласили насъ идти за ними и привели насъ въ подворье, назывaвшееся дэбэ-шун'скій том-сак-канъ [68]). Этимъ же днемъ мы перетащили свои вьюки въ это подворье и поселились здѣсь на жительство. Имѣется обычай, по которому поклонникамъ, прибывшихъ изъ дальнихъ мѣстъ, дается безплатно бȧйшинъ для проживанія.

Послѣ сего мы, отдѣлившись отъ прежнихъ знакомыхъ своихъ товарищей, оказались совершенно безъ средствъ узнать

---

68) ཁྲོམ་གཟིགས་ཁང «том-сак-канъ» буквально значитъ «подворье обращенное фасадомъ къ рынку», или «къ общественному колодцу»; это, конечно, прозвище подворья, которое, въ силу поименованія его дэбэ-шун'скимъ, представляетъ собою, несомнѣнно, общественное учрежденіе.

что-либо впредь до пріисканія снова знакомыхъ; а когда спросили мы кое что у тѣхъ двухъ ламъ, выѣзжавшихъ къ намъ навстрѣчу, они сказали намъ: «Вамъ нечего безпокоиться: во всемъ, что только будетъ вамъ необходимо, мы будемъ вашими помощниками. Мы оба явились къ вамъ вслѣдствіе наказа, даннаго намъ изъ нашего мицȁна, чтобы быть намъ товарищами-руководителями прибывающимъ въ теченіе этого года съ низовья паломникамъ, а равно всѣмъ, приходящимъ изъ нашего родного хошӯна». Тогда мы взяли ихъ товарищами-руководителями и купили пищевыхъ продуктовъ, топлива, воды и другихъ кое какихъ немедленно нужныхъ вещей.

Основная мѣстность этой тибетской страны, именуемая Хлȁса, является городомъ, построеннымъ на лѣвомъ берегу рѣки Ӱ. Посрединѣ его находится кумирня такъ называемаго «Большого Цзӯ». Она имѣетъ четыре позолоченныхъ крыши, двери же ея построены, будучи обращеными на западъ. Всрединѣ ея множество бурхȁновъ, во главѣ которыхъ ликъ Шакчжамӯнѝ [69]). Въ бȁйшинахъ, построенныхъ съ наружной стороны этой большой кумирни, помимо тибетцевъ проживаютъ и производятъ торговлю китайцы, балбȍ'сцы и качійцы, — таковыя три иноземныя народности. И кумирня, и бȁйшины построены изъ камня. Не подалеку отъ сѣвернаго конца этого города находится кумирня Малаго Цзӯ, именуемая «Ра-мо-чэ». Это опять таки кумирня съ позолоченною крышею; двери ея построены обращенными въ восточную сторону, а всрединѣ ея также мно-

69) Легенды о происхожденіи этого Цзӯ разказаны у Кёппена (Köppen, Die Religion des Buddha, II Band, s. 62—64). Статуя представляетъ Багавана въ 12-ти лѣтнемъ возрастѣ и, по убѣжденію вѣрующихъ, была сдѣлана въ Магадѣ еще при жизни будды. Кумирня Большого Цзӯ почитается древнѣйшею изъ хласȁскихъ кумиренъ, будучи основана въ началѣ VII в. Сронцзȁнъ-гамбȍ хȃномъ; но съ тѣхъ поръ въ ней было сдѣлано много пристроекъ, а въ XVII в. эта кумирня была перестроена почти заново. Планъ кумирни Большого Цзӯ представляетъ намъ Giorgi, въ своемъ сочиненіи Alphabetum Tibetanum. (Romae. 1762 an.). Замѣчательно, что Гюкъ, въ противуположность показаніямъ нашего путешественника, свидѣтельствуетъ, что кумирня эта имѣетъ входныя двери обращенными на востокъ.

жество бурхановъ, во главѣ которыхъ снова является ликъ Шакчжамуни, извѣстный подъ именемъ Малаго Цзу. Этимъ Малому Цзу вмѣстѣ съ Большимъ Цзу срединной большой кумирни даютъ названіе «двухъ Цзу». Въ старинныя времена, когда помимо крышъ этихъ двухъ кумирень въ Тибетѣ не было другихъ зданій съ золотыми крышами, и вошло въ молву прозвище «цзу'скихъ золотыхъ крышъ»; въ современныхъ монастыряхъ, говорятъ, есть множество кумирень съ золотыми крышами. Большая часть населенія, постоянно живущаго въ этой Хласѣ, дѣлаетъ ее городомъ, въ которомъ проживаетъ свѣтскій народъ; но есть здѣсь и небольшіе монастыри и кумирни. Къ востоку отъ кумирни Большого Цзу, врядъ съ нею, находится еще кумирня съ позолоченною крышею, именуемая Чойчжонъ-цзан-канъ [70]); при ней состоитъ около 200 хуваракoвъ. Къ сѣверу отъ нея въ городѣ находятся: Балданъ-маджудъ дацанъ, съ 500-ми хуваракoвъ; Бодъ-джудъ дацанъ, — также съ 500-ми хуваракoвъ; Мури-дацанъ, съ 300-ми хуваракoвъ; Цэмо-линъ, имѣющій свыше 100 хуваракoвъ; Шидда дацанъ, имѣющій также свыше 100 хуваракoвъ; и Дан-чжай линъ, имѣющій свыше 200 хуваракoвъ. Эти монастыри располагаются къ западу отъ кумирни Большого Цзу. Этотъ Дан-чжай линъ есть монастырь Дэму-хутухты. Въ домахъ обычныхъ простолюдиновъ и хуваракoвъ крышъ не имѣется: поверхъ потолка дѣлается смазка изъ глины и песку и верхушка ихъ является плоскою. Байшинъ, въ которомъ проживаетъ китайскій амбань, находится на окраинѣ города, къ ЮЗ отъ Хласы. Все это вмѣстѣ взятое называется Хласой. Проживаетъ въ ней свыше 10,000 человѣкъ.

Къ западу, приблизительно побольше версты отъ городской окраины, на каменистой горѣ, именуемой Бодала, находится

---

70) གཙང་ значитъ «чистый», «святой», а ཁང་ «жилище»; по буквальному переводу: «Чойчжонгійнъ цзан-канъ» будетъ значить: «священное жилище генія хранителя» (Хласы).

большая кумирня, съ четырьмя или пятью позолоченными крышами, называющаяся дворцомъ далȁй ламы̀. По своей высотѣ гора эта, кажется, будетъ около полуверсты. Самая кумирня снабжена воротами съ четырехъ сторонъ, за всѣмъ тѣмъ какъ посмотришь снаружи, то она имѣетъ видъ построенной фасадомъ на югъ. Стѣны южной стороны ея по своей высотѣ имѣютъ окна въ 9 этажей. Въ этой кумирнѣ проживаетъ далȁй-ламȁйнъ-гэгэ̀нъ. Непосредственно къ западу отъ этой Бодалы̀ возвышается скалистая гора, по имени «Чжак-пур-ри», а на ней, говорятъ, находится медицинскій учебный монастырь, именуемый Ман-бадацȁнъ [71]). Отъ Бодалы̀ онъ, повидимому, на разстояніи побольше версты. Далѣе отсюда, опять таки приблизительно въ верстѣ, эти горы оканчиваются; на окраинѣ ихъ находится маленькій монастырь, именуемый Гундȕй-лѝнъ. Къ западу отъ него, въ разстояніи опять приблизительно на версту, находится бȁйшинъ, въ которомъ далȁй-ламȁ проживаетъ въ лѣтнее время и который называется Норбȕ-линкȁ. Дворецъ этотъ построенъ среди разведеннаго сада. Далȁй-ламȁ переселяется туда въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ овцы, а въ средней осенней лунѣ, свиньи, перемѣщается въ бодалȁ'скій дворецъ. Въ настоящую пору онъ, какъ говорили, проживаетъ въ этой лѣтней своей кумирнѣ, именуемой Норбȕ-линкȁ.

И такъ, въ общемъ, по расположенію, этотъ городъ Хласа можетъ быть раздѣленъ на три части, а именно: всрединѣ находится кумирня Большого Цзȳ. Въ тибетскихъ бȁйшинахъ, построенныхъ наряду съ этою кумирнею, вокругъ ея, во мно-

---

71) Нашъ авторъ записалъ названіе этой горы, очевидно, по слуху, и на томъ же основаніи передалъ его тибетскими буквами; оттого въ составленной имъ тибетской транскрипціи этого слова нѣтъ никакого смысла. Въ дѣйствительности, гора эта называется и въ литературѣ имя ее является въ формѣ Чжаг-бо-ри (ལྕགས་པོ་རི), что значитъ «желѣзная гора» и, можетъ быть, гора эта дѣйствительно содержитъ въ своихъ нѣдрахъ желѣзо. По вѣрованію буддистовъ, она замѣчательна главнымъ образомъ тѣмъ, что здѣсь обитаетъ бодисȁтва Вачжрапȁни.

жествѣ проживаютъ китайскіе и балбо̀'скіе торговцы. Между этими ба̀йшинами и кумирнею залегаетъ пространство, шириною приблизительно въ 2 слишкомъ сажени, по которому совершается молитвенное обхожденіе вокругъ (Цзӯ); его называютъ «внутреннимъ кругооборотомъ». Вторая часть такова: изъ числа помянутыхъ ба̀йшиновъ нѣкоторые построены въ рядъ по два, по три ба̀йшина, а нѣкоторые въ рядъ по пяти, шести ба̀йшиновъ и такимъ образомъ выведены многочисленныя городскія улицы и переулки. Съ внѣшней стороны (позади) ихъ находится открытая пустая площадь, приблизительно въ 20 саженей; ее зовутъ «дорогою срединнаго кругооборота». На эту пустую площадь ежедневно выходитъ рыночная торговля. Третья часть: съ наружной стороны (позади) этой площади располагаются ба̀йшины, построенные особнякомъ, по одиночкѣ, а по окраинѣ этихъ ба̀йшиновъ — кумирня Малаго Цзӯ, вышепоименованные маленькіе монастыри, подворье, въ которомъ проживаетъ китайскій амба̀нь, засимъ Бодала̀; (далѣе) находится такъ называемая «дорога наружнаго кругооборота», по которой можно обойти вокругъ всего этого. Такъ какъ лагерь китайскихъ войскъ построенъ за этою дорогой, то обыкновенно говорятъ, что онъ существуетъ внѣ Хла̀сы [72]). Поклонниковъ, приходящихъ въ Хла̀су множество. У дала̀й-лама̀йнъ-гэгэ̀на ежедневно имѣется время для поклоненій и совершаются поклоненія, приблизительно, въ 9 часовъ утра.

И такъ мы, 3-го числа слѣдующаго мѣсяца, собаки, отправились въ Норбӯ-линка̀ и совершили поклоненіе дала̀й-лама̀йнъ-гэгэ̀ну. Кланяться на этомъ поклоненіи — очень не трудное дѣло.

---

72) «Географія Тибета Миньчжулъ хутухты» опредѣляетъ нахожденіе этой китайской крѣпостцы съ небольшимъ въ верстѣ на С. отъ Хласы и болѣе точно разказываетъ, что она «воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ Ойра̀тскіе Чжунга̀ры располагались лагеремъ во время разбитія Хла-в-занъ ха̄на». Крѣпость эта называется Чжа-ши-танъ (དགྲ་ཞི་ཐང), что по буквальному переводу обозначаетъ «долину, на которой усміренъ непріятель». (Васильевъ, Географія Тибета. СПБ. 1895 г. стр. 27).

Когда благородные и чернь, всякій, кто только имѣетъ намѣреніе поклониться, соберутся ко времени, въ которое жалуется поклоненіе, гэгэнъ является въ большую залу, гдѣ совершаются поклоненія и садится на тронъ вышиною около двухъ аршинъ. Въ эту пору съ обѣихъ сторонъ отъ гэгэна и до дверей выстраиваются въ рядъ до двухсотъ человѣкъ заслуженныхъ чиновъ духовнаго и свѣтскаго званія, а за дверями этой залы, по обѣимъ сторонамъ дверей садится въ рядъ до 100 человѣкъ. Между этими людьми проводятъ одного за другимъ, непрерывною лентою, поклонниковъ и, подведя къ гэгэну, удостоиваютъ принять благословеніе (возложеніемъ) руки. Если кто-либо изъ поклонниковъ этого дня поднесетъ гэгэну въ кушанье чайникъ чаю и сосудъ съ рисомъ, то всѣхъ этихъ поклонниковъ сажаютъ; гэгэну подносятъ въ его чашкѣ начатокъ изъ этихъ принесенныхъ чая и рису, а остальное раздаютъ въ причащеніе тѣмъ, предстоящимъ гэгэну лицамъ, гэгэновскимъ прислужникамъ и поклонникамъ; остатки въ чашѣ, изъ которой отвѣдывалъ гэгэнъ, жалуются особливо именно тому человѣку, который принесъ чай и рисъ. Такъ какъ мѣстные жители разказали намъ обо всѣхъ этихъ порядкахъ, то мы за двое, или за трое сутокъ раньше доложили завѣдывающему эти дѣлами дѣлопроизводителю, что и мы на своемъ первомъ поклоненіи поднесемъ чай и рисъ въ кушанье. Онъ довелъ о томъ до свѣдѣнія выше, старшимъ дѣлопроизводителямъ, и когда обратно получилось разрѣшеніе, то распорядитель, завѣдывающій чаемъ и кушаньемъ, пришелъ и получилъ деньги за приносимые чай и рисъ, (передавъ ихъ) собственному гэгэновскому повару. Гэгэновскій поваръ и прочіе прислужники цȁба обыкновенно изготовляютъ (цȁбъ) и, когда поклонники усаживаются для поклоненія, собственными руками приносятъ его и подаютъ гэгэну. За чай и рисъ въ кушанье я представилъ 8 лȁнъ чистымъ серебромъ. Далѣе, когда кланяются на поклоненіи, то принесшіе гусӯн-тӯк'скій мȁндалъ представляются прежде, чѣмъ люди безъ мȁндала. Мы, опять таки приготовившись поклониться съ поднесеніемъ гусӯн-тӯк'скаго мȁндала,

представили завѣдывающему этимъ дѣломъ человѣку 5 лàнъ бѣлаго серебра. Пока дѣлопроизводители представляли по начальству это дѣло и получилось разрѣшеніе, мы прождали три, или четыре дня; впрочемъ люди, не представляющіе ни мàндала, ни цзѻка, если будутъ они кланяться, принося одинъ хадàкъ, или, въ крайнемъ случаѣ, даже одинъ самбàй, могутъ совершать поклоненіе въ любой день, безъ всякаго ожиданія.

Засимъ, когда по утру 3-го числа этого мѣсяца собаки пришли мы пѣшкомъ изъ Хлàсы въ Норбỳ линкà, то поклонники были уже въ сборѣ и на поклоненіи этого дня кланялось человѣкъ 300, 400. Напередъ ихъ ввели и дали поклониться намъ. Поклонниковъ этихъ обыкновенно заставляютъ проходить непосредственно другъ за другомъ, а вводящіе и сопровождающіе ихъ привратники держатъ въ рукахъ длинныя, предлинныя плети, вводятъ же и сопровождаютъ люди высокаго, превысокаго роста. Проведя насъ посрединѣ размѣстившихся вышеписаннымъ образомъ гэгэ̀на и предстоящихъ ему прислужниковъ, и поставивъ передъ гэгэ̀номъ, они заставили насъ трижды поклониться, касаясь лбомъ до земли; а когда мы поднесли своими руками поданный намъ мàндалъ, то гэгэ̀нъ соблаговолилъ принять его своими руками и передалъ стоявшему поблизости сѻ̀йбуну. Еще поднесъ я при гусỳн-тỳк'ѣ, по порядку: одного бурхàна, одну религіозную книгу и одинъ субургàнъ, а далѣе положилъ на столъ длинный хадàкъ, 5 лàнъ бѣлаго серебра и золотую монету нашего русскаго царя; засимъ, когда, снявъ шапку, хотѣлъ я получить благословеніе, то гэгэ̀нъ соизволилъ положить мнѣ на голову въ благословеніе свои руки. Тотчасъ же, безъ замедленія, меня провели дальше и допустили къ рукѣ слѣдующаго человѣка. Для предшествующаго (между тѣмъ) сѻ̀йбунъ свивалъ кусочекъ краснаго или желтаго шелка, освящалъ его дуновеніемъ и жаловалъ ему такой снурокъ, подъ названіемъ «цзангя̄». Насъ всѣхъ посадили передъ гэгэ̀номъ и удостоили остатковъ чая и рису отъ кушанья гэгэ̀на. Въ то же время находящійся при гэгэ̀нѣ переводчикъ подошелъ къ намъ и сказалъ

намъ по монгольски: «гэгэнъ спрашиваетъ, всѣ ли вы въ дорогѣ пришли въ добромъ здоровьи и пребываютъ ли въ мирѣ вѣра и гражданское правленіе каждой (пройденной вами) страны»? Мы, сидя, отвѣчали, что пріѣхали благополучно и страны находятся въ спокойствіи, а потомъ поклонились. Тотъ человѣкъ передалъ гэгэну и помимо этого онъ ничего не спрашивалъ. Засимъ гэгэнъ соизволилъ преподать пришедшему на это поклоненіе народу лунъ на двѣ маленькихъ священныхъ книги: «д'Галдан-лхабчжа-ма» и «Пакс-сдодъ».

Прозвище этого гэгэна далай-ламы Тубданъ-чжамцо [73]); отъ роду ему, говорятъ, семьнадцать лѣтъ. Платье, которое онъ носитъ, составляютъ безрукавныя шабинскія одежды; сверхъ сего у него большое оркимчжи, а поверхъ его желтый, шелковый плащъ. Находящіеся при немъ сойбуны, равно какъ и всѣ вообще монашествующіе тибетской страны ходятъ въ безрукавной шабинской одеждѣ.

Вышедши отсюда, мы отправились къ ламѣ, Чжамба-римбочэ, учителю, преподававшему науки гэгэну далай ламы съ самаго ранняго его дѣтства и имѣвшему, говорятъ, 80 лѣтъ отъ

73) Гэгэны далай-ламъ, какъ извѣстно, почитаются теперь верховными изъ іерарховъ ламаизма, каковое значеніе утвердилось за ними, впрочемъ, не ранѣе закрѣпленія маньчжурами за далай ламою свѣтской власти надъ Тибетомъ. Событіе это относится собственно уже ко временамъ пятаго далай-ламы, хотя послѣдній былъ, повидимому, первымъ, объявившимъ себя воплощеніемъ бодисатвы Авалокитэшвары, причемъ онъ указалъ, что такими же перерожденцами были четверо предшествовавшихъ ему великихъ ламъ, начиная съ верховнаго ученика Цзонхавы. Въ нашей литературѣ до сего времени еще остаются неизвѣстными всѣ существовавшіе доселѣ далай-ламы, а потому мы представляемъ здѣсь списокъ ихъ именъ, въ точномъ воспроизведеніи тибетской транскрипціи и съ приблизительнымъ опредѣленіемъ года ихъ рожденія и смерти. 1) дГэ'дун-гРуб-па (1391—1475); 2) дГэ'-дун-рГья-мцо (1475—1543); 3) бСод-намс-рГья-мцо (1543—1589); 4) Їон-дан-рГья-мцо (1589—1617, — урожденецъ Монголіи); 5) Наг-дБан-бЛо-бСан-рГья-мцо (1617—1682,—первый далай лама); 6) Цзанс-дБьянс-рГья-мцо (1683—1706—низложенъ и убитъ въ періодъ смутъ, возникшихъ изъ-за власти надъ Тибетомъ); 7) сКал-бсан-рГья-мцо (1708—1758); 8) гЛо-бСан-бсДан-бай-дВан-чжук-Чжам-дБал-рГья-мцо (1758—1805); 9) Лун-рТогс-рГья-мцо (1805—1816); Цул-кримс-рГья-мцо (1819—1837); 11) мКас-гРуб-рГьям-цо (1837—1855); 12) Прин-лас-рГья-мцо (1856—1874); 13) Туб-бсДан-рГья-мцо (1876 г. живущій до сего времени).

роду; пошли въ его жилище и поклонились. Вознеся предъ нимъ также мàндалъ и кушанье, мы поднесли ему еще хадàкъ и одинъ золотой. Онъ пожаловалъ намъ чаю, спрашивалъ о благосостояніи странъ, о томъ какъ шли мы въ дорогѣ и еще кое о чѣмъ по мелочи, а засимъ соблаговолилъ намъ лу̀нъ «Майдарійнъ йӧрбл'я, а также пожаловалъ хадàкъ и цзянгя̄. О немъ говорятъ, что онъ ламà-хубилгàнъ Мàйдари. Засимъ мы возвратились и ночевали въ Хласѣ.

4-го числа пришли вѣстовые изъ Хардунъ-канцàна и принесли намъ хадàкъ и цѣльную баранью тушу, со словами: «это милость, которая жалуется вамъ отъ нашего канцàна въ виду того, что вы старинные наши милостынедатели, которые прибыли изъ дальнихъ странъ». Мы подали имъ чаю и когда разговаривали, спрашивая объ обстоятельствахъ, то оказалось вотъ что. Отъ стариковъ слыхали мы, что былъ такъ называемый у насъ «Хардунгійнъ-кѝтъ», построенный на совокупныя средства нашихъ четырехъ ойрàтовъ; къ этому-то кѝту они и принадлежали. Въ «четырехъ желтыхъ монастыряхъ», въ каждомъ изъ нихъ, находится по одному Хардунъ-канцàну. Каждый, принадлежащій по происхожденію къ четыремъ ойрàтамъ, кто бы онъ ни былъ, благородный или худородный, долженъ помѣщаться въ Хардунѣ. Шабинàры, проживающіе въ этихъ Хардунахъ, когда пріѣзжаетъ въ Цзӯ кто либо изъ четырехъ ойрàтовъ, должны все ему показывать и во всемъ быть его сотоварищами. Мы сообщили имъ тогда о нашемъ мѣстожительствѣ и просили ихъ неотказывать и намъ самимъ въ разнаго рода помощи; при этомъ и они очень радовались.

5-го числа мы являлись къ гэгэну Дэмӯ-хутухты̀: представили ему также мàндалъ, да чай и рисъ въ кушанье и, поднеся хадàкъ, золотой и пять лàнъ серебра, поклонились. Отъ него мы удостоились прослушать лу̀нъ Габ-су̀м'а [74]). При сообра-

---

74) «Габ-сумъ» — названіе небольшаго сочиненія, заключающаго въ себѣ похвалу буддѣ Сакъямуни.

женіи о возрастѣ этого Дэмӯ-хутухты̑, кажется, что онъ имѣетъ, приблизительно, за тридцать. Онъ завѣдуетъ хāнскою печатью далāй-ламы̑ и является ламòю въ званіи «тибетскаго номы̑йнъ хāна». У гэгэ̄на далāй ламы̑ есть двѣ большихъ печати, называемыхъ, одна — «тамагà вѣры (= религіознаго управленія) тибетской страны», а другая — «тамагà хāнскаго (= гражданскаго) управленія»; тамагỳ вѣры онъ беретъ въ свои руки при вступленіи своемъ на каѳедру, а хāнскую (гражданскую) тамагỳ не принимаетъ до исполненія 18-лѣтняго возраста; по таковой то причинѣ этотъ Дэмӯ хутухтỳ и завѣдуетъ его тамагòю.

Ну-съ, итакъ, исполнивъ свое съ давнихъ поръ задуманное намѣреніе, достигнувъ живыми, въ настоящемъ своемъ существованіи, до страны драгоцѣннаго Цзӯ, совершивъ поклоненіе передъ благословенными предметами чествованія и бурхāнами, во главѣ которыхъ два Цзӯ и поклонившись Всевѣдущему гэгэ̄ну, чувствовали мы величайшую радость. Далѣе оба мы еще въ періодъ своего путеслѣдованія говорили между собою, что если будетъ судьба и достигнемъ мы живыми до Тибета, то нужно совершить приношенія по всѣмъ святымъ мѣстамъ; а хотя бы и не дошли, а умерли, такъ, помимо провьянтовъ для ѣды и питья, да носильнаго платья, у насъ ничего не пропадетъ, — идутъ съ нами сотоварищи, которые стали нашими пріятелями. По таковой то причинѣ рѣшили мы попробовать идти, не производя излишнихъ расходовъ и вотъ обстоятельство, въ силу котораго оба мы шли, перенося много суровыхъ лишеній. Тѣмъ, что поклонились мы сами, дѣло не должно было закончиться. Съ самаго начала, еще находясь въ своихъ кочевьяхъ, мы задумали привести въ извѣстность и возобновить путь, по которому могли бы ходить многочисленныя одушевленныя существа нашей страны. Такъ какъ мы шли, преслѣдуя еще и эту свою цѣль, а во время пути, еще по дорогѣ въ Тибетъ, слышали говоръ, что (въ Хласѣ) проживаетъ гэгэ̄новскій сòйбунъ, монголъ, именуемый бурятъ-Акбāнъ и слышно было, что если этотъ человѣкъ станетъ знакомымъ, то онъ будетъ очень полезенъ для монгола; зная это,

мы немедленно по прибытіи въ Хласу, и представились этому человѣку. Онъ очень обрадовался и оказалъ намъ много почестей. Мы сдѣлались очень хорошими пріятелями съ этимъ человѣкомъ, разговаривали съ нимъ, онъ руководилъ насъ въ каждомъ нашемъ дѣлѣ, а при представленіяхъ далȧй ламѣ и номыйнъ хāну этотъ Акбȧнъ отмѣнно указывалъ и сопутствовалъ намъ. Что касается до помѣщенія этого сȯйбуна, то онъ проживаетъ въ казенномъ бȧйшинѣ гэгэна и, по разказамъ, изъ людей, говорящихъ монгольскимъ языкомъ, не выходило еще человѣка, который такъ возвысился бы въ Тибетѣ, какъ онъ. Доложили мы этому Акбȧнъ сȯйбуну и о своихъ намѣреніяхъ, которыя обдумывали мы еще въ родныхъ кочевьяхъ, и о томъ какъ шли мы въ дорогѣ, и обо всемъ и просили его направлять какъ людей, имѣющихъ впослѣдствіи приходить изъ нашихъ кочевьевъ на поклоненіе въ Цзӯ, такъ и теперь насъ, обитателей страны, изъ которой уже много лѣтъ никто не приходилъ. Сверхъ сего мы вдвоемъ переговорили, что, будучи людьми, прибывшими изъ далекихъ мѣстъ и, претерпѣвая лишенія, шедшими въ теченіе цѣлаго года, мы, по справедливости, должны совершить какую либо отмѣнную добродѣтель. Доложили этому Акбȧнъ-сȯйбуну и на вопросъ къ нему, во что обойдется поднести даньшиќкъ гэгэну далȧй ламы̇, онъ отвѣчалъ, что это составитъ разсчетъ въ 1000 лȧнъ. Тогда мы собрали вещи, которыя покупали для приношеній и привезли съ собою, прибавили къ нимъ изъ денегъ, ассигнованныхъ на дорожное продовольствіе и, доведя по разсчету до 1000 ланъ, 9-го числа этого мѣсяца собаки поднесли даньшигійнъ мȧндалъ гэгэну. Внѣшнія формы принесенія этого даньшигійнъ мȧндала сходны съ вышеописанными формами поклоненій съ принесеніемъ гусӯн-тӯкскаго мȧндала, лишняго же есть вотъ что. Въ Бодалѣ имѣется дацȧнъ, приблизительно съ 400 хуварȧковъ, именуемый Намчжȧлъ-дацȧнъ, на обязанности котораго лежитъ отправлять хурӯлы у гэгэна. Изъ числа хуварȧковъ этого дацȧна, по мѣрѣ состоятельности приносителя, приглашаютъ хуварȧковъ; ихъ заставляютъ отслужить даньшиќ'скій хурӯлъ предъ гэгэномъ и,

по окончаніи этого хурула, приводятъ къ поклоненію вышеописаннымъ образомъ. Мы пригласили на этотъ даньшйкъ сто хуваракoвъ и заставили ихъ отслужить хурулъ; на этотъ хурулъ прибыли также Дэму-хутухту съ Йонцзанъ Чжамба-ринбочэ и сѣли передъ гэгэномъ. Изъ даньшйк'скихъ приношеній одну третью часть поднесли Дэму-хутухту, а Йонцзанъ Чжамба-ринбочэ поднесли 15 ланъ серебра. Засимъ, по старому порядку, посадили насъ передъ гэгэномъ и пожаловали намъ отъ остатковъ его кушанья, а еще повѣсили на шею бѣлый хадакъ изъ рукъ гэгэна. Намъ самимъ послѣдовала милость, отъ гэгэновскаго казначейства: пятьдесятъ ланъ серебра, три куска тибетскаго сукна [75]), двѣ лубочныхъ корзины тибетскаго чая, употребляемаго при кушаньяхъ далай ламою и одинъ свертокъ толстыхъ курительныхъ свѣчей; отъ казначейства Номыйнъ хана: хадакъ, одинъ кусокъ сукна, одна лубочная корзинка чая и 25 ланъ серебра; отъ Йонцзанъ чжамба-ринбочэ: одинъ хадакъ; отъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности: священныя рилу, священные снурочки для повязыванія на шею и освященная вода. Послѣ того какъ удостоившись такихъ милостей, мы вышли, насъ пригласили приходить къ сегодняшнему полуденному столу и оба мы въ большой залѣ гдѣ гэгэнъ жалуетъ поклоненія, вмѣстѣ съ прислужниками гэгэна удостоились принять въ пищу вареннаго мяса, проса и дзамбы. Гэгэнъ изволилъ кушать точно такое же кушанье въ особой комнатѣ. Мы удостоились также и остатковъ его кушанья.

Послѣ сего до 15-го числа этой луны мы совершали поклоненія и круговращенія по монастырямъ, прилежащимъ Бодалѣ и Хласѣ, а съ 16-го числа начали изыскивать средства дойти и поклониться озеру Окoнъ-тэнгри, спрашивали относительно

75) Тибетское сукно представляетъ собою узкую и замѣчательно прочную ткань, ширина коей рѣдко превышаетъ 10 вершковъ; куски его приготовляются по разсчету на полный халатъ, оттого длина ихъ обусловливается шириною, но во всякомъ случаѣ не бываетъ менѣе 12 аршинъ. По цѣнѣ тибетское сукно различествуетъ въ суммѣ отъ 1 лана 5 цин., до 20 ланъ и это различіе обусловливается исключительно достоинствомъ ткани.

того, какъ туда ходятъ. По слухамъ, въ понятіяхъ той страны признается, что если человѣкъ, намѣревающійся, въ видахъ добродѣтели, отправиться на поклоненіе, совершитъ свой путь пѣшкомъ, неся за плечами немножко пищи и поклонится, то добродѣтель его больше. Это было мнѣ очень по душѣ и я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ. Четыре монгольскихъ ламы, да насъ двое, таковыхъ шесть человѣкъ, слѣдуя па моемъ содержаніи въ передній и обратный путь, стали нашими путеводителями и спутниками. За симъ, взявъ котелъ и пищи на шесть человѣкъ, равно какъ и всего необходимаго въ дорогѣ, повьючили мы и провьянты, и котелъ на одну, старую, съ потертою спиною лошадь и, ведя ее въ поводу, въ полдень 21-го числа этого мѣсяца собаки выступили изъ Хласы и, переправившись въ лодкѣ изъ бычачьей кожи черезъ Ӱ-мӱрэнь, ночевали на правомъ берегу ея, въ степи.

22-го числа выступили съ разсвѣтомъ и остановившись въ простомъ а̀илѣ, располагающемся неподалеку противъ кумирни Ца̀лъ-гунтунгійнъ-сӱмэ, сварили и попили чаю. Двинувшись отсюда, мы прошли черезъ Дэ-чинъ цзонъ [76]) и Багаръ-шō, а потомъ заночевали на дворѣ у ба̀йшина какой то свѣтской семьи. Истоки этой рѣки Ӱ-мӱрэнь обращаются къ сѣверу-востоку; мы слѣдуемъ по правому берегу Ӱ мӱрэни, вверхъ по ея теченію. По обѣимъ сторонамъ рѣки очень высокія горы и мы идемъ по скату горъ правой стороны, по рѣчному берегу, по дорожкѣ, между скалами и водою. Когда я два дня прошелъ пѣшкомъ, сапоги у меня разбились, на ступняхъ обѣихъ ногъ образовались водяные мозоли и нынѣшнею ночью болѣли. «Что мнѣ дѣлать?» — спрашиваю у товарищей; «Говорятъ», отвѣчали они, «будто если

---

76) བདེ་ཆེན་རྫོང་ — городокъ построенный древнимъ дэбой чжишотскимъ; здѣсь есть знаменитый кумиръ Гонбо, сработанный ближайшимъ ученикомъ Цзонхавы и его преемникомъ по управленію Галданскимъ монастыремъ Хайдубомъ (མཁས་གྲུབ་) (см. Географ. Тибета, Васильева, стр. 29 и Prof Pander, Das Pantheon des Tschangtscha Hutuktu, s. 56).

помазать масломъ, да пожарить на огнѣ, то хорошо». Помазалъ я масломъ, пожарилъ на огнѣ и заснулъ.

На другой день, 23-го числа, отправившись по утру, мы прибыли приблизительно въ 7 часовъ утра въ Галда̀нъ-кѝтъ и поклонились. Этотъ Галда̀нъ-кѝтъ находится, говорятъ, въ 50 верстахъ отъ Хласы. Монастырь построенъ на горѣ, на правомъ берегу Ӯ мӯрэни и проживаетъ въ немъ, говорятъ, 3500 хувара̀ковъ. Построилъ этотъ монастырь Цзонкава̀йнъ-гэгэ̀нъ. Въ монастырѣ, въ одной златокровельной кумирнѣ воздвигнутъ субурга̀нъ и въ немъ, говорятъ, помѣщены останки Цзонкава̀йнъ-гэгэ̀на. Мы поклонились, принеся этому субурга̀ну жертву и лампаду. Засимъ, поклонившись въ кумирняхъ, мы одинъ разъ обошли вокругъ по дорожкѣ «внѣшняго монастырскаго круговорота». Послѣ сего мы принесли, по мѣрѣ силъ, въ этомъ монастырѣ ма̀нцзу и жертвы и ушли (изъ него) вечеромъ того же дня, нѣсколько раньше захожденія солнца. [77]) Когда мы спустились

77) Галда̀нъ-кѝтъ — одинъ изъ главнѣйшихъ гэлӯгба̀'скихъ монастырей въ Тибетѣ. Полное имя его, по географіи Тибета, составленной Миньчжулъ-хутухтою (см. стр. 29), является въ формѣ Галданъ-намбаръ-Чжалвай-линъ (དགའ་ལྡན་རྣམ་པར་རྒྱལ་བའི་གླིང་). Монастырь основанъ Цзонкавою въ 1409 г. (см. Цзонкавайнъ-намта̀ръ, гл. 7-я) и располагается, по сказаніямъ вышепомянутой географіи, въ окрестностяхъ горы Ван-кур-ри (དབང་བསྐུར་རི་), а по замѣткамъ Дж. Сандберга на холмѣ, который онъ называетъ Ан-коръ. Тотъ же Сандбергъ, подобно нашему автору, сообщаетъ, что главнѣйшимъ предметомъ поклоненія является здѣсь гробница Цзонкавы̀, которая помѣщается въ Tsug-la-k'an'ѣ. Послѣдній представляетъ собою высокое мавзолее-образное зданіе изъ мрамора и малахита, съ позолоченной крышей. Внутри его помѣщается массивный субурга̀нъ, сдѣланный изъ чистаго золота, а въ субурганѣ этомъ въ золотомъ же ящикѣ, обернутомъ тонкими и исписанными священными изреченіями матеріями, хранятся набальзамированные останки великаго буддійскаго реформатора, помѣщенные въ сидячемъ положеніи. Изъ числа другихъ здѣшнихъ святынь Сандбергъ указываетъ на великолѣпное изображеніе Ма̀йдари, на кумиръ Цзонкавы̀ въ натуральную его величину и др. Библіотека Галда̀нъ-кѝта заключаетъ въ себѣ большое число рукописей и священныхъ произведеній, — автографовъ Цзонкавы̀. Въ отличіе отъ другихъ большихъ гэлугба̀скихъ монастырей настоятелями Галда̀на всегда являются не хубилга̀ны, а простые ламы, избираемые изъ

внизъ съ горы, то тамъ находился субургàнъ, воздвигнутый надъ останками ламы̀ Личжѝ-дорчжѝ [78]); поклонившись этому субургàну и идучи отъ него, мы подошли къ одному свѣтскому àилю и заночевали, такъ какъ наступила ночь. Эти àили состоятъ изъ бàйшиновъ; населеніе имѣетъ понемножку скота и занимается посѣвомъ пашень. Таково по внѣшнимъ формамъ все населеніе, обитающее неподалеку отъ большихъ дорогъ: путники въ степи приготовляютъ и съѣдаютъ свою пищу, въ степи ночуютъ и помимо того что идти, даже и не думаютъ ночевать въ àилѣ.

24-го числа, двинувшись по утру, мы въ полдень сварили и напились чаю въ степи, а потомъ отправившись снова, заночевали неподалеку отъ àиля Мэдòкъ-гунгà. Далѣе мы шли слѣдуя правымъ берегомъ Ӱ̄-мӯрэ̀ни.

25-го числа отправившись по утру, мы пили утренній и полуденный чай опять таки въ степи и, не дошедши, за наступленіемъ ночи, до àиля, именуемаго Ринчѝнъ-лѝнъ, заночевали приблизительно въ одной верстѣ ближе его. Нынѣшнимъ утромъ мы шли, слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Мэдòкъ мачжѝнъ, вытекающей изъ Ӱ̄-мӯрэ̀ни и обращающейся въ восточную сторону. Въ эту ночь, когда мы уснули, привязавъ за свое тѣло единственную клячу, три пѣшихъ человѣка, уже послѣ полуночи, подошли съ намѣреніемъ украсть нашу лошадь; я выстрѣлилъ по нимъ два три раза изъ маленькаго револьвера и прогналъ ихъ. Изъ предосторожности я несъ съ собою свой маленькій револьверъ и вышло хорошо.

образованнѣйшихъ монаховъ трехъ монастырей: Галдàна, Сэры и Брàйбуна. (см. Survey of India Rèports). Болѣе полное перечисленіе Галдàнскихъ святынь находимъ въ «Географіи Тибета Миньчжулъ-хутухты» стр. 29—30).

78) Личжѝ-дорчжѝ=«великій чудотворецъ южныхъ горъ» (ལྷོ་བྲག་གྲུབ་ཆེན་) Это тотъ самый знаменитый ламà Личжѝ-дорчжѝ, о которомъ біографія Цзонкавы̀ (Богдò-Цзонхавàйнъ-намтàръ) разказываетъ какъ объ уроженцѣ южныхъ странъ, гдѣ онъ и жилъ первоначально; впослѣдствіи онъ прославился какъ учитель и одинъ изъ даровитѣйшихъ оппонентовъ Цзонкавы̀. Принявъ ученіе сего послѣдняго, онъ сдѣлался проповѣдникомъ новыхъ доктринъ, ходилъ по всему Тибету и скончался на этомъ мѣстѣ.

26-го числа выступивъ поутру, мы пили утренній чай, подошедши на недалекое пространство къ Ринчйнъ-лйну и, двинувшись отсюда, ночевали вблизи ѝиля, именуемаго Осо̀ръ-чжанѝ.

27-го числа, выступивъ поутру, мы уклонились съ большой китайской дороги. Доселѣ мы шли по китайской дорогѣ, направляющейся изъ Хласы въ Пекинъ; теперь эта отдѣлившаяся дорога, говорятъ, представляетъ собою путь, по которому далай-ламайнъ-гэгэнъ ѣздитъ къ озеру Око̀нъ-тэнгрй, именуемому Мулй-дингй-цō; по этому пути мы слѣдуемъ. Засимъ, попивъ полуденный чай въ степи, мы шли вверхъ по небольшой рѣкѣ, обращенной въ восточную сторону, миновали истоки этой рѣки на вершинѣ и ночевали въ безлюдной степи. Вершина эта не высока, но холодная и обладаетъ вредными атмосферными вліяніями мѣстности. Сегодня мы шли съ усталостью и изнеможеніемъ. Чувствуя большую жажду, мы съ Дорчжй выпили по одной чашечкѣ воды и эта вода болѣзненно упала на грудь: мы пришли на ночлегъ съ кашлемъ, голосъ осипъ, грудныя кости болѣли. Сверхъ сего въ эту ночь мы ночевали на степи, въ мѣстности холодной, съ мѣстными атмосферными вліяніями, и мало по малу въ организмѣ начинала чувствоваться еще большая тяжесть.

28-го числа, вставъ по утру, мы переговорили, что людямъ, вышедшимъ съ намѣреніемъ идти на жизнь и смерть, сидѣть не приходится, а потому, отправившись въ путь, попили два своихъ чая опять на степи и достигли до монастыря Чжин-чэ, когда солнце стояло еще высоко. Монастырь этотъ весьма древній; въ немъ имѣется кумирня съ золотою крышею, именуемая «Майдаріймъ-сумэ. Въ этой кумирнѣ находится множество кумировъ, во главѣ же ихъ воздвигнутъ бурхӑнъ Мӑйдари, величиною съ человѣка, а по правой и лѣвой сторонамъ его Дорчжйсэмбэ и Касӑръ-бāни [79]). Самъ монастырь не великъ и, говорятъ,

79) Дорчжй-сэмбэ тибетское наименованіе санскритскаго Вӑчжрасӑтвы. Ламайскіе вѣроучители приписываютъ этому божеству званіе тарнистическаго будды, хотя въ существѣ дѣла Дорчжй-сэмбэ, являясь эманаціею Акшобп,

имѣетъ только до 200 хуваръковъ. Въ цокчинскомъ дуганѣ находится такъ называемое Цзонкава-гэгэнэй-ширэ̄ (тронъ Цзонкавы), а также есть рисунокъ бурхана, написанный кровью, вытекшею изъ носа Цзонкавы-гэгэна. Монастырь этотъ хотя и небольшой, но ставится на видъ его древнее имя; здѣшній кумиръ Майдари также весьма славенъ въ Тибетѣ; а потому, говорятъ, онъ находится въ числѣ священнѣйшихъ мѣстъ, нося прозваніе Чжинчэйнъ-номыйнъ-сумэ. Мы, немедленно по прибытіи, совершили поклоненіе въ этихъ монастырѣ и кумирнѣ, обошли вокругъ нихъ и когда намъ дали маленькій пустой байшинъ, сказавши, чтобы мы ночевали въ немъ, остановились для ночлега. Представивъ манцзу и цзэдъ (мѣстному) духовенству и принеся жертвы и лампаду передъ ликомъ Майдари, мы удостоились благословенія и аршана, а засимъ нѣсколько попокоились и переночевали.

29-го числа выступивъ съ разсвѣтомъ, мы при движеніи ошиблись въ пути и пошли дорогою, которая ведетъ на гору, располагающуюся на восточной сторонѣ монастыря. Достигнувъ вершины горы, мы догадались о неправильности своей дороги и шли разсуждая, что намъ теперь дѣлать; а тѣмъ временемъ, въ пору солнцевосхода, пришла къ намъ съ горы какая-то старая старуха: она указала намъ дорогу, проводила насъ и, прошедши съ нами около версты, возвратилась. Чрезвычайно обрадовавшись, что съ вершины горы, изъ необитаемой мѣстности, въ пору, когда не всходило еще и солнце, явилась эта старая старуха и направила нашъ путь, мы дали этой старухѣ въ награду немножко денегъ и она снова ушла на гору [80]). Послѣ сего мы по

можетъ быть почитаемъ только бодисатвою. По внѣшнему изображенію Дорчжй сэмбэ во многомъ походитъ на Акшобы. Что касается Касаръ-пани, то это одна изъ формъ бодисатвы Авалокитэшвары, духовнаго сына Амитаба-будды.

80) Авторъ отмѣчаетъ этотъ случай, очевидно, подозрѣвая въ этомъ появленіи старухи нѣчто чудесное. Съ своей стороны отмѣтимъ, что, по крайней мѣрѣ въ Монголіи, очень многія благочестивыя старухи-шибаганцы ходятъ самымъ раннимъ утромъ, часовъ съ двухъ ночи, на горы для совершенія тамъ

указаніямъ этой старухи спустились внизъ по правой (южной) сторонѣ этой горы, нашли свою дорогу и пошли своимъ путемъ. Прошедши невдалекѣ отъ маленькаго монастыря, именуемаго Санъ-линъ-гомба, мы переправились по мосту черезъ верхнее теченіе рѣки Олка; выпили свой полуденный чай въ степи, еще прослѣдовали вверхъ по этой рѣки и заночевали въ степи. Нынѣшнимъ утромъ, когда, еще до восхода солнца, мы прошли приблизительно версты три кверху горы, да версты три спускались, грудь у насъ начало пучить, дыханіе усилилось и выступилъ обильный потъ; сверхъ того четверо изъ нашихъ людей, подвергшись мѣстному атмосферному вліянію, пришли (на ночлегъ больными; мы вдвоемъ пришли въ добромъ здоровьи. По общему обычаю, путешествующіе въ этихъ мѣстахъ не употребляютъ мяса въ большомъ количествѣ, а идутъ на чаѣ, да на мукѣ. Мы шли также на чаѣ, да на мукѣ. Въ теченіе дня, дважды къ черному (т. е. приготовленному безъ молока) чаю прибавляли замбу̀ и заночевывали, поѣвши кашицы изъ сухого бѣлаго проса, въ жесткомъ видѣ, безъ бульона, или какихъ либо соковъ. Способъ нашего движенія изо дня въ день былъ такой: Выступивъ съ мѣста ночлега при появившемся вновь утреннемъ разсвѣтѣ, мы останавливались, когда солнце всходило кверху, варили черный чай и пили, а тѣмъ временемъ, до подъема, ноги немножко отдыхали; потомъ отправлялись снова и послѣ полудня пили еще одинъ черный чай; далѣе шли до прекращенія дневного свѣта, а на ночлегѣ или дѣлали толокно изъ черной муки, или варили и пили черный чай. Помимо того что мѣстность эта гористая и скалистая, мы двое, при непривычкѣ къ мѣстнымъ атмосфернымъ вліяніямъ и къ хожденію на такое далекое пространство, уставали больше своихъ сотоварищей. Въ теченіе дня, при каждомъ изъ троекратныхъ движеній мы оставались назади и чувствовали себя непріятно, дѣлаясь предметомъ

жертвоприношеній (са̀нъ-табиху̀). Жертвоприношеніе ихъ весьма несложно и состоитъ въ сожиганіи на кострѣ благовонной травы (арца̀), причемъ ими наизусть читается приличествующая случаю молитва.

насмѣшки сопутствовавшихъ намъ сотоварищей; еще далѣе отстававшіе отъ своихъ спутниковъ, мы боялись какъ бы какой нибудь злонамѣренный воришка, повстрѣчавъ двухъ монголовъ, не ограбилъ насъ; хочемъ догнать товарищей, — но, помимо того что физическія силы плохи, подошвы на ногахъ покрылись водяными мозолями и идти скоро нѣтъ возможности. Засимъ изнуряемся мѣстными атмосферными вліяніями: грудь пучится, дыханіе усиливается. Впрочемъ, хотя и терпимъ такія физическія страданія, однако идемъ съ веселымъ духомъ, такъ какъ мы вышли, памятуя правила добровольно и по добродѣтели отправившихся поклонниковъ: «гдѣ ни умереть — все равно!».

30-го числа, выступивъ съ разсвѣтомъ, мы опять пили утренній и полуденный чай въ степи, перевалили черезъ Чжэлӯнгійнъ-дабāнъ, тоже трудный перевалъ, и ночевали въ степи.

1-го числа мѣсяца свиньи опять вышли съ разсвѣтомъ и, достигнувъ монастыря, именуемаго Чӧйнкоръ-чжа̀лъ [81]), пили здѣсь утренній чай. Монастырь этотъ является также нѣкоторымъ именитымъ мѣстомъ поклоненія: воздвигъ этотъ монастырь, говорятъ гэгэ̄нъ Гэндӯнъ-чжамцо̀ и содержитъ онъ въ себѣ до 400 хувара̀ковъ. Въ этомъ монастырѣ находится Око̀нъ-тэнгрійнъ сӯмэ̀. Заказавъ отслужить хурӯлъ, которымъ молятся Око̀нъ-тэнгрѝ и вознеся цокчо̀тъ [82]), мы вышли съ молитвою; когда же намъ сказали, что Мулѝ-дингійнъ цо̀ находится въ разстояніи приблизительно десяти верстъ, мы тотчасъ же пошли туда. Находится оно къ сѣверо-востоку отъ этого монастыря. Послѣ сего мы еле еле къ полудню достигли до вершины южной горы. Море это со всѣхъ сторонъ окружено горами; ни травы, ни деревьевъ

81) ཆོས་འཁོར་རྒྱལ་ По замѣчаніямъ географіи Миньчжӯлъ-хутухты̀, здѣсь находится дворецъ «всевѣдущаго», т. е. дала̀й-ламы̀.

82) Цок-чотъ—тибетское названіе жертвоприношенія (ཚོགས = [illegible] и མཆོད = [illegible]), въ дословномъ переводѣ обозначающее «сложная жертва». Въ составъ его входятъ главнымъ образомъ разныхъ родовъ яства: мука, мясо, пряженцы, чай, сушеный творогъ и проч.

нѣтъ; страшныя скалы и камни; губительныя атмосферныя вліянія. Сбоку дороги находится три маленькихъ озерка; зовутся они, говорятъ, Сэнгэ-дончжа̀нъ, Цусрѝнъ-дончжа̀нъ [83]) и Сэтэ̀бъ. Далѣе, сбоку дороги, въ нѣкоемъ плоскомъ камнѣ, внутри трехугольной впадины, имѣется немножко воды. Ее называютъ «Бага̀ цо̀» (малымъ озеромъ). Говорили, что если человѣкъ, имѣющій при себѣ гадательныя кости, положитъ въ него свою гадательную косточку, то послѣдняя дѣлается благословенною; мы бросили въ него свои гадательныя кости. При движеніи къ этому Мӯлѝ нӯру съ южной стороны, такъ какъ скалы и горы здѣсь утесисты, мы, восходя на вершину горы, дошли до нея съ чрезвычайно большимъ утомленіемъ. Мѣстное атмосферное вліяніе очень большое: дыханіе усилилось, ротъ совершенно ссохся; изнурившись, я молился, проливая изъ глазъ слезы. Припомнивъ, что человѣкъ, имѣющій дурную судьбу, не можетъ видѣть этого моря, а если умереть подошедши близко, то очень худо, я плакалъ и молился, взывая, что если мнѣ уже опредѣлено умереть, то пусть умру я, увидавъ и совершивъ поклоненіе передъ этимъ моремъ. Засимъ, когда живыми взошли мы на вершину, то тамъ находилось каменное сѣдалище, называемое трономъ, на которомъ садится далàй-ламàйнъ гэгэ̀нъ. Подошедши на недалекое разстояніе къ этому трону, мы дали себѣ отдыхъ и сидѣли, созерцая видъ этого моря. Далàй-ламàйнъ-гэгэ̀нъ въ каждомъ своемъ перерожденіи непремѣнно шествуетъ лично къ этому морю и приноситъ ему жертвы. Въ ту пору тронъ, на которомъ онъ садится, бываетъ (именно этотъ) каменный тронъ. Неподалеку отъ этого трона мы помолились, совершивъ сàнъ (молитвенное куреніе) и принеся хадàкъ, деньги и прочее. Отсюда до морской воды будетъ, повидимому, версты три. Подойти въ этомъ мѣстѣ для человѣка невозможно: горы черезъ чуръ утесисты, сплошь скалы, камни. Говорятъ, что общій внѣшній

83) Сэнгэ̀-дончжàнъ и Цусрѝнъ-дончжàнъ собственно имена двухъ спутниковъ докшàта Хлàмо. Первый изъ нихъ изображается съ львиною головою, а второй съ головою матàра.

видъ этого моря кажется прекраснымъ, голубовато-синимъ. Такой цвѣтъ разстилается отъ этого берега дальше, а засимъ цвѣтъ воды кажется бѣлесымъ; еще дальше получается красный цвѣтъ, далѣе желтый цвѣтъ, далѣе зеленый цвѣтъ, далѣе опять останавливается на голубовато-синемъ цвѣтѣ [84]). Такое диковинное и выпускающее много цвѣтовъ море! Разказываютъ, что въ этомъ морѣ обитаетъ Окдонъ-тэнгри̂. Среди окружающихъ горъ море имѣетъ форму вродѣ этакой: ∞. Для пѣшехода, идущаго вокругъ, оно, кажется, составляетъ пространство около дневного пути. Говорятъ, что человѣку, денно и нощно совершающему круговращенія и поклоны, показываются различныя вещи. Мы не могли оставаться здѣсь такъ долго и просидѣли въ молитвѣ приблизительно часа три. Въ ту пору какъ сидѣли мы такимъ образомъ, съ сѣверо-западной стороны зашла черная туча и пошелъ сильный съ шумомъ снѣгъ и градъ; тогда мы возвратились назадъ. Достигнувъ низовьевъ горы, мы сварили немножко чаю, попили и пошли. У подошвы этой горы, по сторонамъ дороги находятся слѣды муловъ и дикихъ звѣрей, вытоптанные на камняхъ скалъ, какъ будто вытоптанные на грязи [85]). Засимъ предположивъ попробовать дойти до монастыря и ночевать тамъ, мы пошли скорымъ шагомъ и во время, близкое къ

---

84) Миньчжу̂лъ-хутухта̂, разказывая объ этомъ же свойствѣ воды озера Балда̂нъ-хла̂мо, передаетъ его словами «མཐོང་སྣང་», каковое выраженіе проф. Васильевъ переводитъ: «различныя зрѣлища» (миражи?) Мы полагаемъ, что дѣло идетъ здѣсь не «о зрѣлищахъ» и «миражахъ», а словами этими указывается именно та особенность озера, которую отмѣчаетъ нашъ авторъ и по которой озерная вода въ различныхъ мѣстахъ кажется разноцвѣтною (སྣང) (см. Васильевъ, Географія Тибета, стр. 36).

85) Разказываемое обстоятельство мы находимъ еще отмѣченнымъ въ монгольскомъ сочиненіи: [illegible]» причемъ здѣсь сообщается еще о вѣрованіи ламаитовъ, по которому они видятъ въ этихъ слѣдахъ отпечатлѣвшіеся на камняхъ копыта и ступни тѣхъ животныхъ, на которыхъ ѣздятъ божественные спутники Хла̂мо.

исчезновенію дневного свѣта, пришли въ Чойнкоръ-чжалыйнъ кйтъ. Здѣсь мы ночевали, а 2-го числа, принесши манцзу монастырю и поклонившись кумирнямъ и бурханамъ, еще до наступленія полудня вышли обратно въ сторону Хласы. Слѣдуя пять дней по прежде пройденной дорогѣ, мы пришли и заночевали на берегу Ӱ-мӱрэни. На дорогѣ опять проявлялось мѣстное атмосферное вліяніе и, когда одинъ изъ нашихъ товарищей лишился возможности идти, мы взяли у нѣкоего путника, прошедшаго всего одинъ день пути, лошадь, выдали плату, посадили и привезли (своего больнаго). Теперь Хласа находилась отсюда всего на разстояніи трехъ дней. Одновременно съ симъ намъ сказали, что внизъ по этой Ӱ-мӱрэни до Хласы ходятъ лодки и въ ту же ночь мы поискали и нашли. Утромъ 7-го числа мы поручили одному изъ своихъ товарищей вести нашу клячу и идти сухимъ путемъ, а пятеро наняли лодку, съ уплатою до Хласы около одного лана серебра, сѣли и поѣхали. Лодка эта такова: сшиваютъ воедино четыре воловьихъ кожи; сгибаютъ тонкіе, тальниковые прутья и, сдѣлавъ ихъ на подобіе реберъ, покрываютъ сверху этою кожею. Такая лодка плыветъ, слѣдуя водному теченію; если она пойдетъ вбокъ, то ее направляютъ, упираясь деревяннымъ шестомъ въ землю; при движеніи вверхъ по рѣкѣ, ее вытаскиваютъ изъ воды и несутъ на плечахъ по землѣ. Въ полдень, вышедши на берегъ рѣки, мы сварили и напились чаю, а потомъ двинувшись снова, прибыли къ Хласѣ въ пору заката солнца. Вышедши изъ лодки, мы взвалили на плечи свои кое-какія вещи и пришли въ байшинъ, который мы занимали въ Хласѣ.

8-го числа, отправившись въ Норбу-линка, я представился и засвидѣтельствовалъ почтеніе бурят̄у Акбану. Еще до вышеописаннаго выхода своего изъ Хласы, я докладывалъ этому Акбанъ-сойбуну о возможности получить Аю̆кайнъ цэванъ отъ гэгэна. Послѣ нашего ухода онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія гэгэна и они рѣшили пожаловать этотъ «цэванъ» 15-го числа настоящей луны. Услыхавъ объ этомъ, я пришелъ домой съ радостью.

9-го числа прибылъ въ Хласу и провелъ здѣсь день.

10-го числа отправились на поклоненіе въ Бра̀йбунъ-ки̇тъ[86]). Монастырь построенъ на склонѣ горы Гэпэль, въ разстояніи приблизительно 12 верстъ къ сѣверо-западу отъ Хласы. Говорятъ, что въ Тибетской странѣ монастырь этотъ въ настоящую пору имѣетъ самое бо̀льшее число хувара̀ковъ. Прибывъ въ ки̇тъ, мы совершили поклоненія въ его кумирняхъ и хура̀лахъ и принесли ма̀нцзу. Здѣсь также имѣются кумирни съ золотыми крышами. Всѣ постройки — каменныя. Такъ называемый Цокчи̇нъ-дуга̀нъ представляетъ собою кумирню, въ которой помѣщаются и служатъ хура̀лы всѣ 10,000 хувара̀ковъ этого монастыря. Далѣе въ этомъ монастырѣ заключается четыре даца̀на: Гома̀нъ, Лōсалъ-ли̇нъ, Діӣнъ-даца̀нъ и Гакба̀-даца̀нъ. Въ каждомъ изъ нихъ имѣются свои кумирни и дуга̀ны. Въ Гома̀нъ-даца̀нѣ — 3500, въ Лōсалъ-линѣ — 5000 и въ Діӣнъ-даца̀нѣ — 1500, такъ проживаетъ всего 10,000 хувара̀ковъ. Далѣе въ Гома̀нъ-даца̀нѣ существуетъ 16 отдѣльныхъ общинъ; ихъ называютъ «канца̀нъ». Въ одномъ изъ этихъ канца̀новъ, именуемомъ «Харду̇нъ», проживаетъ 1000 хувара̀ковъ. Въ этомъ «Харду̇нскомъ канца̀нѣ имѣется девять «мица̀н'овъ». Такъ называемый «мица̀нъ» также заключаетъ въ себѣ а̀ймаки (отдѣленія). Изъ числа тѣхъ 9-ти мица̀новъ Чōка мица̀нъ имѣетъ 200 хувара̀ковъ. Говорятъ, въ этомъ Чōка-мица̀нѣ проживаютъ родичи 4-хъ ойра̀товъ; въ такъ называемомъ Чжорча̀дъ мица̀нѣ — живутъ

86) Waddell въ своемъ сочиненіи: «The Buddism of Tibet, or Lamaism» сообщаетъ, что Бра̀йбунъ построенъ въ 1414 году, по образцу большаго индійскаго монастыря Srī-Dhanya-Kataka, число же постоянно живущихъ здѣсь ламъ въ одномъ мѣстѣ исчисляется имъ въ суммѣ 7700, (p. 188—189), а въ другомъ—7000 (p. 269). Четыре отдѣльныя части монастыря группируются вокругъ большого собора, блестящая золотая кровля котораго видна издали. Въ передней части монастыря, по словамъ его, воздвигнута ступа, которая будто бы заключаетъ въ себѣ останки четвертаго дала̀й-ламы Йонда̀нъ-чжамцō. Миньчжу̇лъ-хутухта̀ перечисляетъ достопримѣчательности Бра̀йбуна съ большими подробностями, но онъ не упоминаетъ чтобы монастырь этотъ служилъ усыпальницею какого-либо изъ дала̀й-ламъ. Число хувара̀ковъ опредѣляется имъ также суммою свыше 7000 человѣкъ.

люди, принадлежащіе къ ӯбӯръ-хошӯнамъ, а въ Самлд̀-канцд̀нѣ живутъ монголы халхаскіе. Канцд̀ны и мицд̀ны являются большими или малыми отдѣленіями. Мы остановились въ этомъ Чо̄камицд̀нѣ. Эти отдѣленія, соединившись вмѣстѣ и составивъ 10,000 хувард̀ковъ, (ежедневно) служатъ одинъ хурӯлъ въ Цокчйнъдугд̀нѣ; когда разойдутся, то служатъ каждый въ своемъ дацд̀нскомъ-хурулѣ; вышедши отсюда, служатъ каждый въ своемъ канцд̀нѣ, когда же разойдется канцд̀нскій хурд̀лъ, служатъ въ своемъ мицд̀нѣ. Эти кйтъ, дацд̀нъ, канцд̀нъ и мицд̀нъ, каждый въ отдѣльности имѣютъ у себя земли; земли свои они сдаютъ погодно простолюдинамъ и, взимая съ нихъ поземельную плату, содержатся ею; содержатся также приходомъ жертвъ и приношеній отъ каждаго отдѣльнаго д̀ймака и хошӯна. Въ трехъ дацд̀нахъ служатъ цанйтъ, въ Гакбд̀ дацд̀нѣ служатъ Чжӯдъ. Въ этотъ Гакбд̀ дацд̀нъ приходятъ хувард̀ки изъ трехъ вышеупомянутыхъ дацд̀новъ и, проживая въ немъ, служатъ свои хурд̀лы.

11-е число. — На срединѣ горы, лежащей позади этого монастыря, находится маленькій кйтъ, именуемый Гэпилыйнъ-ритд̀дъ. Намѣреваясь поклониться, мы, при восхожденіи на гору, поѣхали верхомъ на быкахъ и, доѣхавши, поклонились. Располагается онъ кверху по горѣ на разстояніи, приблизительно, трехъ четырехъ верстъ. Сплошь скалы и каменистыя горы. Здѣсь также находятся дворецъ далд̀й ламы̀ и другіе отличные предметы чествованія. Совершивъ поклоненія и круговращенія, мы при обратномъ низхожденіи спустились пѣшкомъ.

12-го, совершивъ поклоненіе передъ Дамд̀-чд̀йчжилемъ и поклонившись въ кумирнѣ брд̀йбунскаго чд̀йчжи, мы возвратились въ Хласу.

13-е и 14-е числа прожили въ Хласѣ.

15-го числа, когда далд̀й-ламд̀йнъ-гэгэ̀нъ соизволилъ на пожалованіе посвященія, именуемаго Аю̆кайнъ-цэвд̀нъ, то, во главѣ съ держащимъ тибетское гражданское правленіе Дэмӯ хутухтӯ, сидѣли тибетскіе гэгэ̀ны, князья, духовные и свѣтскіе, а равно

и монголы; всего сидѣло насъ двѣ, или три тысячи человѣкъ и всѣ мы удостоились. Начиная съ 16-го числа, когда гэгэнъ соизволилъ на пожалованіе лу̀на Чжа̀дъ-домба̀, мы, вмѣстѣ съ предстоящими гэгэну со̀йбунами, въ числѣ 21-го человѣка, слушали 5 дней. Засимъ 22-го числа пришли въ Хласу, провели здѣсь двое сутокъ и 24-го числа вышедши пѣшкомъ для совершенія поклоненій въ монастырѣ Сэра, (напередъ) зашли и поклонились въ рито̀дъ, именуемый Па-бан-ка и отстоящій версты на три, или на четыре дальше Сэра'скаго монастыря, а потомъ, возвратившись назадъ, пришли и ночевали въ монастырѣ Сэра. Неподалеку отъ этого рито̀да Па-бан-ка находится большой плоскій камень. Сказываютъ, что на немъ разрѣзываютъ по частямъ трупы умершихъ и отдаютъ ихъ на съѣденіе птицамъ.

25-го числа по утру мы принесли ма̀нцзу въ этомъ монастырѣ. Здѣсь также находится много кумирень, дуга̀новъ и другихъ предметовъ поклоненія; по мѣрѣ возможности мы совершили передъ ними поклоненія и обошли вокругъ нихъ. Этотъ Сэрайнъ кѝтъ располагается по склону горы, въ разстояніи приблизительно шести, или семи верстъ къ сѣверу отъ Хласы. Это также значительный монастырь, заключающій въ себѣ, говорятъ, 7000 хувара̀ковъ; много священныхъ кумировъ и тоже великоименитый монастырь. Въ этомъ монастырѣ находится три дацана: Сэра-чжа-ба̀, Сэра-мад-ба̀ и Гак-ба̀; въ даца̀нахъ также существуютъ канцаны, но въ канца̀нахъ мица̀новъ, говорятъ, нѣтъ. Два даца̀на, говорятъ, служатъ цанѝтъ, а Гак-ба̀ служитъ чжу̀дъ. Здѣсь также проживаютъ монгольскіе хувара̀ки [87]). Рито̀ды, находящіеся по горамъ, лежащимъ къ сѣверу

87) По Ваддею, монастырь Сэра основанъ въ 1417 г. и въ настоящую пору живописно располагается у подножія цѣлаго ряда безплодныхъ холмовъ, именуемыхъ Ta-ti-pu и извѣстныхъ серебряною рудою. Число монаховъ достигаетъ здѣсь 5500 человѣкъ; они находятся въ постоянной ссорѣ и нерѣдко завязываютъ даже кровавыя распри со своими сотоварищами изъ Бра̀йбуна. Далѣе Ваддель обосновываетъ свои замѣтки объ этомъ монастырѣ на показаніяхъ индійскихъ изслѣдователей, которые впрочемъ говорятъ только о сэра'скихъ идолахъ. Болѣе полное описаніе Сэра даетъ Гюкъ. «Кумирни и жи-

отъ этого монастыря; суть: Па-бан-кà, Чуб-сàнъ, Руб-кàнъ, Пурбŷ-чжòкъ, Гэ-чэнъ, Рака-брàкъ и Бракъ-рй. Ритòдами называются построенные въ горахъ бàйшины, въ которыхъ сидятъ въ созерцаніяхъ великіе ламы̀. Поэтому то и говорятъ, что монастырь Сэ̀ра изобилуетъ ритòдами, Брàйбунскій кйтъ изобилуетъ чòйчжонами (тайновѣдцами) а Галдàнъ кйтъ изобилуетъ ранчжŷнами (нерукотворенными вещами). Славнѣйшіе и самые большіе изъ всѣхъ монастырей, располагающихся поблизости этой Ŷ-мŷрэни, суть именно эти три: Сэ, Брай, Гэ, три великихъ монастыря; прибавляя къ нимъ Дашй-хлŷбò'скій монастырь, находящійся на р. Цзàнъ-мŷрэни и говорятъ, что существуетъ «четыре желтыхъ большихъ монастыря». Монастырей принадлежащихъ къ желтой вѣрѣ хотя и много, но сказываютъ, что извѣстные своею славою суть именно эти четыре.

Такимъ образомъ мы, шедшіе издалека два престарѣлые странника, совершили добродѣтельное дѣяніе, поклонившись, хотя бы въ кратчайшій моментъ лицезрѣнія, гэгэнамъ двухъ Цзŷ-

---

лые дома», говоритъ онъ, «располагаются здѣсь по горнымъ склонамъ, поросшимъ остролистами и кипарисами. Издали эти строенія, являющіяся одно надъ другимъ въ формѣ амфитеатра и выдающіяся на зеленомъ фонѣ холма, представляютъ собою привлекательный видъ. Монастырь Сэ̀ра замѣчателенъ особливо тремя большими многоэтажными кумирнями, всѣ комнаты которыхъ покрыты сплошною позолотою. Отсюда произошло и самое названіе монастыря, такъ какъ слово «сэ̀р» по тибетски значитъ «золото». Въ главной изъ этихъ трехъ кумирень хранится знаменитый «дор-чжэ», который прилетѣлъ по воздуху изъ Индіи и сдѣлался образцомъ, по которому приготовляются теперь всѣ другіе ламайскіе «дор-чжэ̀». Дор-чжэ̀ Сэ̀ры служитъ предметомъ большаго почитанія» (см. Huc, Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine etc. T. II, p. 97). Это «дор-чжэ» есть то самое пŷр-бŷ, которое, по словамъ Миньчжулъ-хутухты, было вынуто волхвомъ Да-чар-вой изъ клада (Географія Тибета, стр. 27). Найдено оно было, послѣ того какъ прилетѣло изъ Индіи, на одномъ холмѣ, въ мѣстности называемой Пур-бу-чогъ. Ежегодно 27-го числа 12-й луны это «дор-чжэ» вынимаютъ изъ ящика и торжественно переносятъ въ Бодалŷ, гдѣ далай-ламà возлагаетъ его себѣ на голову. Послѣ сего высшіе служители монастыря Сэ̀ры несутъ его къ китайскимъ амбàнямъ, чтобы и они прикоснулись къ нему своими головами; еще далѣе къ нему прикладываются цѣлые десятки тысячъ народа. Въ цокчйнской кумирнѣ Сэ̀ры находится кумиръ Авалокйты съ 11-ю головами. (см. Waddell. The Buddism of Tibet p. 269—270).

Шакчжамуни, къ которымъ стремились мы съ страстнымъ пожеланіемъ, гэгэну Всевѣдующаго далай ламы, тремъ великимъ монастырямъ и причисляющимся къ нимъ большимъ и малымъ китамъ. За всѣмъ тѣмъ, такъ какъ для человѣческаго духа нѣтъ удовлетворенія, то и мы, при разказахъ о томъ, что въ Дашихлунбо'скомъ китѣ, на р. Цзанъ-мурэни, существуетъ многославный лама, именуемый Паньчэнь-богдойнъ-гэгэнъ, опять таки рѣшили пойти и поклониться ему. Прослышавъ, что дальше за нимъ, въ странѣ величественныхъ Сакъясцевъ, существуетъ также нѣкій чудодѣйственный лама, именуемый Сакъя-панчэнь, возжелали идти и туда. По таковой то причинѣ, 25-го числа прибывъ изъ Сэра'скаго монастыря въ Хласу и переночевавъ здѣсь, мы съ 26-го числа искали способовъ для поѣздки въ Цзанъ. Мнѣ хотѣлось идти пѣшкомъ, но слѣдовавшіе за мною сотоварищи, черезъ чуръ сильно утомившіеся прежде, отказывались и говорили чтобы ѣхать на подводахъ. Разыскивая и спрашивая наемныхъ подводъ, мы не нашли ихъ въ теченіе трехъ, четырехъ сутокъ, когда же мы доложили о таковыхъ своихъ обстоятельствахъ Акбанъ-сойбуну, онъ сказалъ: «доложите въ главное тибетское управленіе, дэба-шунъ, и оно выдастъ вамъ приказъ, по которому вы поѣдете на почтовыхъ подводахъ». Засимъ, когда мы подали прошеніе въ дэба-шунъ'ское управленіе, что бы намъ, 4-мъ человѣкамъ, ѣхать на 6 лошадяхъ для поклоненія Паньчэнь-богдо, оно разрѣшило и выдало указъ. Это не было сдѣлано только для насъ, но они имѣютъ у себя въ обычаѣ выдавать подводы ламамъ и князьямъ, которые пріѣзжають изъ дальнихъ мѣстъ, приносятъ жертвы и подаянія и путешествуютъ побуждаемые добродѣтелью. Для насъ они соизволили, вѣроятно, потому, что мы были люди дальней страны, изъ которой давно уже никто не приходилъ. Мы, хотя и не были такими большими ламами и князьями, но полагали, что это законная милость со стороны великой страны и съ молитвою подготовляли свой отъѣздъ. Сложивъ у людей остававшіяся послѣ насъ вещи, мы двое взяли съ собою двухъ человѣкъ изъ числа

тѣхъ четырехъ, которые ѣздили вмѣстѣ съ нами на поклоненіе прежде. Четыре человѣка, сѣвъ на четырехъ лошадей, да на двухъ лошадей, которыхъ вели въ поводу, навьючивъ пищевые продукты, котелъ, ковшъ, подушки, постели и тому подобныя мелочи, мы въ полдень 4-го числа слѣдующаго мѣсяца мыши выѣхали изъ Хлàсы. Проѣхавъ позади Бодалы̀ и по передней сторонѣ Брàйбунъ-кѝта, мы направились внизъ по теченію Ӯ-мӯрэни и, слѣдуя по большой дорогѣ, ведущей въ Дашѝ хлӯнбò, ночевали въ Донкòръ-цзòнѣ.

5-го числа, двинувшись по утру, мы переправились черезъ р. Янбачжàнъ и, смѣнивъ подводы въ Нье-тàнѣ, заночевали. Этотъ Нье-тàнъ, говорятъ, представляетъ собою мѣсто, въ которомъ жилъ и которое особенно любилъ Чжӯгіѝнъ гэгэнъ [88]). Мы, остановившись въ одномъ простомъ àилѣ, гдѣ смѣняютъ подводы, сварили и попили чаю снаружи жилого помѣщенія, а потомъ, пока привели почтовыхъ лошадей, сбѣгали и поклонились въ Даркіѝнъ сӯмэ и въ кумирнѣ Чжӯгіѝнъ-гэгэна. Въ «желтой» кумирнѣ этого Чжӯгіѝнъ гэгэна находятся два субургàна, желтый и бѣлый: въ желтомъ, говорятъ, находятся останки Чжӯгіѝнъ гэгэна, а въ бѣломъ останки ламы, именуемаго Сакъ-

88) Чжӯгіѝнъ-гэгэнъ—такъ называютъ калмыки одного изъ своихъ великихъ ламъ, полное имя котораго было Чжо-во-чэн-бо-дПал-данъ-А-ди-шà, или, нѣсколько короче, Чжӯ-адишà. Знаменитый индійскій ученый, онъ родился, по вычисленіямъ Ковалевскаго, въ 994 г. по Р. Х. и заслужилъ особенное вниманіе ламъ, потому что будучи приглашенъ въ Тибетъ, онъ возстановилъ здѣсь буддизмъ, изгнанный изъ этой страны Лангъ-дàрма-хàномъ. Вмѣстѣ съ симъ Адишà, несомнѣнно, положилъ начало всѣмъ тѣмъ сектантскимъ движеніямъ, которыя закончились реформою Цзонхавы̀. Чжу-адишà составилъ свою школу, которая въ буддійскомъ мірѣ получила названіе Гàдамба, онъ написалъ нѣсколько сочиненій и между прочимъ «Лам-сгронъ» (освѣщеніе истиннаго пути); подъ его руководствомъ были переведены на тибетскій языкъ разныя санскритскія книги, опредѣлены обязанности духовенства, водворенъ порядокъ въ дѣлахъ религіознаго управленія, образовались важныя лица, заслуги которыхъ донынѣ прославляются усердными ламаитами. За таковую дѣятельность ламы почитаютъ Адишӯ не только наравнѣ съ Нагарджӯной и Цзонкавòю, но приравниваютъ его къ самому буддѣ Сакъямӯни. Умеръ Адишà 73 лѣтъ отъ роду въ 1067 году.

яскимъ Соднàмъ-чжалцàнъ [89]). Мы также совершили передъ ними поклоненія. Рѣка Янбачжàнъ вытекаетъ изъ Ӱ-мўрэни въ сѣверо-западную сторону; вверхъ по этой рѣкѣ находится много и простыхъ поселеній, и кумирень. Сѣвъ на верховыхъ лошадей изъ Нье-тàна, мы смѣнили ихъ еще въ урочищѣ, именуемомъ Намò; двинувшись отсюда, опять взяли новыхъ лошадей изъ такъ называемаго Цзамьяна и ночевали въ Цаба-нàнг'ѣ.

Отсюда, опять сѣвъ на верховыхъ лошадей, мы выѣхали 6-го утромъ и, проѣхавъ по южной сторонѣ монастыря, именуемаго Чжанъ-чубъ-линъ, еще до наступленія полудня прибыли въ Чуши-цзонъ [90]), располагающійся на сѣверномъ берегу Цзàнъ-мўрэни. Напившись здѣсь чаю, да смѣнивъ лошадей, мы выѣхали и переправились черезъ Цзàнъ-мўрэнь въ деревянной лодкѣ. На этой Цзàнъ-мўрэни находится желѣзный мостъ: одинъ конецъ его прикрѣпленъ желѣзными цѣпями за скалу праваго берега рѣки, а другой конецъ, — посреди воды Цзàна воздвигнута каменная колонна, на подобіе субургàна, — за нее онъ и привязанъ. Мостъ этотъ, говорятъ, состарѣлся и не исправленъ; съ одного конца до другого будетъ, повидимому, саженей сто. У праваго конца его находится маленькій монастырь, построенный на боковинѣ горы и именуемый Тантàнъ чжалбòйнъ гомбà. Проѣхавъ черезъ него, мы ночевали у сѣвернаго подножія горы, называющейся Камбалà.

7-го числа, двинувшись по утру, мы перевалили черезъ Камбалà и послѣ полудня прибыли въ Байдэ цзòнъ, на берегу озера Яндàкъ-цò. Этотъ Камбалà дабāнъ очень высокій перевалъ. Когда взойдешь на него, то со всѣхъ четырехъ сторонъ показываются горы; но онѣ кажутся такими, какъ будто ма-

89) Соднàмъ-чжалцàнъ — современникъ Чингисъ-хāна, съ которымъ Чингисъ велъ переписку и благодаря ходатайствамъ коего тибетскіе ламы получили при Чингисѣ освобожденіе отъ податей (см. Чжирўкхэнў-толтà. Л. 8-й).

90) Географія Тибета Миньчжулъ-хутухты называетъ этотъ городокъ Чушулъ-рЦзонъ (ཆུ་ཤུལ་རྫོང་) и помѣщаетъ его не подалеку отъ соединенія рѣкъ Цзанъ и Ӱй.

леньніе дѣти, играючи, насыпали грудочками горы изъ песку. Съ него видны также двѣ горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ: къ юго-востоку Чжэма̀-гари̇ и къ сѣверо-западу Эка̀-зади̇; виднѣется и еще много прекрасныхъ горъ, но нашъ подводчикъ не зналъ ихъ именъ, не знали также двое нашихъ спутниковъ, будучи монголами по происхожденію; назадъ — хорошо видна Цза̀нъ-му̇рэ̀нь, впередъ — Янда̀къ-цо.

Это такъ называемое Янда̀къ-цо представляетъ собою круглое озеро. По внѣшней сторонѣ оно окружено горами; внутренняя поверхность имѣетъ также красивыя горы, рѣчки, деревья и травы. Цвѣтъ воды его прекрасный, голубой. Въ ширину оно (водяное кольцо его), повидимому, имѣетъ около трехъ верстъ; если же обойти по внѣшнему берегу воды, то, говорятъ, составится пространство семи дней [91]). При наименованіи дневного про-

---

91) Яндакъ-цо, по «Географіи Миньчжулъ-хутухты, называется Яр-аВрогъ-гЮ-мЦо (ཡར་འབྲོག་གཡུ་མཚོ) и почитается однимъ изъ 4-хъ бурныхъ озеръ. Зимою въ немъ якобы постоянно раздаются снизу звуки грома, что нѣкоторыми приписывается голосу водяного чудовища Макайра, а иными вѣтру. На озерѣ находятся монастыри: Яр-аВрогскій сДаг-лунба, аВруг-ра-лунъ и Бодон'скій; въ послѣднемъ имѣетъ свое мѣстопребываніе хубилга̀нъ Дорчжи̇-Пагмо̀. Изъ числа европейцевъ наиболѣе подробное описаніе этихъ мѣстъ представилъ, кажется, Сандбергъ. Онъ отмѣчаетъ, что озеро «Яндакъ-цо» имѣетъ скорпіонообразную форму, что обусловливается странными очертаніями лежащаго на немъ полуострова, который соединяется съ материкомъ двумя перешейками. Монастырь, въ которомъ проживаетъ Дорчжи̇-пагмо̀, по Сандбергу, называется Самъ-динъ-чойн-дэ, и представляетъ собою учрежденіе въ высшей степени замѣчательное въ томъ отношеніи, что здѣсь проживаютъ совмѣстно какъ монахи, такъ и монахини, при чемъ монастырь этотъ пользуется высокою репутаціею за чистоту нравовъ. Въ числѣ прочихъ правилъ обитателямъ его запрещается выдавать кому-либо вдолгъ деньги подъ проценты, тогда какъ другіе тибетскіе монастыри не рѣдко прибѣгаютъ къ ростовщичеству. Монастырь располагается на берегу и стоитъ какъ крѣпость на вершинѣ безплоднаго холма, футовъ на 300 выше уровня окружающей мѣстности. Огромныя каменныя плиты нагромождены какъ ступени, возводящія на этотъ холмъ и длинная узкая стѣна поднимается около нихъ какъ перила. Выше ступеней узкая тропинка ведетъ къ подножію монастыря, окруженнаго высокой стѣной. Мѣстоположеніе Самдинга прекрасно. На СВ. онъ упирается въ темныя, обрывистыя вершины горъ, которыя расходятся радіусами отъ высокаго пика въ центръ острова; на ЮВ. онъ смотритъ на берегъ чарующихъ

странства, здѣсь не различаютъ коннаго отъ пѣшаго; потому, что пѣшій и конный человѣкъ движутся вмѣстѣ. Мѣстности изобилуютъ скалами и камнями, оттого для коннаго человѣка здѣсь не въ обычаѣ ѣздить рысью: наши настоящіе подводчики идутъ вмѣстѣ съ нами пѣшкомъ, да и мы сами индѣ идемъ пѣшкомъ. При подъемѣ и спускѣ съ переваловъ сидѣть на лошади не возможно, — очень обрывисто; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ тѣсныхъ проходахъ между скалами и водою, на лошади ѣхать нельзя, — страшно.

Переночевавъ въ этомъ городѣ, мы утромъ 8-го числа отправились на городскихъ подводахъ по западному берегу Яндàкъ-цо и около полудня прибыли въ Нагà-цзонъ[92]). Противъ этого города, среди озера Яндàкъ, на южной сторонѣ горы находится такъ называемый Дорчжй-пагмòйнъ кйтъ. Когда намъ сказали, что въ настоящую пору Дорчжй-пагмòйнъ гэгэ̀нъ не живетъ въ своемъ монастырѣ, то мы и не пошли туда. Сѣвши на лошадей изъ этого города, мы выѣхали въ вечерній полдникъ и до наступленія ночи ѣхали вверхъ по рѣкѣ, текущей между горами, а засимъ прибыли на почтовую станцію Зарà, приблизи-

---

водъ Ямдока; къ С. онъ смотритъ на оз. Дюмò-цò, въ которое бросаются тѣла усопшихъ монаховъ и монахинь въ пищу рыбамъ. За воротами монастыря открывается обширный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ монастырскими зданіями, часть же четвертой стороны занята большимъ щитомъ. Лѣстницы съ широкими, окованными мѣдью ступенями ведутъ въ первый этажъ главнаго зданія. Здѣсь располагаются гробницы знаменитостей, имѣвшихъ въ былыя времена отношеніе къ Сам-дингу, въ томъ числѣ и гробница основателя монастыря Тинлè-Цомò, оправленная золотомъ и украшенная драгоцѣнными камнями. У подножія ея имѣется отпечатокъ ноги святого на каменной плитѣ. Въ отдѣльной наглухо отгороженной комнатѣ покоятся высохшіе останки всѣхъ прежнихъ воплощеній Дорчжй-пагмò. Каждому воплощенію вмѣняется въ обязанность разъ въ жизни посѣтить и исправить этотъ склепъ. Другой залъ въ этомъ монастырѣ это «дус-канъ», стѣны котораго украшены фресками, изображающими дѣянія первой Дорчжй-пагмò; здѣсь же помѣщены надписи, гласящія о томъ, какъ богиня эта чудесно защищала Самдингъ въ 1716 г., когда онъ былъ осажденъ чжунгàрами. Общее число монаховъ и монахинь достигаетъ до 200 душъ.

92) Правильнѣе и полнѣе «Нан-кар-цзэ» (སྣང་དཀར་རྩེ)

тельно когда ложились спать. Мѣстность, по которой шли мы нынѣшнимъ вечеромъ — холодная и мы прибыли удрученные.

9-го числа, выступивъ по утру и переваливъ черезъ Цасу-тӯйнъ ко̆то̆ль, мы смѣнили лошадей и напились чаю на почтовой станціи Рилӯ. Опять поѣхали; приблизительно въ сумерки проѣхали неподалеку отъ монастыря, именуемаго Шачжӑгійнъ камба̀ и, прибывъ на станцію Губши̇, когда люди ложились уже спать, заночевали здѣсь.

Выѣхавъ отсюда по утру 10-го числа, мы въ полдень прибыли въ Чжанъ-цзэ цзонъ и въ немъ ночевали.

11-го числа, когда намъ сказали, что Дорчжѝ пагма̀йнъ гэгэ̀нъ находится въ Нинъ-нѝнъ гомба̀, мы втроемъ, нанявъ три лошади, поѣхали къ мѣстонахожденію его среди горъ, въ южную сторону, на разстояніе приблизительно верстъ за 20 и поклонились ему. Монастырь его — небольшой этакой китъ. Говорятъ, что этотъ, такъ называемый Дорчжѝ-пагма̀йнъ гэгэ̀нъ есть также великій хубилга̀нъ. Самъ онъ — дѣвица. Заплетаетъ волосы вмѣстѣ, въ одну косу, и дѣлаетъ позади пучекъ; носитъ красное платье и оркимчжѝ и, повидимому, имѣетъ больше 30 лѣтъ отъ роду. Живетъ по правиламъ великихъ ла̀мъ; кумиры, бурха̀ны, кумирни и дворецъ также прекрасны. Со̀йбунами имѣетъ престарѣлыхъ ламъ. Въ лѣтнее время онъ проживаетъ въ своемъ монастырѣ, находящемся въ озерѣ Ямда̀къ-цо, а въ зимнюю пору живетъ здѣсь [93]). Поклонившись ему и совер-

---

93) По изслѣдованіямъ Сандберга, Дорчжй-пагмо̀ считается воплощеніемъ индійской богини Ваджраварахи и первыя возрожденія ея въ Тибетѣ явились въ самомъ концѣ XVII вѣка. Общее имя этихъ хубилга̀новъ «Дорчжй-пагмо̀» что значитъ «алмазная свинья», утвердилось еще за первымъ хубилга̀номъ, такъ какъ хубилга̀нъ этотъ имѣлъ якобы свиную голову. Когда въ 1716 г. на Тибетъ напали Чжунгары, то предводитель чжунгарскихъ войскъ, услыхавъ, что настоятельница Самдинга имѣетъ свиную голову, пожелалъ ее видѣть и сурово приказалъ ей представиться. Дорчжй-пагмо̀ не дала ему никакого отвѣта, а только просила его оставить монастырь. Раздраженный вождь чжунгаровъ напалъ и разрушилъ стѣны Самдинга, но войдя въ кумирню, онъ не нашелъ здѣсь ничего, помимо 80 поросятъ и 80 свиней, которые хрюкали въ Ду-канѣ. Чжунгары хотѣли уже возвратиться и тогда поросята и свиньи

шивъ поклоненіе въ его монастырскихъ кумирняхъ, мы въ тотъ же день прибыли обратно въ Цзанъ-цзэ цзонъ и заночевали.

12-го числа, въ ожиданіи лошадей, мы пошли въ цзонъ и осмотрѣли. Тибетская торговля здѣсь большая, а китайская — незначительна. Монастырей, кумирень и субурга́новъ также много. По сѣвернымъ и южнымъ горамъ опять таки видно много монастырей и кумирень, это тоже великоименитая мѣстность. Ткани ручной работы ткутся многихъ сортовъ. Вообще тибетскій простой народъ самъ ткетъ изъ овечьей шерсти ткани и главнѣйше сукно; производится это тканье по совершенно такому же способу, какъ наши калмыки ткутъ изъ овечьей, или верблюжьей шерсти тесьмы для обвязыванія юрты. Сегодня мы прождали до полудня и тѣмъ не менѣе больше трехъ лошадей не пришло; поэтому, одну изъ трехъ пришедшихъ лошадей опредѣливъ подъ верхъ, мы на двѣ лошади, сверхъ вьюковъ, повьючили еще сѣдла трехъ человѣкъ. Въ полдень выступили (при чемъ) три сотоварища мои пошли пѣшкомъ. Перемѣнивъ почтовыхъ лошадей на одномъ őртő, мы на второй почтовой станціи заночевали. Такъ какъ въ Чжанъ-цзэ цзонѣ не достало трехъ почтовыхъ лошадей, то мы должны были ѣхать на трехъ лошадяхъ до слѣдующаго цзона; на одну лошадь мы по перемѣнку садились верхомъ, двѣ лошади были вьючныя, а три человѣка шли пѣшкомъ.

вдругъ превратились въ степенныхъ монаховъ. Изумленные чжунгары не только прекратили свой грабежъ, но еще обогатили монастырь своими приношеніями. Таково было чудо перваго хубилга́на Дорчжй-пагмо. Настоящее воплощеніе этой богини, по свѣдѣніямъ 1889 года, имѣло въ ту пору 33 года отъ роду и рекомендуется способной и смышленой женщиной, принадлежащей по своему происхожденію къ знатному роду. Имя ея: Наг-дВанъ-Рин-чэн-Кун-бЗанъ-мо дбАнъ-мо. Мѣстные ламы свидѣтельствуютъ, что Дорчжи-пагмо никогда не позволяетъ себѣ спать лежа: днемъ она можетъ дремать въ креслѣ, а ночью погружается въ глубокое созерцаніе. Иногда она предпринимаетъ поѣздки въ Хласу и тамъ ее принимаютъ съ глубочайшимъ уваженіемъ. Помимо Самдинга Дорчжй-пагмо имѣетъ еще свои монастыри на озерѣ Нам-цо Чадмо, въ 70 миляхъ къ С. отъ Хласы и въ Маркулѣ, что въ Лагулѣ.

13-го числа опять ѣхали на подводахъ въ три лошади; въ этотъ день брали подводы съ 6 почтовыхъ станцій и на одномъ ӧртӧ ночевали.

14-го числа выступили утромъ и когда солнце поднялось высоко, прибыли въ Панӑмъ цзӧнъ. Изъ этого цзӧна мы двое отправились впередъ, имѣя опять трехъ лошадей, при одномъ проводникѣ и (въ томъ числѣ) одну лошадь вьючную. Проѣхавъ верхомъ 5 почтовыхъ станковъ, мы двигались эту ночь сполна и, въ пору наибольшаго мрака, передъ разсвѣтомъ, прибыли въ Даши-хлӯнбӧ. Такъ какъ подводныхъ лошадей для двухъ человѣкъ недоставало, то, мы приказали имъ пріѣзжать, когда (подводы) будутъ готовы и уѣхали, оставивъ ихъ въ Панӑмъ-цзӧнѣ. Послѣ нашего отъѣзда имъ дали лошадей, а потому эти два человѣка прибыли на другой день послѣ насъ, 15-го числа. Отъ Хлӑсы до Даши-хлӯнбӧ по этой нашей дорогѣ будетъ, кажется, верстъ около четырехъ сотъ.

Засимъ въ тотъ же день мы принесли мӑнцзу соборной кумирнѣ этого монастыря. Намъ сказали, что Баньчэнь-богдӧйнъ-гэгэнъ сидитъ и упражняется въ цӑмѣ; слышно, что теперь черезъ трое, или четверо сутокъ онъ разрѣшитъ свой цӑмъ. Этотъ, такъ называемый «цӑмъ» былъ не тотъ цӑмъ, на который смотрятъ, но цӑмъ, при которомъ, сидитъ онъ, непоказываясь никому, въ особомъ бӑйшинѣ и упражняется въ чтеніи. Говорятъ, что помимо человѣка, который носитъ ему чай и кушанье, никому другому входить къ нему не полагается. Сказываютъ, что въ такомъ цӑмѣ онъ сидитъ вотъ уже два мѣсяца. Такимъ образомъ мы оставались, совершая поклоненія и круговращенія въ монастырѣ и кумирняхъ.

Этотъ Даши-хлӯнбӧскій кӣтъ представляетъ собою монастырь, построенный на солнечной сторонѣ горы на правомъ берегу р. Цзӑнъ-мӯрэни. Тоже большой и красивый кӣтъ. Въ окружности онъ, кажется, больше двухъ верстъ. Здѣсь находится 13 кумирень съ золотыми кровлями и проживаетъ, говорятъ, шесть, или семь тысячъ хуварӑковъ. Въ монастырѣ,

также точно, какъ и внутри кумирень находится много субургàновъ. Построенъ кйтъ будучи обращенъ на полуденную сторону [94]). Въ разстояніи приблизительно 3-хъ, 4-хъ верстъ къ востоку отъ этого монастыря находится Шагэчжй цзòнъ,—свѣтскій городъ, съ куплею и продажею; въ немъ находятся судъ и присутственныя мѣста; проживаетъ также и китайскій амбàнь. Бàйшинъ, въ которомъ проживаетъ амбàнь, представляетъ собою зданіе, окруженное большими стѣнами. Въ немъ находятся еще и китайскія войска. Говорятъ, что этотъ амбàнь и хласàскій амбàнь охраняютъ войсками эти двѣ нарочито важныя мѣстности и смотрятъ, какъ бы не пришли внѣшнія, или внутреннія непрія-

---

94) Дашй-хлўнбò, что по буквальному переводу обозначаетъ «груда славы», почитается, по степени своей важности, вторымъ монастыремъ въ Тибетѣ. Обитель эта хорошо извѣстна по описаніямъ Богля, Тернера и др. Построенъ Дашй-хлўнбò въ 1445 г., Гэньдўнь-руб'омъ. Онъ располагается на нижнихъ склонахъ крутого холма, именуемаго Долмàй-ри. Зданія поднимаются одно надъ другимъ и вмѣстѣ съ кумирнями представляютъ величественное зрѣлище. Высокая стѣна, окружающая монастырь, имѣетъ 5 воротъ: надъ восточными — большими буквами вырѣзано запрещеніе курить въ предѣлахъ монастыря; западныя ворота почитаются, кажется, главнымъ входомъ. Войдя въ монастырское предмѣстье, вы видите себя какъ бы въ городѣ съ переулками, окаймленными высокими домами, открытыми площадями и кумирнями, дворы которыхъ обнесены оградами. Большинство дворовъ выложено плитнякомъ и окружено галлереями. Переулки узкіе, но также вымощены. Въ центрѣ находится главный соборъ; входъ въ него обращенъ на востокъ, а крыша поддерживается сотнею колоннъ и все зданіе вмѣщаетъ въ себѣ до 3000 монаховъ. Дворъ вокругъ собора служитъ для религіозныхъ плясокъ и другихъ церемоній, совершаемыхъ на открытомъ воздухѣ. Вокругъ собора сооружены зданія четырехъ коллегій, въ 4 этажа каждое; сѣвернѣе ихъ построены въ одну линію гробницы Паньчэ̀ней. Въ помянутыхъ коллегіяхъ обучаются студенты изъ всѣхъ частей Тибета, настоятели же ихъ въ числѣ прочихъ имѣютъ обязанность опредѣлять преемника умершему Паньчэ̀ню. Одинъ изъ этихъ настоятелей избирается также для исполненія обязанностей перваго министра по управленію Цзàномъ. Далѣе замѣчательнѣйшимъ зданіемъ Дашй-хлўбò является Дŏ-ки-рея, въ просторѣчіи называемое Kiku tamsa, достигающее высоты 9 этажей; оно обращено теперь подъ складъ для храненія монастырскихъ припасовъ и имуществъ. Что касается Лабрàна, то онъ представляетъ собою подворье, дворецъ котораго построенъ изъ кирпичей темнаго цвѣта, съ мѣдною, позолоченною крышей и въ которомъ помимо сего имѣется много зданій, служащихъ кумирнями, помѣщеніями для служителей, житницами, кладовыми и проч. (см. у Markham, Narrative of the Mission of George Bogle to Tibet, and of the journey of Thomas Manning to Lhāsa with notes. London, 1879, p. 96, etc.

тельскія войска. По восточной сторонѣ этого цзона протекаетъ въ направленіи къ Цзанъ-мурэни рѣка, носящая названіе Намчу. Истоки ея обращены въ южную сторону. Въ этомъ монастырѣ имѣется четыре дацана: Чжанъ-цзэ, Шаръ-цзэ, Чжа-ганъ и Гак-ба. Въ дацанѣ Чжанъ-цзэ, въ Хардунскомъ канцанѣ опять таки проживаютъ всѣ вмѣстѣ монгольскіе ламы; мы, остановившись въ Хардунскомъ дацанѣ, жили съ монгольскими ламами.

18-го числа въ этомъ монастырѣ подъ предлогомъ праздника служили великій хурулъ. Число это почитается праздникомъ, потому что въ этотъ день скончался Чжугыйнъ-гэгэнъ. Мы въ этотъ день, поклонившись кумирнямъ и субурганамъ, принесли жертвы и лампаду. Въ шести построенныхъ врядъ кумирняхъ, подъ золотыми крышами, находится по одному большому субургану. Въ первомъ субурганѣ помѣщаются останки Гэндунърубыйнъ гэгэна, построившаго этотъ монастырь, а въ остальныхъ пяти субурганахъ помѣщаются, говорятъ, останки пяти старѣйшихъ гэгэновъ паньчэнь богдо. Между второю и третьею изъ этихъ шести кумирень находится лабранъ, въ которомъ проживаютъ Богдойнъ-гэгэны, въ немъ то и живетъ паньчэнь-богдойнъ-гэгэнъ.

Послѣ сего прослушавъ вѣсть, что назавтра гэгэнъ разрѣшитъ свой цамъ, мы приготовились поклониться, но намъ говорили, что въ первый день представляться постороннимъ лицамъ не въ обычаѣ. Мы думали: если поклониться на поклоненіи перваго дня, то это будетъ хорошею примѣтой и предзнаменованіемъ, а потому, представившись шанцотбѣ паньчэня, я доложилъ ему, выяснивъ свои обстоятельства въ такихъ словахъ: «я человѣкъ, который давно уже вышелъ съ родины и принадлежу странѣ, изъ которой уже долгіе годы никто не приходилъ. Въ настоящую пору этотъ гэгэнъ долго, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, просидѣлъ въ цамѣ; если поклониться мнѣ въ первомъ, по разрѣшеніи цама, поклоненіи, то это будетъ хорошею примѣтою и предзнаменованіемъ». — «Не оповѣщая кому-либо изъ постороннихъ, приходите», сказалъ онъ, «завтра, ко времени поклоненія.

Это день не такой, въ который можно бы было кланяться кому-либо помимо сӧйбуновъ, но я попробую доставить вамъ возможность поклониться послѣ сӧйбуновъ».

Когда мы отправились 19-го числа, то тамъ, снаружи (дворца) была уже масса ожидавшихъ поклонниковъ, и тибетцевъ, и монголовъ. Насъ ввели во дворецъ и посадили. Засимъ послѣ поклоненія предстоящихъ сӧйбуновъ, дали поклониться и намъ, а вслѣдъ за нами допустили поклониться также и всѣхъ тѣхъ, остававшихся за оградою тибетцевъ и монголовъ. Порядокъ представленія и поклоненія ему имѣетъ внѣшнія формы сходныя съ представленіемъ у далȧй-ламȧйнъ-гэгэ̇на. Предстоящихъ сӧйбуновъ бываетъ человѣкъ приблизительно сто. Мы, поднеся гусўнтўк'скій мандалъ, чай и кушанье, сверхъ сего принесли еще вещей, приблизительно на сто лȧнъ серебра. Послѣ сего насъ посадили противъ (гэгэ̇на), пожаловали намъ остатковъ чая и кушанья (гэгэ̇на), а когда, для (образованія) духовной связи, гэгэ̇нъ пожаловалъ лўнъ на два священныхъ произведенія: «Богдȯ гэгэ̇нэй йӧрӧль» и «Дарькѝ», то мы восприняли его всѣ, и сӧйбуны и поклонники, всего вообще человѣкъ 300, 400. Этотъ паньчэ̇нь богдȯйнъ гэгэ̇нъ имѣетъ отъ роду 10 лѣтъ; зовутъ его, говорятъ, Гэлэ̇къ-намчжȧлъ; формы, въ которыхъ преподаетъ онъ благословеніе поклонникамъ и жалуетъ священное ученіе суть формы взрослыхъ великихъ лȧмъ [95]). Тотчасъ засимъ

---

95) Представляемъ оффиціальный списокъ Паньчэ̇нь-богдȯ въ томъ видѣ, какъ признаются его возрожденія вѣрующими тибетцами и богдоханскимъ правительствомъ, съ показаніемъ времени рожденія и смерти каждаго паньчэня. 1) бЛо-бЗан-чой-гьи рГьял-мцанъ (1569—1662); 2) бЛо-бЗан-йиши-дПалбЗан-бо (1663—1737); 3) бЛо-бЗан-дПал-лДан-йэ-шис (1738—1780); 4) рДжэбсТан-пахи-ньима (1781 — 1854); 5) рДжэ-дПал-лДан-чой-гьи-гРагс-ба-бстанпахи-дбан-бьу (1854—1882); 6) Гэлэ̇къ-намчжалъ (1883—). Разсматривая этотъ списокъ паньчэней при свѣтѣ составленныхъ біографій этихъ ламъ, мы видимъ, что ранѣе втораго (по этому списку) паньчэ̇ня, родившагося въ періодъ правленія пятаго далай-ламы, Наванъ-лубсана, ни одинъ изъ Дашихлўнбоскихъ ламъ, не признавался хубилганомъ. Первый по разсматриваемому списку лама, имя котораго въ произношеніи звучитъ какъ Лобсан-чойчжичжалцанъ, былъ вначалѣ простымъ монахомъ, трудился надъ пріобрѣтеніемъ знаній обыкновеннымъ образомъ и только 31-го года былъ избранъ въ настоя-

наступило время обѣда. Меня съ товарищемъ посадили въ отдѣльной комнатѣ и удостоили кушанья; удостоились мы также и остатковъ отъ (собственной гэгэновской) чашки. Получилась милость въ видѣ благословенія, рилу, цзангя (священныхъ снурочковъ для ношенія на шеѣ), плодовъ и пряженцовъ. Потомъ мы вышли и отправились на «круговращеніе».

20-го числа, когда, отправивъ человѣка въ цзонъ, потребовали мы лошадей, намъ отвѣчали, что завтра будутъ готовы. Мы въ этотъ день сдѣлали нѣсколько визитовъ монастырскимъ ламамъ и стали какъ бы знакомыми.

21-го, когда опять поклонились мы на поклоненіи у паньчэнь эрдэніийнъ гэгэна, насъ посадили противъ, поставили передъ нами плоды и пряженцы, а гэгэнъ пожаловалъ мнѣ рилу, цзангя, хадакъ и маленькій бурханъ, именуемый Паньчэнь-дэдуйнъ чакца [96]); товарищамъ моимъ также соизволилъ дать рилу, цзангя,

---

тели монастыря, благодаря своимъ выдающимся способностямъ. Интересно также, что въ 1614 г., послѣ смерти 4-го великаго ламы секты Гэлугба, Йондонъ-чжамцо, онъ былъ поставленъ настоятелемъ Галданскаго монастыря и въ 1622 году, 53-хъ лѣтъ отъ роду, посвятилъ пятымъ великимъ ламою отрока Навана, которому было тогда 7 лѣтъ и который впослѣдствіи сдѣлался первымъ далай-ламою. Совершивъ это посвященіе Лобсанъ-чойчжи-чжалцанъ продолжалъ оставаться духовнымъ отцемъ, близкимъ другомъ и постояннымъ совѣтникомъ Навана, и ему принадлежитъ начало тѣхъ политическихъ сношеній съ маньчжурами, которыя закончились признаніемъ Навана главою Тибета. Когда въ 1662-мъ году Лобсанъ-чойчжи-чжалцанъ умеръ, то духовный сынъ его Наванъ тотчасъ объявилъ его воплощеніемъ и началъ отыскивать его хубилгана. Такъ какъ Лобсанъ-чойчжи былъ духовнымъ отцемъ Навана, то и новорожденный младенецъ былъ признанъ воплощеніемъ будды Амитабы, духовнаго отца Авалокитэшвары, воплощеніемъ котораго почитался самъ далай-лама Наванъ. Такимъ-то путемъ образовалось главенство паньчэней надъ далай-ламами въ духовномъ отношеніи, хотя въ іерархической системѣ далай-ламы стоятъ выше паньчэней, имѣя за собою не только духовную, но и свѣтскую власть. Нельзя не сказать, впрочемъ, что въ понятіяхъ ламаитовъ, паньчэни считаются какъ будто болѣе святыми чѣмъ далай-ламы, такъ какъ они менѣе близки къ свѣтскому правленію и мірской политикѣ и гораздо болѣе далай-ламъ извѣстны своею ученостью.

96) ཙ་ཀ་ཚ་ Этимъ именемъ у тибетско-монгольскихъ буддистовъ называются вообще изображенія буддъ, собственноручно приготовленныя изъ глины какимъ-либо изъ великихъ ламъ, гэгэновъ или хубилгановъ. Въ данномъ слу-

плодовъ и пряженцовъ. Вообще въ Тибетѣ вслѣдъ за далàйламòю онъ является старѣйшимъ ламòю. Такъ какъ подводы сегодня не пришли, то мы опять продневали.

22-го числа — праздникъ. Когда по утру, поклонившись передъ монастырскими предметами поклоненія, мы воротились домой, пришли почтовыя лошади и насъ стали торопить ѣхать. И такъ, сегодня въ полдень, на 6 лошадяхъ выѣхали мы въ направленіи къ Шачжāгійнъ кйту и ночевали въ Нартàн'скомъ монастырѣ. Этотъ кйтъ представляетъ собою также древній монастырь. Въ окружности онъ хотя и не великъ, приблизительно съ версту, но кумирни въ немъ довольно обширныя, — особливо велика типографская кумирня. Въ этомъ кйтѣ печатаются Ганьчжўръ и Даньчжўръ, и, говорятъ, имѣется до 200 хуварàковъ. Мы прибыли сюда около заката солнца, поклонились въ кумирняхъ и ночевали въ одномъ изъ стоящихъ на окраинѣ бàйшиновъ.

Выѣхавъ по утру и дважды переночевавъ въ дорогѣ, мы 25-го числа прибыли въ Шачжāгійнъ кйтъ. Мѣстность на этомъ разстояніи изобилуетъ горами и перевалами, страна холодная, àилей простолюдиновъ и маленькихъ монастырей — много. Мы не могли заѣхать ни въ одинъ изъ нихъ.

Переночевавъ въ этотъ день пріѣзда, мы на другой день поклонились Шачжāгійнъ гэгэну, поднеся ему также точно гусўнъ-тўк'скій мàндалъ, чай и кушанье. Онъ является «чернымъ ламòю»: изъ волосъ дѣлаетъ пучекъ, заплетаетъ въ косу и свѣшиваетъ ее; по верхъ безрукавой одежды краснаго цвѣта накидываетъ изрядное по величинѣ оркимчжѝ и сидитъ на тронѣ. Называютъ его Шачжā-паньчэнь. На видъ ему около 50 лѣтъ, и говорятъ, что онъ также великій чудотворецъ ламà [97]). Отъ него

чаѣ такое изображеніе было приготовлено паньчэнь дэ̄дў, т. е. однимъ изъ старинныхъ перерожденій паньчэнь эрдэни.

97) Этотъ Шачжāгійнъ гэгэнъ есть современный представитель въ Тибетѣ секты Сакъя. Когда-то сакъяскіе іерархи были очень могущественны и являлись de facto почти царями всего Тибета. Впослѣдствіи они должны были

мы также удостоились принять духовную связь и, получивъ его благословеніе и аршāнъ, вышли и поклонились въ монастырѣ и кумирняхъ. Здѣсь находится 4 или 5 кумирень съ позлащенными крышами; кумирни большія, а хуварāковъ, говорятъ, до 300 человѣкъ. Принеся мāнцзу хурулāмъ, а равно жертвы и лампаду въ кумирняхъ, мы провели здѣсь двое или трое сутокъ, совершая поклоненія и круговращенія. [98]) Засимъ 29-го числа, когда прибыли почтовыя лошади, мы снова поклонились Шачжā-гійнъ гэгэ̄ну, удостоились благословенія и аршāна, поручили его вѣдѣнію свое настоящее и будущее спасеніе и въ полдень поѣхали обратно изъ этой обители Шачжā. Проведя двое сутокъ на прежде пройденномъ пути, мы къ вечеру третьяго дня пріѣхали въ Дашй-хлӯнбо̄. Прибывъ сюда, двое или трое сутокъ дали покой своему тѣлу, а когда потребовали засимъ подводныхъ лошадей, то подводъ не доставало; намъ говорили: нынче, завтра, и такъ лошади пришли лишь вечеромъ 11-го числа вновь

поступиться своимъ значеніемъ въ пользу гэлӯгбāскаго далāй-ламы̆, но за всѣмъ тѣмъ они и до нынѣ еще сохраняютъ симпатію многочисленныхъ приверженцевъ нереформированныхъ сектъ. Секта ньин-ма-ба признаетъ сакъяскаго іерарха своимъ главою и почитаетъ его воплощеніемъ гуру Падма-самбавы. Имена послѣдовательныхъ перерожденцевъ сакъяскихъ гэгэ̄новъ слѣдующія: 1) Сас-кья-вСан-бо, 2) Сан-бцзунъ, 3) Ван-бКар-бо, 4) Чьян-рин-бсКьос-ба, 5) Кун-гсан, 6) гСан-дбанъ, 7) Чан-рдоръ, 8) Ан-лэнъ, 9) Лэгс-па-дПалъ, 10) Сэн-гэ-дПалъ, 11) Од-зэр-дПалъ, 12) Од-зэръ Сэн-гэ, 13) Кун-ринъ, 14) Донъйод-дПалъ, 15) Йонъ-бцзунъ, 16) Од-зэръ-Сэн-гэ 2-й, 17) рГьял-ва-Сан-бо, 18) Дван-пьин-дпалъ, 19) бСод-Намъ-дПалъ, 20) рГьяб-ва-Цзан-бо 2-й, 21) дВанбцзумъ (см. Waddell. The Buddism of Tibet or lamaism, p. 241).

98) Замѣчательно, что не только ни одинъ изъ европейскихъ изслѣдователей, а даже Географія Тибета Миньчжӯлъ-хутухты̆ не сообщаютъ намъ собственнаго имени этого монастыря. О немъ разказывается, что его основаніе и будущая слава были предсказаны еще Чжӯ-Адишо̄ю, когда послѣдній на пути изъ Индіи въ Тибетъ проходилъ мимо скалы на мѣстѣ нынѣшняго монастыря, на которой онъ увидѣлъ самобытное начертаніе «Омъ». Говорятъ, что кумирня этого монастыря представляетъ самое большое зданіе въ Тибетѣ: она имѣетъ семь этажей въ вышину и называется «бѣлою залою поклоненія». Монастырь знаменитъ еще своей великолѣпной библіотекой, содержащей единичные экземпляры санскритской и тибетской литературы. Этотъ монастырь до сихъ поръ еще не имѣетъ подробныхъ описаній, хотя его посѣщало уже не мало путешественниковъ: въ 1872 году, пундитъ № 9-й, въ 1882 г. Бабу-Саратъ, Кандра-Дасъ и др.

наступившаго мѣсяца коровы. Тогда мы вмѣсто того чтобы ѣхать ночью, переночевали здѣсь и утромъ 12-го числа выѣхали изъ Дашй-хлу̇нбȯ въ направленіи къ Цзӯ. Въ дорогѣ мы пробыли 10 сутокъ и 22-го числа этого мѣсяца коровы прибыли въ Хла̇су.

Отдыхали два дня, а 25-го числа была «цзула̇»;—наступилъ день, въ который вся масса благородныхъ и простолюдиновъ зажигаетъ множество лампадъ и молится. Этотъ день есть день, въ который скончался Цзонкава̇йнъ гэгэ̇нъ; поэтому всѣ благородные и простолюдины прилежатъ къ поклоненіямъ и круговращеніяхъ. Зажиганіе снаружи, на зданіяхъ, множества лампадъ также красиво такъ и у насъ. Мы въ этотъ день, поклонившись Цзӯ и бодала̇скимъ кумирамъ, отправились вдвоемъ пѣшкомъ въ Бра̇йбунъ, поклонились и, переночевавъ тамъ, на другой день возвратились. Съ этого дня я занемогъ, начался кашель и, пролежавъ четверо или пятеро сутокъ, питаясь бульономъ, я всталъ. Послѣ сего стало замѣтно, что при выходѣ на воздухъ мнѣ дѣлается хуже, поэтому, не уходя далеко, я оставался въ Хла̇сѣ.

Свѣтскіе молодые люди этой тибетской страны, по китайскому обычаю, головные волосы, ростущіе кверху заплетаютъ въ косу, а ростущіе книзу подбриваютъ ножемъ [99]); женщины есть которыя заплетаютъ волосы въ двѣ косы, а есть и заплетающіе на много косичекъ. Людей, носящихъ платье изъ китайской матеріи, мало и по большей части они одѣваются въ платье, дѣлая его изъ сукна, которое ткутъ сами изъ овечьей шерсти. Фасонъ его: у шеи прямой и короткій воротникъ, съ рукавами безъ обшлаговъ и съ широкимъ подоломъ. Разводятъ скотъ, главнѣйшіе виды котораго представляютъ яки и тибетскія овцы. Ткутъ ткани, обработываютъ пашни, занимаются мѣною и торговлею, — мно-

---

99) Это чистѣйшій монголизмъ, по которому волосы на передней части головы называются «ростущими кверху», а на затылочной — «ростущими книзу».

гими способами снискиваютъ себѣ пропитаніе. Относительно лица, — большая часть людей имѣютъ черныя лица, а ламы и князья имѣютъ лица бѣлыя и красивыя. Судъ у нихъ строгій и жестокій. Народъ, проживающій въ Хласѣ, имѣетъ отмѣнный благородствомъ нравъ, а тибетцы и тангуты, приходящіе изъ пограничныхъ мѣстностей, сердитые и свирѣпые люди. Войлочныхъ юртъ — нѣтъ, сплошь постоянныя зданія. Люди, кочующіе со скотомъ, кочуютъ въ тангутскихъ черныхъ палаткахъ и движутся сообразно травѣ и водѣ для скота. Рогатый скотъ ихъ составляютъ черные яки; овцы ихъ имѣютъ хвосты вродѣ козьихъ, головы — вродѣ русской овцы, и хотя имѣютъ небольшой корпусъ, но шерсть хороша. Лошади по внѣшнему виду кажутся не красивыми; ословъ множество; муловъ мало; верблюдовъ нѣтъ вовсе. Что касается потребляемой ими пищи, то они усиленно употребляютъ чай и муку, а мяса расходуютъ мало. Ѣдятъ также масло и сушеный творогъ. Вотъ какой это народъ. Касательно находящихся въ обращеніи у нихъ денегъ можно сказать, что они по большей части берутъ китайское литое бѣлое серебро и литое золото; но во внутреннемъ обращеніи есть еще у нихъ и тибетская монета; на нее они въ большинствѣ случаевъ и сговариваются. Въ двухъ рублевикахъ нашего русскаго царя одинъ китайскій ланъ серебра, а на одинъ китайскій ланъ серебра даютъ десять тибетскихъ рамка; которыя по монгольски зовутъ «чжбсу»; по нашему, это монета, имѣющая цѣнность приблизительно 20 копѣекъ. Говорятъ, есть богатые люди, но повидимому больше бѣдныхъ и, кажется, они гораздо бѣднѣе деньгами чѣмъ низовые монголы. Сами тибетцы — люди отличающіеся своимъ благоговѣніемъ. Изъ числа богомольцевъ есть много, которые, совершая круговращенія и поклоненія, ходятъ весь свой вѣкъ пѣшкомъ, безъ пищи и добывая себѣ пропитаніе выпрашиваніемъ подаяній. Подражая странѣ и мы мало мальски стали совершать круговращенія и поклоны.

Засимъ, хотя и было у насъ желаніе возвращаться на родину, но, за неимѣніемъ спутниковъ, которые пошли бы въ зим-

нюю пору, мы осѣли здѣсь для зимовки. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ барса, со 2-го числа по 8-е, мы ввели въ свой бàйшинъ одного монгольскаго ламу и заставили его читать нòмъ. Далѣе, 9-го отправились въ Брàйбунъ кùтъ и когда нѣкій ламà соизволилъ тамъ на священное ученіе, мы оба вмѣстѣ просидѣли съ 10-го числа до 15-го; съ окончаніемъ чтеній 16-го числа, мы 17-го пришли обратно въ Хлàсу.

Раньше, еще прежде поѣздки въ Дашù-хлỳнбò, я докладывалъ гэгэ̀новскому шанцзотбѐ, что я намѣренъ возвратиться, поднявъ съ собою изъ гэгэ̀новскихъ казнохранилищъ священныя книги, именуемыя «Ганьчжỳръ», такъ какъ это необходимое имущество для блага моей родной страны и многихъ одушевленныхъ существъ; онъ тогда отвѣчалъ мнѣ: «пока вы съѣздите, я поищу удобнаго случая». Теперь, когда я представился и спросилъ, онъ сказалъ: «мы опредѣлили пожаловать вамъ». 19-го числа спутникъ мой Дорчжù заболѣлъ и пролежалъ не вставая два дня и двѣ ночи; къ счастію оздоровѣлъ. До окончанія этого мѣсяца мы никуда не ходили.

Въ этой Хласѣ даже и въ зимнее время не бываетъ особенно холодно; но въ домахъ у нихъ печей не дѣлается, а потому намъ, безъ печки, въ каменномъ бàйшинѣ, было холодно и не способно для организма. На вершинахъ горъ выпадаетъ снѣгъ, а внизу, въ долинахъ, много не падаетъ, изрѣдка выпадетъ маленькій снѣжокъ и до полудня растаяваетъ. Рѣчная вода у береговъ немного застываетъ, а посрединѣ не замерзаетъ вовсе.

Засимъ въ первыхъ числахъ мѣсяца зайца (около 6 Января 1893 г.), мы начали подыскивать случай воротиться на родину и когда, полагая, что, вѣроятно, найдутся сотоварищи, которые пойдутъ въ «низовье», стали распрашивать, то услыхали извѣстіе, есть люди, которые хотятъ идти въ первыхъ числахъ мѣсяца дракона.

Начиная съ первыхъ чиселъ этого послѣдняго зимняго мѣсяца зайца, подготовляя способы возвращенія, я по поводу полученія ганьчжỳра, который рѣшено было пожаловать намъ изъ

гэгэ̀новскаго казначейства, представился гэгэ̀новскому шанцзотбѣ̀ и Акба̀нъ-со̀йбуну и доложивъ имъ о томъ, что есть люди, которые хотятъ идти черезъ мѣсяцъ, равно какъ и о своемъ намѣреніи возвратиться, сопутствуя имъ, просилъ ихъ немедленно пожаловать (намъ ганьчжу̀ръ). Узнавъ о нашемъ положеніи, они около 10-хъ чиселъ этой луны (около 15 Января 1893 г.), пожаловали намъ изъ гэгэ̀новской библіотеки 103 тома священныхъ книгъ «Ганьчжу̀ра». Поднеся 200 ланъ серебра, я пригласилъ 17 человѣкъ, чтобы перенести пѣшкомъ эти книги изъ бодала̀ской библіотеки до Хла̀сы и каждому человѣку выдалъ по одной тибетской монетѣ. Засимъ наступила работа завязывать и зашивать эти книги въ кожу, были еще и другіе кое-какіе маленькіе вьюки и, пока подготовляли мы подводы, провьянтъ и спутниковъ, съ которыми надлежало идти до ца̀йдамскихъ монголовъ, эта луна окончилась и наступилъ бѣлый мѣсяцъ года змѣи. Такъ какъ, перваго числа этой первой луны наступалъ новый годъ, то обычай устраивать большое торжество былъ одинаковъ для китайцевъ, тибетцевъ и монголовъ. Въ этотъ день простой народъ укрѣпляетъ древесныя вѣтки на своихъ ба̀йшинахъ и привязываетъ къ нимъ множество дарцо̀ковъ чтобы развѣвались; приготовивъ, по мѣрѣ возможности, въ своихъ домахъ кушанья, родственники и свойственники посылаютъ ихъ въ домы одинъ къ другому; кто пообразованнѣе, даетъ своимъ старшимъ бѣлый хада̀къ; ученики подносятъ таковые своимъ ламамъ-учителямъ. Поклонниковъ въ этотъ день является очень много и недостаетъ свободнаго мѣста. Мы въ это утро (5-го Февраля 1893 г.) встали вконцѣ наибольшей темноты ночи, передъ разсвѣтомъ и отправились къ Цзӯ съ намѣреніемъ поклониться; но свободнаго мѣста не оказывалось и мы, до восхожденія солнца не будучи въ силахъ дождаться чего-либо, по восходѣ солнца отправились и поклонились въ кумирнѣ Малаго Цзӯ. Возвратившись назадъ, опять не могли дождаться свободнаго мѣста и такимъ порядкомъ, толкаясь по примѣру другихъ, мы едва едва нѣсколько ранѣе полудня вошли въ кумирню

и поклонились Большому Цзӯ. Пришедши оттуда, мы напились чаю и поклонились въ кумирняхъ; отсюда поклонились кумирнямъ и субургȧнамъ бодалȧ'скимъ, далѣе, засвидѣтельствовавъ почтеніе и поднеся хадȧкъ Акбȧнъ-сȯйбуну, мы пришли домой.

2-го числа въ Хласу обыкновенно собираются хуварȧки изъ трехъ большихъ кӣтовъ: Брȧйбуна, Сэры и Галдȧна, а равно изъ малыхъ кӣтовъ, располагающихся по Ӯ-мӯрэни, и въ этомъ мѣсяцѣ служатъ цзӯскій большой «Йӧрбо̄лійнъ хурӯлъ»; поэтому они и пришли 2-го числа (6-го февраля). Начиная съ 3-го числа, они отправляютъ свои хурӯлы въ кумирнѣ Большого Цзӯ. Въ періодъ йӧрбо̄ля, когда собираются хуварȧки, мѣстные жители освобождаютъ и отдаютъ имъ свои бȧйшины. Мы, будучи людьми изъ дальней стороны, оставались жить въ своемъ бȧйшинѣ. Такъ какъ у насъ не вышло согласія относительно подводъ, то мы не могли выѣхать вмѣстѣ съ путниками, отправлявшимися въ первыхъ числахъ этой луны. За симъ во время этого «йӧрбо̄лійнъ-хурӯла» мы прожили въ нѣкоторые дни совершая поклоненія, въ нѣкоторые дни служа въ хурӯлахъ, а въ нѣкоторые дни разыскивая подводы и дѣлая приготовленія къ отъѣзду. Хуварȧковъ, пришедшихъ на время этого хурӯла, было, говорятъ, 25 тысячъ человѣкъ, а въ иные годы бываетъ, говорятъ, и того больше. Далȧй-ламȧйнъ-гэгэнъ не пріѣзжалъ, а въ нѣкоторые годы онъ, говорятъ, и пріѣзжаетъ.

Послѣ сего мы 5-го числа (9-го февраля) отправились на поклоненіе новаго года въ Бодалӯ и поклонились далȧй-ламȧйнъ-гэгэну. Пришедши оттуда, мы опредѣлили способъ возвращенія на родину и работы стало отмѣнно много. Такъ какъ въ этой цзӯ'ской странѣ нѣтъ верблюдовъ и помимо ѣзды на бычьихъ подводахъ другого способа передвиженія не имѣется, то мы и сговорились повьючить до Накчӯ за плату быковъ, установивъ цѣну по одному лȧну серебра за каждаго быка. Въ спутники мы взяли трехъ монголовъ, которые намѣревались возвращаться изъ Тибета. Они должны были ѣхать на нашемъ провьянтѣ и подво-

дахъ, другой награды не получали, и обязаны были исполнять всѣ наши работы. Послѣ этого мы впятеромъ въ своей палаткѣ, такъ какъ до Цайдама было необходимо имѣть много муки, чаю и мяса для пищи, вьюковъ было много, да сверхъ того для каждаго человѣка нужна была подвода, наняли около 30 быковъ. Первые вьюки отправили 19-го числа (22 февраля), а послѣдніе 27-го (2-го марта), засимъ 28-го числа (3-го марта) я представился и поклонился гэгэну, причемъ удостоился получить освященной воды, благословеніе, кумиръ будды Шачжамуни, священную книгу въ одномъ томѣ и проч. Далѣе я представился и поклонился Дэму хутухту; онъ пожаловалъ мнѣ одного бурхана, благословеніе и рилу. Засвидѣтельствовавъ еще почтеніе Акбанъ-сойбуну, я пришелъ въ Хласу и ночевалъ здѣсь.

Выступивъ изъ Хласы 29-го числа (4-го марта) мы, слѣдуя прежде пройденнымъ путемъ, прибыли въ Накчу 15-го числа средняго весенняго мѣсяца змѣи (19 марта). Здѣсь, такъ какъ выступившіе впередъ путники уже отправились, мы оставались два мѣсяца, поджидая людей, долженствующихъ догнать насъ. Проживая такимъ образомъ, мы купили здѣсь болѣе тридцати быковъ, по шести лапъ серебромъ за каждаго, чтобы доѣхать на нихъ отсюда до Цайдама. Засимъ, когда собралось двѣнадцать огней, мы кочевали изъ Накчу 15-го числа перваго лѣтняго мѣсяца овцы (18-го мая) и проведя два съ половиною мѣсяца до урочища Тулай, на границахъ Цайдама, въ движеніи и дневкахъ, 28-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца курицы (29-го іюля) остановились въ Хойту-тулай'ѣ. Въ этой цайдамской области мы прожили больше мѣсяца и двинувшись въ первыхъ числахъ средняго осенняго мѣсяца свиньи (около 1-го сентября) 30-го числа той же луны (28-го сентября) прибыли въ Гумбумъ. Пробывъ въ немъ два мѣсяца, мы выступили 3-го числа средняго зимняго мѣсяца барса (29—30 ноября), проведя въ дорогѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ до китайскаго Пекина и, достигнувъ до него 10-го числа бѣлой луны слѣдующаго года лошади, прожили въ Пекинѣ почти мѣсяцъ.

Этотъ Пекинъ, столица китайскаго богдохāна, окруженъ стѣнами въ три ряда. Наружная, бѣлая стѣна его имѣетъ, говорятъ, 20 верстъ въ окружности; за нею желтая стѣна, говорятъ, тянется въ каждой изъ своихъ четырехъ сторонъ на двѣ версты; далѣе, внутри сѣрой стѣны, находится дворецъ богдò-хāна. Мы не входили за эту сѣрую стѣну. Поклонялись мы Цзàнданъ-цзӯ, Цагàнъ-субургàну, въ Юнъ-хо-гунѣ, Сунъ-чжу-сы, Шарà-сӯмэ, во дворцѣ далàй-ламы, во дворцѣ паньчэнь-богдò — Субургàну паньчэня Балдàнъ-ишù и прочимъ многочисленнымъ предметамъ поклоненія. Въ ту пору обыкновенно завѣдывающій печатью богдохāнскаго духовнаго правленія, Чжан-чжà гэгэнъ скончался и вмѣсто него завѣдывалъ печатью Тӯганъ гэгэнъ; мы поклонились ему. Послѣ сего хотѣли мы попробовать сходить и поклониться въ У-тàй; но когда спросили, то намъ отвѣчали, что это пространство восьмидневнаго пути. Туда и сюда—16 сутокъ; да тамъ пробыть пять, шесть сутокъ; пока будешь ходить туда и сюда, разыскивая подводы, еще пройдетъ четверо, пятеро сутокъ; такимъ образомъ слагая все вмѣстѣ, насчитывалась поѣздка приблизительно больше мѣсяца и мы не могли ѣхать. Въ этомъ Пекинѣ находятся представительныя учрежденія болѣе чѣмъ отъ десяти хāновъ; каждое изъ нихъ проживаетъ на своемъ собственномъ мѣстѣ. Кажется, впрочемъ, что все находящееся въ Пекинѣ уже подробно описано. Для помѣщенія намъ давалъ бàйшинъ отъ одной китайской лавкѣ бурятъ Гомбоевъ. Лавка эта находится въ Ли-гуанѣ.

Засимъ 3-го числа средняго весенняго мѣсяца выѣхавъ изъ Пекина и прибывъ въ городъ Тунъ-чжоу, мы сѣли въ деревянную лодку и по рѣкѣ прибыли въ городъ Тяньцзинъ. Девять сутокъ ждали парохода, а потомъ сѣли на пароходъ и, плывя по морю, прибыли въ городъ Шанхàй. Продневавъ трое сутокъ, опять сѣли на пароходъ и 25-го числа средняго весенняго мѣсяца змѣи прибыли въ китайскій городъ, именуемый Хань-коу. Здѣсь въ ожиданіи русскаго парохода мы оставались два мѣсяца. Сѣвши на первый пришедшій пароходъ «Саратовъ», мы выѣхали

26-го числа перваго лѣтняго мѣсяца овцы и больше мѣсяца плыли по водамъ внѣшняго моря. По дорогѣ останавливались въ слѣдующихъ пяти мѣстахъ: Сингапорѣ, Коломбо, Перимѣ, Суэцѣ и Портъ-саидѣ, а столицу турецкаго султана, Константинополь, прошли безъ остановки и 29-го числа средняго лѣтняго мѣсяца обезьяны прибыли въ городъ Одессу, принадлежащій уже русскому царю.

По прибытіи, сошедши съ парохода, мы остановились въ гостинницѣ, которая называлась «Крымской». Въ сознаніи, что мы прибыли на границы земель своего царя, мы чувствовали большую радость; но, такъ называемая таможня — жестокая штука: она не выдавала намъ привезенныя нами вещи. Изыскивая средства получить эти вещи, мы испытали много мученій; за всѣмъ тѣмъ, дѣлать нечего, — когда сказали намъ: «вы должны уплатить около шестисотъ рублей серебромъ пошлины», волей неволей, сверхъ денегъ, опредѣленныхъ на содержаніе, мы продали кое что изъ привезенныхъ вещей и, дополнивъ недостающее, отдали. Когда, послѣ долгаго пути, послѣдовало еще ограниченіе въ содержаніи, то мы помучались очень сильно. Будучи задержаны одесскою таможнею, мы, пока отдали сполна деньги, провели семь сутокъ. 5-го числа мѣсяца курицы мы пришли сюда, взяли вещи и сдали ихъ въ транспортную контору съ тѣмъ, чтобы она доставила ихъ водою до города Царицына, а мы получили бы свои вещи, уплативъ фрахтъ въ Царицынѣ.

Послѣ сего, такъ какъ обоимъ намъ надоѣло продолжительное движеніе по морскимъ водамъ, а съ другой стороны шелъ уже 4-й годъ по выѣздѣ нашемъ съ родины, мы при воспоминаніи о своихъ кочевьяхъ, хотѣли ѣхать изъ Одессы до Царицына по желѣзной дорогѣ, чтобы пріѣхать хотя бы однимъ днемъ раньше. Но, такъ какъ хотѣлось, не сбылось, а, — нечего дѣлать, — хотя и долго, нужно было ѣхать по деньгамъ. Сѣли на пароходъ и, слѣдуя по Черному морю, пріѣхали черезъ Ростовъ. Здѣсь мы сѣли на донской рѣчной пароходъ и, прибывъ 14-го вечеромъ въ Калачъ, провели здѣсь ночь. Тутъ

встрѣтились мы съ четырьмя человѣками, прибывшими къ намъ на встрѣчу и впервые услыхали отъ нихъ вѣсти о родныхъ кочевьяхъ. По дорогѣ изъ Одессы мы дали телеграмму и, получивъ эту телеграмму, они выѣхали насъ встрѣтить.

На другой день, 15-го числа, сѣли въ вагонъ и, прибывъ въ Царицынъ, встрѣтились и поздоровались съ земляками, во главѣ которыхъ былъ нойонъ. Сѣли на пароходъ этого дня и, проѣхавъ черезъ Сарепту, пріѣхали въ Солянку, въ помѣстье нойона, гдѣ и заночевали. Когда собрался сюда народъ изъ кочевьевъ, я поздоровался и отпустилъ его обратно. Въ ожиданіи вещей, которыя сдали мы въ Одессѣ, я отправился въ Царицынъ и пока дождался этой своей посылки, да прибылъ въ свой хурӯлъ, прошло 15 сутокъ. Засимъ 1-го числа слѣдующаго мѣсяца я возвратился въ свой Дундӯ-хурӯлъ, служащій моимъ мѣстопребываніемъ.

У насъ было намѣреніе, обоимъ, при взаимной помощи, составить описаніе обстоятельствъ, при которыхъ совершилось наше путешествіе отъ выхода изъ кочевьевъ въ 1891 году, до возвращенія въ 1894 году, дабы распространить это описаніе въ массѣ и оно явилось бы на помощь, если появятся люди, желающіе опять идти. Въ періодъ выполненія этого намѣренія, ходившій вмѣстѣ со мною, единственный спутникъ мой, черезъ пять мѣсяцевъ по возвращеніи, заболѣлъ кашлемъ, а черезъ три мѣсяца умеръ. Послѣ сего я, имѣя въ виду, что для поѣздки моей нѣтъ свидѣтелей и что у нѣкоторыхъ, пожалуй, возродится сомнѣніе, порѣшилъ просто оставить свое писаніе. Но при такомъ моемъ положеніи, меня просилъ писать нойонъ Цэрэнъ-давидъ; сверхъ того, при начальномъ выѣздѣ моемъ изъ кочевьевъ, онъ пожаловалъ меня, изобильно внеся свое вспомоществованіе и поддержку; памятуя это благодѣяніе, я, чтобы не нарушить его слова, и составилъ эту маленькую книжку.

Причина, по которой я описывалъ въ подробностяхъ (свой путь) отсюда по Тибетской странѣ до Хласы: — писалъ, я по мѣрѣ возможности, съ намѣреніемъ доставить пользу людямъ,

имѣющимъ отправиться впослѣдствіи. Обратный путь я не описывалъ подробно, потому что всякій человѣкъ, послѣ того какъ смогъ дойти, не будетъ имѣть трудности въ возможности возвратиться назадъ; оттого и не дѣлалъ я замѣтокъ какъ слѣдуетъ. Вотъ по какимъ причинамъ написалъ я такимъ образомъ. Если при этомъ я что либо сказалъ лишнее, убавилъ, или ошибся, всѣ, кто прочтетъ, простите! Отъ роду мнѣ больше 50 лѣтъ, физически — у меня болитъ спина, душа у меня много страдаетъ; а потому, весьма возможнно, что есть что либо лишнее, недостающее, или ошибочное.

И такъ, кто прочтетъ эту маленькую книжку, или дастъ прочитать человѣку, желающему съ нею ознакомиться, да водворится въ томъ душевное благоговѣніе! Да появится много путешественниковъ въ Цзӯ, и да составляются мало по малу съ большими подробностями и совершенствомъ описанія Цзӯского пути! Далѣе, если кто, благочестивый человѣкъ, вознамѣрится отправиться на поклоненіе въ Цзӯ, то я согласенъ провести его туда и обратно, являясь его руководителемъ. Если такіе люди будутъ ходить туда и сюда, и взаимное движеніе увеличится, то это будетъ полезно для человѣчества. Да исполнится и это (мое желаніе)!

Да низойдетъ спасеніе будды, да утвердятся стопы нашего августѣйшаго Императора, да наслаждаются всѣ одушевленныя существа спокойствіемъ и да возродится духъ добродѣтели!

Сказаніе это окончено 17-го числа мѣсяца мыши 1896 года огня и обезьяны.

Путешественникъ Ба̄за Мӧнкӧчжӯевъ.

УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ личныхъ и географическихъ именъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Х.

Ц.

Э.

Ю.

Я.

Й.

